

ВЕСТНИК Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1993 г.

Серия
ИСТОРИЯ РОССИИ

2011, № 4

Серия издается с 2002 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Баринов И.И. Итальянские войска на оккупированных территориях СССР в 1941–1944 гг. 5

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Соловьев К.А. Государственная Дума Российской Империи: проблема депутатской дисциплины и законотворчество 15

Мичурин А.Н. «В Госсовете – вавилонское столпотворение»: политические взгляды членов Государственного совета и состав «Прогрессивного блока» в 1915 г. 27

Ренёв Е.Г. Латышские стрелки и подавление Ижевского антибольшевистского восстания 40

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Линькова Е.В. Антитеза «Россия–Запад» во внешнеполитических взглядах отечественных консерваторов середины XIX в. (на примере концепции Ф.И. Тютчева) 49

Сакон Ю. Чей Амур? Российско-китайские отношения в конце XIX – начале XX в. 58

Юркевич А.Г. Южнокитайская советническая группа и финансирование Советским Союзом политических и военных проектов Гоминьдана в 1924 г. 66

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

- Дутчак Е.Е.** Кириллические книжные собрания и их владельцы: сравнительный анализ конфессиональных стратегий староверия 75
- Каиль М.В.** Между верой и властью: женская религиозность в постреволюционной российской провинции 89

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

- Аржанова И.В.** Рейтинг университетов: от механизма маркетинга к объективному ранжированию 98
- Гарскова И.М.** Информационные технологии и информационный подход в исторической науке 110

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- История народов России. К итогам Всероссийской научно-практической конференции в РУДН (Москва, 19–20 мая 2011 г.) 125
- Диссертационный совет Д 212.203.03 в Российском университете дружбы народов в первой половине 2011 г. 128

НАША БИБЛИОГРАФИЯ

- Столяров М.В.** Политикам надо чаще оглядываться на свою историю. Рец. на кн.: *Баркова О.Н.* История разработки и принятия Конституции РСФСР 1925 г. – М., 2008. – 268 с. 132

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

- Философ, историк, организатор науки. Нуру Сериковичу Кирабаеву – 60 лет! 136

- НАШИ АВТОРЫ** 139

BULLETIN

SCIENTIFIC JOURNAL

of Peoples' Friendship University of Russia

Founded in 1993

Series

RUSSIAN HISTORY

2011, № 4

Series founded in 2002

Peoples' Friendship University of Russia

CONTENTS

HISTORY OF GREAT PATRIOTIC WAR

Barinov I.I. Italian Troops on USSR occupied Territories in 1941–1945 5

POLITICAL HISTORY OF RUSSIA

Solovyov K.A. State Duma of Russian Empire: Deputies' Discipline Problem and Lawmaking 15

Michurin A.N. Political Views of State Council Members and «Progressive Block» Structure in 1915 27

Renév E.G. Latvian Shooters and Izhevsk Anty-Bolsheviks Revolt Suppression .. 40

HISTORY OF RUSSIAN FOREIGN POLICY

Linkova E.V. Antithesis «Russia–West» in Foreign Policy Views of Russian Conservatives of the Mid 19th Century (on Fedor Tutchev's Concept) 49

Sakon Y. Whom does the Amur belong to? Russian-Chinese Relations in the late 19th – early 20th Centuries 58

Yurkevich A.G. Soviet Advisors Group in South China and Soviet Union Financing of Gomindan War Planes in 1924 66

HISTORY OF RUSSIAN RELIGIOSITY

Dutchak E.E. Cyrillic Book Collections and their Owners: Comparative Analysis of Old Believers' Confession Strategies 75

Kail M.V. Female Religiousness in Post-Revolutionary Russian Province: between Belief and Power	89
SCIENCE AND EDUCATION	
Arzhanova I.V. European Union and New Approach to Internationalization of Higher Education	98
Garskova I.M. Information Technology and Information Approach in Historical Research	110
SCIENTIFIC LIFE	
History of Peoples of Russia. The results of the All-Russian Scientific and Practical Conference in PFUR (Moscow, May 19–20, 2011)	125
Dissertation Council D212.203.03 of Peoples' Friendship University of Russia in the 1 st half of 2011	128
OUR BIBLIOGRAPHY	
Stolyarov M.V. Politicians are look back at their History more often. Critical essay on: Barkova O.N. History of Development and Adoption of the 1925 RSFSR Constitution. Moscow: Presto-RK Ed., 2007. – 268 p. – 1000 copies	132
OUR ANNIVERSARIES	
Philosopher, historian, science organizer. Nur Serikovich Kirabayev is 60!	136
OUR AUTHORS	139

© Peoples' Friendship University of Russia, Publication, 2012
© The Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia, 2012

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ИТАЛЬЯНСКИЕ ВОЙСКА НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СССР В 1941–1944 ГГ.

И.И. Баринов

Кафедра отечественной истории XX–XXI в.
МГУ им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский пр-т, 27-4, Москва, Россия, 119992

Статья посвящена изучению деятельности союзных нацистской Германии итальянских войск на оккупированных в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. территориях СССР. Материал, содержащийся в статье, позволяет осветить как общие черты политики итальянской оккупационной администрации, так и ее особенности, а также ее причастность к военным преступлениям на советской территории. В статье также представляется возможным проследить организующую роль Германии в плане организации оккупации советских территорий и ее отношения с союзниками и сателлитами на Восточном фронте. Работа строится на малоизвестных и неизученных архивных документах.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., оккупированные советские территории, итальянский экспедиционный корпус, военные преступления.

Изучение такого значимого для отечественной истории явления, как Великая Отечественная война, а вместе с ней и оккупации советских территорий войсками нацистской Германии, ее союзников и сателлитов, накладывает на ученого двойную ответственность и одновременно открывает перед ним двойную возможность: с одной стороны, любое исследование по данной проблематике ценно само по себе, поскольку – несмотря на буквально поминутную изученность многих событий – значительная часть войны все еще остается не до конца освещенной в исторической литературе; с другой же стороны, историк, пишущий о событиях 1941–1945 гг., становится не просто академическим ученым, но волей-неволей участвует в процессе формирования того или иного исторического дискурса.

Сегодня в России крайне редки работы, которые бы сочетали в себе две вышеуказанные особенности: как правило, выходящие исследования либо преимущественно фактологичны, посвящены доскональному исследованию того или иного эпизода войны, либо, напротив, исключительно идеологичны. Наиболее ценными представляются исторические исследования, в которых широта источниковой базы, ее детальный анализ и творческая интерпретация сочетаются с четко обозначенной идейной позицией исследователя. Вплоть до последнего времени исторические исследования в СССР и России не видели критически-ориентированных и одновременно документально фундированных работ в силу того, что Великая Отечественная война воспринимается не столько рационально, сколько эмоционально, а многие темы являются табуированными.

В данной статье речь пойдет об итальянских воинских формированиях, находившихся в 1941–1943 гг. на территории СССР и осуществлявших наряду с немецкими войсками собственную оккупационную политику. Целью данной статьи является выявление характерных особенностей итальянского оккупационного режима как страны-союзницы нацистской Германии на захваченной советской территории, а также различий с германской оккупационной политикой.

Говоря об итальянском воинском контингенте на оккупированной советской территории, нужно подчеркнуть, что отправка итальянских войск на Восточный фронт стала не только и не столько воплощением устремлений ряда представителей правящих элит (например, министра военного производства генерала Фавагроссы), сколько личных амбиций дуче Италии, наблюдавшего за действиями Гитлера в Европе «с нескрываемой завистью» (1) и, в русле заявлений последнего о расширении германского жизненного пространства на Восток, желавшего поучаствовать в создании новой геополитической карты Европы.

Уверенность Бенито Муссолини в том, что участие в военных действиях на Восточном фронте принесет итальянскому оружию славу, а самой Италии в будущем место среди победителей, наравне с Германией, основывалась сразу на двух, на первый взгляд, очень весомых аргументах: с одной стороны, на вере в мощь Вермахта, а с другой стороны – на абсолютной уверенности в силе собственной армии, которая, хотя и неоднократно демонстрировалась итальянским диктатором публично, выглядит куда менее обоснованной.

Готовность итальянского общества и его мотивация к переводу жизни на военные рельсы оказались минимальны – то, что «война в Италии непопулярна», признавал даже такой значительный стратег, как Франц Гальдер, начальник Генштаба сухопутных войск Германии (2).

Более того – и это представляется особенно ярким примером безрассудства вступления Италии в войну на Восточном фронте, – у фашистского государства уже был, в 1935–1936 гг. и в первой половине 1941 г., болезненный и де-факто неудачный опыт ведения боевых действий в Африке.

Гитлер первоначально был не против присутствия итальянцев на Восточном фронте (3), хотя и указывал Муссолини, что он окажется гораздо более полезен, если увеличит свои силы в Северной Африке (4). Тем не менее к августу 1941 г. на фронт прибыл 62-тысячный итальянский экспедиционный корпус в России (*Corpo Spedizione Italiana in Russia, CSIR*), в июле 1942 г. развернутый в итальянскую армию в России (*Armata Italiana in Russia, ARMIR*) под командованием генерал-лейтенанта Мессе в составе трех дивизий – «Пасубио», «Торино» и «Челере», который уже в сентябре-октябре того же года принял участие в боевых действиях на Украине вместе с войсками немецкой группы армий «Юг», а затем вместе с ней участвовал в оккупации Донбасса.

Нужно отметить, что отношения между итальянским и немецким воинскими контингентами складывались крайне непросто – трения начались еще во время переброски итальянских войск на Восток, а уже в ходе непосредственного участия Корпуса в боях вылились в открытые столкновения.

Первой причиной конфронтации двух, казалось бы, союзных держав стал вопрос о снабжении итальянских войск, находившихся на территории СССР.

Тыловое снабжение, всегда представлявшее собой труднопреодолимую проблему для военных коммуникаций, растянутых на большие расстояния, а именно обеспечение Корпуса транспортом и продовольствием – то, что играет в наступательной операции ключевую роль, – оказалось организованным крайне плохо. Еще до начала военных действий в Европе, в марте-апреле 1939 г., на регулярных совещаниях немецких и итальянских генералов, высшим военным командованием Италии не раз поднимался вопрос о том, что Рим будет готов к войне самое раннее в 1942 г. (5). Неудивительно, что итальянские войска, оказавшиеся в СССР уже в 1941 г., столкнулись с серьезнейшими проблемами.

Суровый климат Восточной Европы требовал эффективного питания солдат. Однако рационы немецкого пайка вызывали острое недовольство итальянских военнослужащих (6). Плохое питание вело не только к частичной потере боеспособности итальянскими солдатами, но и к общему ухудшению их здоровья. Так, по показаниям попавших в советский плен итальянцев, плохое питание явилось не только причиной снижения физических качеств солдат, но и послужило толчком широкому распространению инфекционных заболеваний (7).

Наряду с продовольственной проблемой возникали и существенные затруднения с надлежащим обеспечением итальянских войск транспортом: потребность в нем удовлетворялись лишь на треть (8). По воспоминаниям итальянского офицера Эудженио Корти, участника боев под Сталинградом и на Дону, «если падающий с ног от изнеможения итальянский солдат делал попытку забраться на немецкие сани, его незамедлительно сгоняли прочь» (9).

Кроме того, командование CSIR требовало снабжать войска валютой той территории, на которой они находятся (применительно к СССР речь шла об немецких имперских кредитных билетах) (10). Все эти проблемы послу-

жили причинами для того, чтобы недавние союзники с недоверием взглянули друг на друга.

Второй причиной, внесшей раскол в итало-германское сотрудничество, стало частично оправданное реальностью, частично ставшее результатом накопившихся предубеждений недовольство действиями друг друга. Германия всегда рассматривала своих итальянских союзников не как равноправных партнеров, столь же ценных, но пусть и обладающих меньшими ресурсами, а как подопечных, обладающих меньшими правами во всем (11).

Иерархия выстраивалась немцами как в политике, так и в бою. Еще в октябре 1941 г. Гальдер писал, что «в виду низкой боеспособности итальянских дивизий их, к сожалению, можно использовать только для пассивного флангового прикрытия в тылу» (12).

Идея о том, что итальянцы «ни к чему не способны», встречается в дневниках и высокопоставленных фронтовых офицеров (13). Трудно сказать, насколько эти выводы германских военных были обоснованы в 1941 г., однако, принимая во внимание печальный опыт Италии в Первую мировую войну (двенадцать неудачных наступлений только на одном участке фронта у реки Изонцо), немецкий генералитет, несомненно, имел все основания иметь предубеждение относительно боевых и моральных качеств итальянских войск.

Факт эмоционального и психологического давления со стороны немецкого командования подтверждается и самими итальянскими военными. Высокопоставленный итальянский военный Эмилио Фальделла, занимавший должность начальника Воспитательного управления Генерального штаба Италии, написал после войны фундаментальный труд по истории европейских конфликтов, в котором подчеркивал, что «немецкое командование вело себя высокомерно и презрительно» (14).

Хотя дальнейшие попытки итальянского генерала создать позитивный образ итальянских войск (он пишет о том, что «мужественное поведение» итальянцев и их «весомый вклад в операции» обеспечивали улучшение в отношениях с немцами (15)) выглядят немного натянутыми, обеспокоенность на уровне Генерального штаба Италии позволяет утверждать, что проблема морально-психологического доминирования немецких солдат над итальянскими была остра. Следует также отметить факт, ускользнувший от пера Фальделлы, но при этом довольно важный для понимания моральной угнетенности итальянцев: даже собственные итальянские офицеры обращались с подчиненными им солдатами – как свидетельствовали военнопленные – крайне грубо (16).

Еще одной сферой, где проблема иерархизации отношений между немцами и итальянцами появилась довольно остро, стала символическая сфера. Согласно трофейным документам, дискриминация происходила даже в случае убийства итальянского военнослужащего местными жителями, за что полагалось расстрелять 80 заложников, тогда как за убийство немецкого военнослужащего – 100 заложников (17) (при этом убитый румынский солдат «стоил» всего 10 заложников (18)).

Известно также, что в одном случае бургомистром занятого немецкими войсками города Красный Луч Ворошиловоградской области УССР был назначен итальянец – некий Англезио (19).

Принимая во внимание то, что обычно немецкая практика состояла в назначении на должность бургомистра кого-либо из местных жителей, случай с градоначальником Красного Луча свидетельствует о том, что для немцев не существовало серьезных статусных различий между союзниками-итальянцами и жителями оккупированных территорий. Порой доходило до откровенных издевательств: так, описывая особенности итальянской формы (шляпы с перьями) и последующее поражение итальянских частей в битве за Умань, немецкие солдаты говорили: «Мы кур ели, итальянцы перья подбирали, а теперь они и перья растеряли» (20).

Проблемы обеспечения итальянских войск всем необходимым в сочетании с морально-психологическим давлением со стороны немецких командующих привели к резкому ухудшению состояния солдат Корпуса. Боевой дух итальянцев, весьма высокий в начале кампании, уже осенью 1941 г. упал.

Как свидетельствовал один из офицеров дивизии «Торино», в октябре того же года дисциплина оставляла желать лучшего, а многие солдаты ходили неопрятными и имели страдальческий вид (21). Немецкие донесения свидетельствовали о ежедневных кражах итальянцами продуктов питания (22).

Советские источники также сохранили данные о материальной и моральной деградации итальянских войск. Так, согласно донесениям НКВД в сентябре 1941 г. итальянцы, прибывшие под Днепропетровск, были «оборваны и совершенно не обеспечены питанием», крали у населения не только продовольствие, но и одежду, а многие итальянские солдаты были одеты в красноармейскую форму, которую снимали с убитых или отбирали у пленных (23). Чтобы купить что-нибудь поесть, итальянцы вынуждены были продавать на базарах собственное оружие (24).

На этом фоне разнь между немецкими и итальянскими войсками усиливалась еще сильнее, доходя уже до элементарных бытовых конфликтов в расположении частей; участились случаи дезертирства итальянских военнослужащих, перехода их на сторону партизан и добровольной сдачи в плен – по сообщениям командования одного из партизанских отрядов, действовавших в районе Минска, итальянцы «искали случая, чтоб перейти к партизанам» (25), в то время как, по мнению Фальделлы, немецкое командование не могло или не хотело оценить эффективность возможностей CSIR (26).

Примечательно также и то, что итальянские и немецкие войска вели очень разную оккупационную политику. Хотя Э. Корти и хвастался, что он «никогда не обращался к немецким офицерам, если без этого можно было обойтись» (27), а итальянские военнослужащие в целом пользовались переводными немецкими инструкциями и директивами ведения войны и отношения к местным жителям (28) и даже, по косвенным свидетельствам, объ-

яснялось с ними по-немецки (29), практика показывает, что реальная оккупационная политика Италии отличалась от политики Германии.

На территориях, занятых итальянскими войсками, представителям военной администрации поручалось предпринять комплекс мер, нацеленных на обеспечение безопасности войсковых соединений, а именно: назначить старост («*nominati gli starosta*»), которые «под страхом суровых наказаний и репрессий» должны будут сообщать о наличии партизан и чужих гражданских лиц, а также сдавать имеющееся оружие (30), что соответствует немецким предписаниям о расстреле за укрывательство и недоносительство и хранение оружия, действовавшим в той же зоне оперативной ответственности (31).

Вместе с тем важно подчеркнуть, что итальянцы всегда использовали термин «*partigiani*», тогда как в немецких документах в большинстве случаев употреблялся термин «*Banditen*». За этим терминологическим различием кроется фундаментальное отличие в понимании оккупационного режима, который две страны осуществляли на Восточном фронте. Если итальянцы аккуратно следовали традиционным европейским моделям и международным военным конвенциям, предписывавшим делить население на мирных жителей и партизан (в отношении и тех, и тех существовали те или иные нормы права, и страна-оккупант должна была соблюдать определенные правовые предписания (32)), то немцы, используя термин «бандиты», с самого начала не только «брутализировали» борьбу с местным подпольем и партизанским движением, но и фактически поставили всех лиц, отказывавшихся подчиняться немцам, вне закона.

На практике разное понимание и разное восприятие партизан проявилось в принципиальной политике репрессий. В случае с итальянцами «непосредственная акция репрессии и зачистка сектора» должна была проводиться только в случае агрессии со стороны партизан (33), тогда как, согласно приказу немецкого генерала В. фон Браухича, вышедшему еще в октябре 1941 г., главной целью в борьбе с партизанами было «полное окружение и уничтожение врага» (34). Местным жителям без разрешения запрещалось покидать территорию населенных пунктов «во избежание вражеского шпионажа», вводился комендантский час с темноты до рассвета, периодически производилась зачистка территории для обеспечения спокойствия в тылу (выявленных партизан предписывалось «хватать и отправлять в концентрационный лагерь»), в районах дислокации итальянских войск приказывалось создать охранные команды, которые будут поддерживать контакты со старостами (35).

Население занятых итальянскими войсками районов привлекалось на сельскохозяйственные работы, при этом сразу после выполнения работ его предписывалось отпускать (36), что разительно отличает подход к труду итальянских инстанций от аналогичных немецких, которые фактически угоняли советских граждан в рабство в качестве «остарбайтеров» (с другой стороны, есть сведения об участии итальянцев в угоне советских граждан в Германию из занятого ими Серафимовичского района Сталинградской области (37)).

Всем лицам старше 14 лет выдавались удостоверения личности за подписью местного старосты и итальянского уполномоченного на двух языках (русском и итальянском), которые содержали персональные сведения и приметы, отпечатки пальцев и собственноручную подпись владельца (38). Также планировалось провести перепись населения и составить особые списки евреев, коммунистов, иностранцев, политически неблагонадежных и преступников, проживавших на оккупированной территории (39). Примечательно то, что итальянские соединения стремились по возможности избежать столкновений с партизанами: войсковым частям предписывалось передвигаться по возможности ночью (40), днем использовать для сообщения жестикуляцию и договорные знаки, ночью – не отдавать команды громко и использовать световую сигнализацию (41), что походит на аналогичный по времени (лето 1942 г.) приказ германского командования о затемнении автоколонн во время ночного движения (42).

О том, что итальянское командование трезво оценивало масштабы партизанской войны на оккупированных территориях СССР и причины ее ужесточения, видно из итальянских директив, в которых подчеркивалось, что «каждая корова, отнятая у крестьян, дает лесу двух партизан» (43).

При этом итальянцы осознавали, что «война ведется в интересах Гитлера», и не скрывали, что «воюют под угрозой расстрела» (44), порой подчиняясь «только животному инстинкту самосохранения» (45). Известны случаи, когда итальянские солдаты предупреждали местных жителей о готовящихся немецких реквизициях (46).

Вместе с тем «приличное, дисциплинированное и благородное поведение итальянских солдат», по словам Фальделлы, снискавшее «симпатию и благодарность у населения, в отличие от жестокого поведения немцев» (47), зачастую не соответствовало действительности. Факты военных преступлений, совершенных итальянскими войсками, были зафиксированы органами НКВД и Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников: это, в частности, убийства и изнасилования в селах Днепропетровской области в сентябре 1941 г., грабежи и убийства гражданских лиц и военнопленных в Донбассе и на Полтавщине в июле 1942 г. (48), массовое уничтожение отступающими итальянскими частями заключенных тюрьмы г. Россошь в январе 1943 г. (49).

Помимо этого итальянские военнослужащие принимали участие в разрушениях городской инфраструктуры и уничтожении сельскохозяйственной продукции в Молдавской ССР, в Днепропетровской, Кировоградской и Ворошиловоградской областях УССР (50). Также существуют сведения о присвоении итальянскими офицерами культурных ценностей, в частности, старинных икон на оккупированных территориях (51).

Итальянская оккупационная политика носила принципиально иной характер по сравнению с немецкой оккупацией. Хотя обе страны совершали на

территории СССР военные преступления, итальянская модель оккупации представляется значительно менее жесткой. На общем фоне действия итальянцев как войск-оккупантов выглядят нетипичными.

Как бы парадоксально это ни казалось, именно итальянский оккупационный режим наиболее полно вписывался в классическую модель оккупации и соответствовал нормам международного права.

Прежде всего необходимо отметить решение итальянских оккупационных властей создать на контролируемых ими территориях специальную полицию. Этот шаг примечателен сразу по нескольким причинам: во-первых, итальянцы стали фактически единственными представителями стран Оси, которые осознали необходимость сведения к минимуму полицейских функций регулярной армии; во-вторых, коренное отличие итальянской идеи полиции от создававшихся войсками других стран правоохранительных органов состояло в том, что полиция эта призвана была обеспечивать «верховенство закона» для всех, приводя к повиновению не только местное население, но и оккупационные войска всех стран – союзниц Германии (52). Существуют факты расследования преступлений итальянских военнослужащих представителями итальянского командования (53).

Еще одним заслуживающим внимания решением итальянской администрации на оккупированных территориях является директива о необходимости разделить все населения контролируемых территорий на три группы. Как можно было бы ожидать, принимая во внимание немецкий, румынский и венгерский опыт, подобное разделение должно было осуществляться на той или иной расово-этнической основе. Однако же – и это вновь подчеркивает отличие менталитета и идеологии итальянцев, – разделение осуществлялось по идейному принципу: в первую группу попадали приверженцы коммунистического режима, во вторую – антикоммунисты, а в третью – нейтрально настроенные лица. Далее данная директива предполагала, что оккупационные власти должны выстраивать разную политику по отношению к этим трем группам (54).

Итак, на основе вышеприведенных аргументов можно сказать, что Германия и Италия были весьма странными союзниками, и их совместные действия на оккупированных территориях Советского Союза трудно однозначно оценить. Не подвергается сомнению то, что союзники по Оси преследовали в захваченных областях разные, зачастую противоположные цели. Различие между итальянскими и немецкими войсками проявилось в установленных ими оккупационных режимах (если в данном случае вообще корректно говорить об итальянской оккупации советских территорий), а также в мерах по противодействию партизанскому движению. При этом стоит подчеркнуть главенствующую роль и довлеющий пример нацистской Германии в организации значительной части оккупационных мероприятий, проводимых войсками ее союзников, что видно из большого числа похожих документов, директив и распоряжений. На Восточном фронте войска Германии и Италии оказались в 1941–1943 гг. объединенными в некий внутренне кон-

фликтный альянс, единственным связующим фактором для которого была его антисоветская направленность.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Филатов Г.С.* Восточный поход Муссолини // Крестовый поход на Россию: Сб. ст. – М., 2005. – С. 19.
- (2) *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. – М., 1971. – Т. 3: Запись от 26 июля 1941 г.
- (3) Там же. Запись от 8 июля 1941 г.
- (4) *Филатов Г.С.* Восточный поход Муссолини... – С. 17.
- (5) *Taylor A.* The Origins of the Second World War. – L., 1961. – P. 10.
- (6) РГВА. – Ф. 1744к. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 11.
- (7) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 175. – Л. 31.
- (8) *Филатов Г.С.* Восточный поход Муссолини... – С. 39.
- (9) *Корти Э.* Немногие возвратившиеся: Записки офицера итальянского экспедиционного корпуса, 1942–1943. – М., 2002. – С. 27.
- (10) РГВА. – Ф. 1744к. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 32.
- (11) В подтверждение этого факта уместно вспомнить о том, что в переговорах о «Континентальном блоке», в который в перспективе должны были – по задумке части немецкой элиты – войти СССР, Германия и Италия, участвовали только И. фон Риббентроп и В. Молотов. Их итальянского коллеги графа Г. Чиано на переговорах не было.
- (12) *Гальдер Ф.* Военный дневник. – Т. 3: Запись от 9 октября 1941 г.
- (13) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 55. – Л. 67–68.
- (14) *Faldella E.* L'Italia nella Seconda Guerra Mondiale. – Forli, 1959. – P. 398.
- (15) Там же.
- (16) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 55. – Л. 31.
- (17) Там же. – Д. 52. – Л. 46.
- (18) *Cooper M.* The phantom war: The German struggle against Soviet partisans, 1941–1944. – L., 1979. – P. 53.
- (19) ГАРФ. – Ф. Р7021. – Оп. 56. – Д. 564. – Л. 25.
- (20) РГАСПИ. – Ф. 69. – Оп. 1. – Д. 744. – Л. 59.
- (21) Цит. по: *Филатов Г.С.* Восточный поход Муссолини... – С. 44.
- (22) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 168. – Л. 17–18.
- (23) Там же. – Д. 52. – Л. 69.
- (24) Там же. – Ф. 69. – Оп. 1. – Д. 913. – Л. 74.
- (25) Там же. – Д. 748. – Л. 106.
- (26) *Faldella E.* L'Italia nella Seconda Guerra Mondiale... – P. 398.
- (27) *Корти Э.* Немногие возвратившиеся... – С. 57.
- (28) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 174. – Л. 60 об; Д. 175. – Л. 55–69.
- (29) ГАРФ. – Ф. Р7021. – Оп. 149. – Д. 191. – Л. 29, 84.
- (30) РГВА. – Ф. 1744к. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 9; РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 174. – Л. 60 об.
- (31) Донецкая область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Донецк, 1980. – С. 79–80; Сумская область в период Великой Отечественной войны. – Харьков, 1963. – С. 165.

- (32) *Cooper M.* The phantom war... – P. 47.
(33) РГВА. – Ф. 1744к. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 9.
(34) ГАРФ. – Ф. Р7021. – Оп. 148. – Д. 185. – Л. 6.
(35) РГВА. – Ф. 1744к. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 10.
(36) Там же.
(37) ГАРФ. – Ф. Р7021. – Оп. 149. – Д. 191. – Л. 9.
(38) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 174. – Л. 54 об, 60.
(39) Там же. – Л. 54.
(40) РГВА. – Ф. 1744к. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 9.
(41) Там же. – Л. 7.
(42) Там же. – Ф. 1323к. – Оп. 2. – Д. 255. – Л. 45.
(43) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 834. – Л. 14.
(44) Там же. – Д. 174. – Л. 22; Там же. – Д. 55. – Л. 21.
(45) *Корту Э.* Немногие возвратившиеся... – С. 46.
(46) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 174. – Л. 22.
(47) *Faldella E.* L'Italia nella Seconda Guerra Mondiale... – P. 398.
(48) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 52. – Л. 45, 81; ГАРФ. – Ф. Р7021. – Оп. 56. – Д. 564. – Л. 25; Там же. – Оп. 149. – Д. 33. – Л. 6.
(49) ГАРФ. – Ф. Р7021. – Оп. 149. – Д. 33. – Л. 6.
(50) Там же. – Оп. 123. – Д. 173. – Л. 2, 5 об., 7, 22.
(51) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 174. – Л. 21.
(52) Там же. – Л. 55.
(53) ГАРФ. – Ф. Р7021. – Оп. 149. – Д. 191. – Л. 65.
(54) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 174. – Л. 36–36 об.

ITALIAN TROOPS ON USSR OCCUPIED TERRITORIES IN 1941–1945

I.I. Barinov

Department of Russian History of 20–21th centuries
Faculty of History, Moscow State University
Lomonosovsky Ave., 27-4, Moscow, Russia, 119992

The article studies the activities of Italian allied troops of Nazi Germany in the occupied during the Great Patriotic War of 1941–1945 of the USSR Soviet territories. The material contained in the article allows to compare the Italian occupation administration policy and its features as well as its involvement in war crimes on Soviet territory. This article also gives a possibility to trace the organizing role of Germany in terms of organization of the occupation regime on the Soviet territory and its relations with its allies and satellites on the Eastern Front. The work is based primarily on unexplored archival documents.

Key words: The Great Patriotic War 1941–1945, occupied Soviet territories, Italian Expeditionary Corps, war crimes.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПРОБЛЕМА ДЕПУТАТСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ И ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО

К.А. Соловьев

Кафедра истории России нового времени
Историко-архивный институт
Российский государственный гуманитарный университет
Никольская ул., 15, Москва, Россия, 109012

В статье рассматривается проблема дисциплины депутатов Государственной Думы Российской Империи: степень их вовлеченности в законотворческий процесс, пропуски пленарных и комиссионных заседаний нижней палаты. Анализируется влияние депутатской дисциплины на характер законодательных работ Государственной Думы. Делается вывод, что думский абсентизм во многом определял функционирование представительного учреждения.

Ключевые слова: Государственная Дума, комиссии Думы, депутаты, дисциплина депутатов.

Дискуссия о представительном строе в России в 1906–1917 гг. обычно сводится к спору о нескольких хорошо известных законодательных актах: о Манифесте 17 октября 1905 г., Учреждениях Думы и Государственного совета, Основных государственных законах 23 апреля 1906 г. (1). При этом чаще всего упускается из виду, что любая система – это не только правила, но и люди, которые их выполняют или игнорируют. У участников политического процесса есть свои привычки, образ мышления, алгоритмы поведения. Им свойственна особая политическая культура, определяющая неписанные правила игры. Применительно же к истории представительных учреждений в России в начале XX в. встает вопрос о качестве депутатского корпуса, его способности к конструктивной законотворческой работе.

Анализ состава Думы традиционно предполагает учет возраста, национальности, вероисповедания, сословной и, прежде всего, фракционной принадлежности депутатов (2). На основе этой информации делаются выводы об эво-

люции представительной власти в России или же смене политического курса. В современной историографии все чаще ставится вопрос о региональном (3), этноконфессиональном своеобразии народных избранников (4), о фракционной солидарности (5), поведенческих характеристиках отдельных законодателей (6). При этом обычно упускается из виду: сколько депутатов обычно присутствовало на заседаниях нижней палаты, а чье присутствие никто не замечал?

Естественно, степень вовлеченности членов Думы в законотворческий процесс была разной. Одни думцы беспрестанно выступали с трибуны Таврического дворца. Другие же – упорно молчали. Так, за годы работы III Думы 1 депутат из фракции правых 374 раза выступал на пленарных заседаниях, 1 член прогрессивной группы – 324 раза, от 251 до 300 раз выступали 2 депутата, от 201 до 250 – 3, от 151 до 200 – 7, от 101–150 – 11, от 51 до 100 – 48, от 26 до 50 – 54, от 11 до 25 – 78, от 4 до 10 – 92, 3 раза – 22 депутата, 1 – 48 народных избранников. 93 депутата (т.е. 21% всего депутатского корпуса) ни разу не выступали на пленарном заседании (среди них 8 правых, 22 националиста, 5 независимых националистов, 42 октябриста, 1 член мусульманской фракции, 1 представитель польско-литовско-белорусской группы и польского кола, 6 прогрессистов, 4 кадет, 1 трудовик, 3 беспартийных) (7). За I сессию III Думы было произнесено 507 речей. Больше всех говорил П.Н. Крупенский: 27 раз, В.А. Бобринский – 26 раз, М.В. Родзянко – 19, Н.Е. Марков – 18, В.М. Пуришкевич – 17, А.А. Уваров – 14, А.А. Бобринский – 13, П.Н. Милюков – 10 (8). Иными словами, 8 депутатов произнесли 30% всех речей.

Аналогичным образом дело обстояло и в каждой отдельной фракции.

Безудержная активность лидеров «компенсировала» предельную пассивность большинства. Так, к февралю 1909 г. из 51 члена фракции кадетов 21 вовсе не выступали, 12 сделали те или иные незначительные ремарки в ходе думских обсуждений и лишь 11 активно участвовали в дискуссиях. Из 25 прогрессистов 15 не выступали, 4 сделали случайные замечания и лишь двое (Н.Н. Львов и И.В. Титов) произнесли значимые речи (9).

Еще более показательна информация о докладчиках в III Думе. Один октябрист выступал с докладом 171 раз. От 81 до 120 раз выступали 4 депутата, от 41 до 80 – 10, от 21 до 40 – 25, от 11 до 20 – 28, от 6 до 10 – 33, от 3 до 5 – 53, 2 раза – 33 депутата, 1 раз – 39.

261 депутат ни разу не выступали с докладами (из них 36 правых, 49 националистов, 5 независимых националистов, 2 правых октябриста, 47 октябристов, 14 представителей польско-литовско-белорусской группы и польского кола, 6 членов мусульманской фракции, 25 прогрессистов, 32 кадет, 11 трудовиков, 15 социал-демократов, 19 беспартийных).

Иными словами, 15 депутатов представили значительную часть всех думских докладов. За время работы III Государственной Думы члены фракции октябристов сделали 1882 доклада, националисты – 341 доклад, кадеты – 150, правые – 141, члены польско-литовско-белорусской группы и

польского кола – 85, правые октябристы – 60, прогрессисты – 55, представители мусульманской фракции – 10, трудовики – 9, беспартийные – 12. Члены социал-демократической фракции не выступали с докладами на пленарных заседаниях Думы (10). Этот фракционный «перекос» во многом объясняется тем, что в руководстве комиссий нижней палаты были исключительно представители думского большинства, которые и брали на себя подготовку докладов к законопроектам.

И все же многие народные избранники нередко «молчали» по причине своего элементарного отсутствия. При этом, имея в виду лишь официально учтенные сведения, было бы явным преувеличением утверждать, что депутаты Думы отличались особой недисциплинированностью. Так, во II сессию III Думы в среднем депутат пропускал около 13,2% всех пленарных заседаний. Меньше всего заседаний пропускали малочисленные социал-демократы (3,55%). Больше всех – беспартийные (33,33%), по определению лишенные фракционного руководства. Часто отсутствовали прогрессисты (18,38%), представлявшие чрезвычайно «рыхлое» образование, лишенное единого организационного центра (11). Однако чаще всего число пропусков колебалось около средних показателей: 8,57% у трудовиков, 9,12% у мусульманской группы, 10,38% у «Союза 17 октября», 12,03% у националистов и умеренно-правых, 12,29% у кадетов, 12,36% у польско-литовской-белорусской группы, 13,26% у правых, 13,7% у польского кола. При этом злостных нарушителей дисциплины более всего было среди националистов и октябристов. 24 члена фракции националистов и умеренно-правых, 23 представителя «Союза 17 октября», 12 прогрессистов (из 36 входивших во фракцию), 10 правых (из 49), 9 кадетов (из 53) пропустили более 25 заседаний. Всего таких депутатов было 83 депутата. В свою очередь, 8 депутатов не пропустили ни одного заседания (12).

Таким образом, думский «абсентизм» лишь в малой степени зависел от фракционной принадлежности. От него страдали все депутатские объединения и практически в одинаковой мере.

Аналогичным образом складывалась ситуация и в III сессию. В среднем депутаты пропускали 13,8% всех пленарных заседаний. Самыми дисциплинированными были трудовики: их процент составлял 8,83%. Более всех вновь пропускали прогрессисты (20,74%), чуть меньше – правые и октябристы – 18,18%, которые постепенно утрачивали контроль над своими многочисленными фракциями. При этом депутатов, пропустивших более 25 заседаний, больше всего было среди октябристов – 35 и националистов 33. Всего таких народных избранников было 131 чел. Не пропустивших ни одного заседания – 27: опять же больше всего среди октябристов – 9 и националистов – 5 (13). Соответственно, наибольшую сумму штрафов за пропущенные заседания без уважительной причины заплатили националисты (2975 руб.), прогрессисты (2375 руб.), октябристы (2075 руб.). Общая сумма штрафов составила 9125 руб. (14).

В IV сессию количество заседаний, пропущенных депутатами, несколько сократилось. Теперь в среднем член Государственной Думы пропускал 12,8% заседаний. Меньше всех пропускали социал-демократы (3,41%), трудовики (7,02%), представители мусульманской фракции (9,14%), правые октябристы (9,29%). Больше всех пропускали прогрессисты (30,25%), беспартийные (17,23%).

Депутатов, пропустивших более 25 заседаний, было 68 чел.: больше всего среди октябристов (22), националистов (13), правых (10). Не пропустивших ни одного заседания было 17: в том числе 4 социал-демократа, 4 националиста, 3 октябриста, 3 кадет (15). В соответствии с этим наибольшую сумму штрафов заплатили прогрессисты (2125 руб.), националисты (1475 руб.), октябристы (1400 руб.). Общая сумма штрафов составила 6375 руб. (16).

В V сессию количество пропущенных заседаний заметно выросло. В преддверии скорых выборов в IV Думу депутат был озабочен своим будущим и предпочитал Таврическому дворцу родной уезд, от которого он обычно и баллотировался. В конце легислатуры в среднем депутат пропускал 16,2% всех пленарных заседаний. Меньше всех пропускали члены мусульманской группы (9,8%), трудовики (10,08%), представители польского кола (10,7%). Напротив, больше всех – прогрессисты (24,5%), беспартийные (24,5%), члены польско-литовско-белорусской группы (21,4%), октябристы (18,9%), правые (18,4%). Депутатов, пропустивших более 25 заседаний, было 207 человек: среди них 66 октябристов (из 123), 41 националист (из 93), 27 правых (из 52), 23 прогрессиста (из 39), 22 кадет (из 53). Вместе с тем 8 депутатов не пропустили ни одного заседания (17). Общая сумма штрафов составила 13 150 руб. Причем более половины всей суммы (7000 руб.) заплатили прогрессисты. 2425 руб. приходилось на октябристов, и 1575 руб. – на правых (18).

Таким образом, если не учитывать последнюю сессию, процент пропущенных депутатами заседаний не был чрезмерным, и он приблизительно одинаков для всех фракций.

Однако цифры, как часто это бывает, многое скрывают.

Количество зарегистрировавшихся народных избранников отнюдь не обязательно должно было равняться числу участников пленарных заседаний Думы. Депутат мог и не появиться в зале общих собраний или покинуть его после часа работы. Многие члены Думы подъезжали на извозчике к Таврическому дворцу, оставляли его у входа, расписывались в регистрационной книге и уезжали домой. Иногда они даже расписывались на другой день. Для этого нужно было лишь найти соответствующий список в канцелярии. В случае же поименного голосования их приходилось обзванивать по телефону и призывать явиться на заседание Думы (19). Поэтому в обычном голосовании «вставанием» участвовало 100–180 присутствовавших депутатов.

Иными словами, количество вотировавших порой с очевидностью свидетельствовало об отсутствии кворума (он должен был составлять 1/3 при-

сутствовавших, или в случае с III Думой 140 депутатов). Редко когда число голосовавших достигало 280.

В период работы III Думы максимальное число участвовавших в общем собрании было зафиксировано при перевыборах А.И. Гучкова председателем нижней палаты осенью 1910 г.: тогда голосовало 340 депутатов (20).

Особенно часто народные избранники пропускали вечерние заседания. Иногда это приводило к конфузам. Например, уже в поздние часы 25 апреля 1912 г. практически не было представителей центра и было очень мало правых. Тон задавала оппозиция. В результате председательствовавший М.В. Родзянко не решился пресечь резкие высказывания социал-демократа И.П. Покровского, не чувствуя за собой большинства. В довершение всего под конец заседания в зал явился совершенно пьяный Г.В. Скоропадский, непременно желавший выступить с трибуны. Его едва удалось отговорить. Товарищи по фракции (октябристы) предложили ему «плюнуть на Думу и уйти лучше в буфет опохмелиться» (21).

Депутаты не любили ходить на обсуждение специальных вопросов, требовавших особых знаний. Например, не вызывала у них интереса проблема чиншевого права. 22 января 1908 г. Е.Я. Кизеветтер, присутствовавшая на заседании Думы, отметила в своем дневнике, что «многие из депутатов разошлись по кулуарам, а кто остался, сидит – разговаривает» (22).

Чем ближе были каникулы – рождественские, пасхальные или летние – тем меньше было депутатов. Не дожидаясь начала «ваканта», они разъезжались по домам. Серьезные проблемы с обеспечением кворума возникали уже к середине декабря (23) или же в конце мая. Так, по сведениям служащего думской канцелярии Г.А. Алексеева, к концу мая 1914 г., т.е. приблизительно за месяц до конца сессии, отпуск взяли уже 100 депутатов (если быть более точным, 102 (24)). Алексеев предсказывал, что при сохранении такой динамики вскоре в Таврическом дворце осталась бы одна канцелярия. В ответ на это председатель Думы М.В. Родзянко приказал не выдавать отпуска. Это вызвало всеобщее возмущение среди депутатов, так что Родзянко пришлось срочно отменить свое распоряжение. В итоге уже через несколько дней, к 30 мая, среди разъехавшихся по домам было 124 народных избранника. По этой причине пленарные заседания проводились при явном отсутствии кворума и они открывались с опозданием в полчаса и более (25).

По сведениям на 30 мая 1914 г., во фракции правых отсутствовало 22 депутата, т.е. 37% членов фракции; у националистов отсутствовало 28 чел. (27%); в Партии центра – 21 (56,5%); в группе земцев-октябристов – 13 (23%); у левых октябристов – 9 депутатов (45%); в мусульманской группе – 1 чел. (17%); в польском коло – 3 (или 33%); во фракции прогрессистов – 15 (или 36%); у кадетов – 14 (25,5%); во фракции социал-демократов – 2 (16,5%); в группе независимых – 2 (15%); среди беспартийных – 6 (35%). Самыми дисциплинированными оказались мусульмане и трудовики: среди них отсутствовавших не было (26). Работники канцелярии убеждали по теле-

фону Н.А. Хомякова приехать на заседание Думы, где каждый депутат целился «на вес золота». На это бывший председатель нижней палаты отвечал: «Ну их к черту» (27).

В конце легислатуры III Думы, в мае 1912 г., кворума не было практически ни на одном заседании. Тем не менее председательствовавшие М.В. Родзянко и кн. В.М. Волконский умело маскировали этот факт. Это не удавалось другому товарищу председателя Думы М.Я. Капустину, которому приходилось время от времени прекращать заседания из-за малочисленности собравшихся (28). В этой связи Я.В. Глинка так аттестовывал Капустина: «Милый старичок, жаль мне его, но председательствовать, по моему мнению, он не может, слишком теряется» (29).

Отсутствию депутатов было множество причин. Так, значение каникул объяснялось тем, что большая часть депутатов была так или иначе связана с работами на земле. По этой причине октябристы в феврале 1912 г. доказывали необходимость продлить даже пасхальные каникулы в силу того, что сельским хозяевам надо быть на местах во время весенних полевых работ (30).

По мнению депутата от Риги С.П. Мансырева, его коллеги в большинстве своем были слишком озабочены своими частными или региональными интересами, чтобы регулярно присутствовать на пленарных заседаниях: «Большинство ограничивало свою деятельность хлопотами и ходатайствами о разнообразных, большей частью мелких нуждах своего района: какая-нибудь церковь, школа, железнодорожная ветка, а то и просьба по частному делу. Поэтому в общих собраниях и комиссионных заседаниях их почти не было видно: они являлись только тогда, когда их лидеры считали нужным мобилизовать все силы, и послушно голосовали по указке своих софракционеров. Прочее время они проводили в бесконечных посещениях разных канцелярий и министерств. А ведь таких было более четвертой части членов Думы» (31).

Кроме того, депутаты «интеллигентных профессий» часто испытывали острую нехватку средств и были вынуждены искать дополнительные заработки, что требовало и времени, и усилий. Депутат II Думы Н.И. Иорданский вспоминал, что сразу по окончании работ нижней палаты, в 7 ч вечера, он надиктовывал свои статьи редакции «Русских ведомостей» (которые писал во время пленарных заседаний). Общение с Москвой продолжалось и после 12 час. ночи, когда обычно заканчивались фракционные совещания (32). Средств не хватало и впоследствии, когда депутатам было назначено фиксированное жалование в 4800 руб. Некоторым пришлось сложить с себя депутатские полномочия. Другие не теряли надежду найти «благодетеля»: «За членами Думы не мелкого калибра была большая погоня на должности всяких директоров, членов правления в финансовых предприятиях, очень охотно принимали их в состав сотрудников редакций всяких газет» (33).

Думский абсентизм нередко предрешал исход голосования. Весной 1912 г. поляки заметили отсутствие в Думе националистов, которые заседали в своем клубе, отмечая прибытие однопартийцев из провинции. В польском коло

решили этим воспользоваться и отклонить законопроект о выделении Холмского края из Царства Польского. Членам Русской национальной фракции пришлось мчаться на извозчиках, дабы помешать осуществлению этого коварного замысла (34).

В мае 1912 г. левый октябрист И.С. Ключев был вынужден по многим вопросам голосовать вместе с правыми. Столь странное поведение объяснялось тем, что к концу сессии именно правые были в большинстве: октябристы и кадеты перестали посещать заседания. Ключев же нуждался в поддержке большинства присутствовавших при скором обсуждении своего доклада. Именно поэтому он, вопреки предложению товарища по фракции И.В. Годнева и настроению октябристов, не покинул зал заседания, когда рассматривался вопрос об ассигновании средств духовному ведомству (35).

В июне 1913 г. при обсуждении повестки дня депутаты правого и левого крыла заняли непримиримые позиции. М.В. Родзянко изучил список наличных народных избранников и пришел к выводу, что уход разъехавшихся правых не сорвет работы нижней палаты, и отказался им идти на уступки (36).

И думские комиссии депутаты посещали отнюдь не более аккуратно. Отчасти это объяснялось тем, что многие народные избранники были членами сразу нескольких комиссий. В письме от 27 апреля 1913 г. кн. С.С. Волконский признавался, что жалеет, что числится лишь в одной комиссии в то время, как многие депутаты входили сразу в 10, не посещая ни одну из них (37).

По словам Н.А. Хомякова, в III Думе 1/3 членов бюджетной комиссии вовсе не являлась на ее заседания, а 1/3 приходила от случая к случаю (38). Это касалось даже самых деятельных депутатов. Так, к февралю 1908 г. из 8 заседаний комиссии о неприкосновенности личности В.А. Маклаков посетил 3, М.С. Аджемов и Ш.Ш. Сыртланов – 2, О.Я. Пергамент – 1. Из 17 заседаний финансовой комиссии октябристы в среднем посетили 11,5, правые – 8,5, оппозиция – 6 (39).

Иными словами, коммиссионные совещания депутаты посещали едва ли не хуже пленарных заседаний. Причем это касалось даже фракционных лидеров.

Это во многом определяло своеобразие работы этих учреждений. Обычно комиссии начинали работать в одни и те же часы. Депутаты, входившие в сразу несколько комиссий, были вынуждены пропускать то или иное заседание. В итоге оно могло не состояться из-за отсутствия кворума (40). Дабы этого не случилось, присутствовавшими считались все расписавшиеся в явочном листе. Однако к моменту голосования кворума обычно уже не было. Депутатам приходилось бегать по соседним помещениям, «забирая» своих коллег с заседаний других комиссий (41).

Некоторые комиссии, чья работа отличалась особой интенсивностью (бюджетная, по местному самоуправлению и др.), порой назначали свои заседания на часы общих собраний Думы. Депутаты были вынуждены выбирать, куда идти и что пропускать. Специально для того, чтобы позволить народным избранникам проголосовать на пленарном заседании, такие комис-

сии назначали перерыв на время баллотировки (42). Многие в Думе протестовали против такой практики. В ответ А.И. Гучков и А.И. Шингарев доказывали коллегам, что такое положение хоть и нежелательно, но совершенно неизбежно (43).

Порой явочный лист не спасал положение. По сведениям И.С. Клюжева, заседания комиссии по народному образованию периодически срывались из-за отсутствия кворума (44). Иногда на то были весьма «уважительные причины». В 1908 г. заседания земельной комиссии отменялись по причине дня ангела председательствовавшего (45). 24 ноября 1911 г. многие депутаты проигнорировали комиссионную работу. Это был Екатеринин день, и «далеко не все готовы променять именины на думские дела», – констатировала жена И.С. Клюжева. Большинство отсутствовавших принадлежало к либеральным фракциям, правые же все были налицо, что в итоге предопределило исход голосования (например, о судьбе школ духовного ведомства) (46). Несклонных утруждать себя депутатов приходилось уговаривать.

В марте 1908 г. А.И. Гучков обратился к членам фракции октябристов с настоятельной просьбой приходить в бюджетную комиссию, так как несколько заседаний подряд было сорвано из-за отсутствия кворума (47).

8 мая 1912 г. И.С. Клюжев упрасивал явиться на вечернее заседание комиссии по народному образованию. У всех находился повод там не присутствовать. Епископ Митрофан ссылался на церковную службу. Татарин Г.Х. Еникеев говорил о том, что обсуждавшийся проект ущемлял права национальных меньшинств. Той же позиции придерживались и поляки. А.М. Масленников обещал прийти. Однако его знакомые твердо заявили Клюжеву, что Масленникова не будет: «Он не сдержит своего обещания по присущей ему лени». Октябрист Д.А. Леонов ссылался на усталость, кадет М.С. Воронков – на неприятие проекта. А И.В. Годнев категорически отказался приходить из-за недостатка времени: ему надо было укладывать багаж (48). Клюжев не уставал возмущаться: «Одни, как Годнев, укладываются, другие проводят вечера в клубе за карточной игрой и многие, как говорят, очень проигрались, третьи уехали в отпуск, четвертые улаживают свои делишки. Все, кто не рассчитывают попасть в следующую Думу, запасаются себе протекцией для получения тепленького местечка. Да и те, кто думает пройти на предстоящих выборах, все-таки на всякий случай заботятся об этом же» (49).

В июне 1913 г. депутаты «прогрессивного направления» не пришли на заседание бюджетной комиссии, где обсуждалась смета Министерства путей сообщений. Этим воспользовался националист Демченко, который за полчаса провел те решения, которые ранее наметил. «Благодаря этому ведомство получило в комиссии без возражений то, что совсем не ожидало при общем настоящем настроении Думы». Когда пришли депутаты от оппозиции, было уже поздно. Они были в гневе и начали «срывать свое сердце» на другом – в результате затянули комиссионное обсуждение. Из планировавшихся 20 вопросов рассмотрели лишь 8 (50).

Подобное случалось нередко. В IV Думе даже в самой дисциплинированной бюджетной комиссии часто не хватало депутатов. В итоге исход голосования был случаен, непредсказуем. Это во многом лишало смысла коммиссионную работу. На пленарное заседание сторонники и противники законопроектов, не смирившиеся со состоявшимся решением, приходили во всеоружии защищать свою точку зрения (51).

Иногда депутаты намеренно не являлись на заседание комиссии в надежде его сорвать. Так случилось в середине мая 1912 г., когда в работе бюджетной комиссии приняли лишь правые депутаты, желавшие провести кредиты на военное ведомство, противником которых был А.И. Гучков. Однако практически все октябристы и кадеты на заседание не пришли, и оно было признано несостоявшимся (52).

Низкая посещаемость заседаний комиссий влияла на обсуждение текста законопроектов. Докладчику, договаривавшемуся с каждым конкретным депутатом о его участии в заседании, приходилось учитывать самые разнообразные требования. Так, в мае 1912 г. И.С. Ключев убегдал Г.Х. Еникеева прийти на обсуждение проекта об учительских семинариях, обещая исключить из текста те положения, которые не устраивали депутатов-мусульман (53).

Даже столь незначительное по численности совещание, как Президиум Думы, страдало от недисциплинированности своих членов.

В марте 1907 г. Президиум дал задание думской канцелярии выяснить схему движения законов и запросов, так как председательствовавший Ф.А. Головин очень часто давал неверное направление делам. «Доложить результаты нашей работы нам не удалось, так как президиум в данной Думе засиживаться... не любит, и когда мы в 6 часов спустились вниз, то мы застали одного Челнокова, который заявил, что ему страшно хочется есть и что он переговорит с нами в другой раз», – писал Г.А. Алексеев (54).

Впоследствии Алексеев описывал одно из заседаний Президиума, состоявшееся в конце марта 1913 г., на котором присутствовали лишь Родзянко и Волконский. «Все остальные члены президиума оказались по комиссиям, и как мы их к себе не звали, они являлись только для того, чтобы сказать, что никак не могут принять участия в совещании. Родзянко ругался и кричал, что надо ему дать единоличную власть...» (55).

Члены нижней палаты не были дисциплинированными участниками пленарных и коммиссионных заседаний Думы. Напротив, депутатские «прогулы» становились важным фактом политической жизни страны. Они нередко приводили к неожиданному исходу голосования как на Общем собрании Думы, так и в комиссиях, состав которых зачастую оказывался случайным. Думский абсентизм ставил под сомнение и фракционную группировку депутатов. Самая многочисленная фракция, не способная мобилизовывать своих членов, на любом пленарном заседании могла оказаться в меньшинстве. Иными словами, традиционные механизмы, способные обеспечить предсказуемость законотворческого процесса, в России работали не слишком надежно.

Столь низкая дисциплина народных избранников подразумевала широкие полномочия руководства нижней палаты, которое вносило хотя бы внешний порядок в хаос депутатского законотворчества. Правительству же, учитывая думскую непредсказуемость, приходилось регулярно посещать Таврический дворец, вести переговоры со всеми фракциями (включая и оппозиционные), руководством представительного учреждения и, наконец, с отдельными наиболее влиятельными депутатами.

Таким образом, «представительный строй» 1906–1917 гг. нуждался в «ручном управлении», способном компенсировать ненадежность парламентской процедуры. Ключевая роль выпадала правительству, что предполагало в нем благожелательного партнера депутатов, поддерживавшего в постоянном движении столь мало сбалансированный законодательный механизм. В противном случае он встречал непреодолимые препятствия даже в привычках и настроениях самих депутатов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Государственная Дума Российской империи, 1906–1917: Энциклопедия. – М., 2008. – С. 433–434.
- (2) Там же. – С. 109–110, 447–448, 618–619, 676–677.
- (3) Саид-Заде С. Азербайджанские депутаты в Государственной Думе. – Баку, 1991; Киян М.Ш. Депутаты от украинских губерний в Государственной Думе Российской империи I и II созывов (1906–1907 гг.). – Харьков, 1997; Калинин Б.Ю., Родионова Ю.В., Шустрова Е.И. Нижегородцы в российском императорском парламенте // 100 лет российского парламентаризма: История и современность. – Н. Новгород, 2006. – С. 166–171; Салтык Г.А. Депутаты-куряне в истории российского парламентаризма // Парламентаризм в России: Проблемы и перспективы. – СПб., 2006. – С. 115–123; Сидоренко Н.С. Уральские депутаты Государственной Думы (1906–1917 гг.) // Отечественная история. – 2006. – № 5. – С. 91–97; Тарасова И.С. Рязанский депутатский корпус в Государственной Думе I и II созывов в 1906–1907 гг. // Парламентаризм в России: Проблемы и перспективы. – СПб., 2006. – С. 124–132; Усманова Д.М. Депутаты от Казанской губернии в Государственной Думе России. – Казань, 2006. – С. 287–288; Она же. Депутаты-казанцы в Государственной Думе Российской империи: общественно-политический, образовательный и профессиональный облик // Имперские и национальные модели управления: Российский и европейский опыт. – М., 2007. – С. 471–478; Фадеев К.В. Депутаты от Томской губернии в истории российского парламентаризма // 100 лет российского парламентаризма: История и современность. – Н. Новгород, 2006. – С. 171–175.
- (4) Циунчук Р.А. Государственная Дума Российской империи: Этноконфессиональное и региональное измерения: Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Казань, 2004. – С. 302, 563; Она же. Роль Государственной Думы в развитии политической жизни Российской империи // 100 лет российского парламентаризма: История и современность. – Н. Новгород, 2006. – С. 189–193; Она же. Думская избирательная система как фактор оформления новой этнополитической географии Российской империи // Таврические чтения – 2008. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России: Всероссийская научно-практическая конференция. – СПб., 2009. – С. 77; Тадаси К. Думское законодательство на

- чала XX в. и его значение для государственного единства Российской империи // Acta slavica Iaponica. – 2005. – Т. 22. – Р. 94.
- (5) *Кирьянов И.К.* Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. – Пермь, 2006. – С. 131–143.
 - (6) Там же. – С. 144–181.
 - (7) Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. 1907–1912 гг. – СПб., 1912. – Ч. 1: Общие сведения. – С. 12.
 - (8) Русь. –1907. 18 декабря. – № 339.
 - (9) *Пиленко А.А.* Работа оппозиционных депутатов // Московский еженедельник. – 1909. 6 февраля. – № 6. – Стб. 17–18. Конечно, далеко не все депутаты были подготовлены к публичным выступлениям. 21 марта 1907 г. Ф.А. Головин писал А.В. Скурдиной: «Выступления левых... [Ф.А.] Щербины и [М.Г.] Зайцева, были просто жалки. стыдно левым, что они выпускают таких ораторов. Это не ораторы, а какие-то свинопасы. Политически неграмотные, не обладающие даром слова, вернее: даже не умеющие двух слов толком сказать, – просто какие-то убогие!» (ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 183. – Л. 49). Впрочем, и некоторые левые весьма критически оценивали ораторские таланты своих однопартийцев. Так, член фракции социал-демократов писал 19 марта 1907 г.: «Истинное удовольствие испытал, слушая речи Маклакова, Тесленко и Кузьмина-Караваева. Они лучше нас, и мы годимся им в ученики... Нельзя скрывать, что крайняя левая Думы представляет из себя “изнанку”: ни одного человека науки, ни одного талантливого оратора» (ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 183. – Л. 36).
 - (10) Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва... – Ч. 1: Общие сведения. – С. 12.
 - (11) *Мансьев С.П.* Мои воспоминания о Государственной Думе // Историк и Современник: Историко-литературный сборник. – Берлин, 1922. – Кн. II. – С. 14.
 - (12) Там же. – С. 20.
 - (13) Там же. – С. 22.
 - (14) Там же. – С. 23.
 - (15) Там же. – С. 24.
 - (16) Там же. – С. 25.
 - (17) Там же. – С. 26.
 - (18) Там же. – С. 27.
 - (19) *Шидловский С.И.* Воспоминания: В 2 т. – Берлин, 1923. – Т. 1. – С. 121.
 - (20) *Неманов Л.* Итоги сессии // Речь. –1911. 15 мая. – № 131.
 - (21) РГИА. – Ф. 669. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 9.
 - (22) ОРРГБ. – Ф. 566. – К. 19. – Д. 1. – Л. 199.
 - (23) Около Думы // Русские ведомости. – 19 декабря 1908 г. – № 294. Член фракции кадетов Л.А. Велихов писал брату 23 января 1914 г.: «В Государственной Думе – кабак. 85 депутатов взяли отпуск. В комиссиях нет кворума, в общем собрании болтают вздор...» (ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 981. – Л. 88).
 - (24) Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной Думы, декабрь 1911 г. – февраль 1917 г. // Вопросы истории. – 2000. – № 2. – С. 23.
 - (25) ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 988. – Л. 767.
 - (26) Донесения Л.К. Куманина... – С. 23–24.
 - (27) ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 989. – Л. 823.
 - (28) РГИА. – Ф. 669. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 28.
 - (29) *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной Думе. – М., 2001. – С. 69, 122.
 - (30) РГИА. – Ф. 1278. – Оп. 3. – Д. 162. – Л. 49 об.

- (31) Мансырев С.П. Мои воспоминания о Государственной Думе // Историк и Современник. Историко-литературный сборник. – Берлин, 1922. – Кн. II. – С. 12.
- (32) РГАЛИ. – Ф. 1337. – Оп. 1. – Д. 84 б. – Л. 111 об.–112.
- (33) Шидловский С.И. Воспоминания... – Т. 1. – С. 129.
- (34) Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни: Воспоминания. – М., 1994. – С. 208.
- (35) РГИА. – Ф. 669. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 24.
- (36) Там же. – Д. 14. – Л. 78.
- (37) ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 923. – Л. 776.
- (38) Киреев А.А. Дневник, 1905–1910 гг. – М., 2010. – С. 264.
- (39) Старая почта. – 1908. 20 февраля. – № 242.
- (40) ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 921. – Л. 599.
- (41) Шидловский С.И. Воспоминания... – Т. 1. – С. 112–113; РГИА. – Ф. 669. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 134.
- (42) РГИА. – Ф. 1278. – Оп. 3. – Д. 167. – Л. 103.
- (43) Там же. – Д. 162. – Л. 15.
- (44) РГИА. – Ф. 669. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 151 об.
- (45) ГА РФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 336. – Л. 16.
- (46) РГИА. – Ф. 669. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 70 об.
- (47) ГА РФ. – Ф. 115. – Оп. 2. – Д. 40. – Л. 9.
- (48) РГИА. – Ф. 669. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 26 об.
- (49) Там же. – Л. 28 об.
- (50) Там же. – Д. 14. – Л. 64 об.
- (51) Донесения Л.К. Куманина... – С. 17.
- (52) РГИА. – Ф. 669. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 27 об.
- (53) Там же. – Л. 38.
- (54) ГА РФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 180. – Л. 1–2.
- (55) Там же. – Д. 921. – Л. 599.

STATE DUMA OF RUSSIAN EMPIRE: DEPUTIES' DISCIPLINE PROBLEM AND LAWMAKING

К.А. Solovyov

The Department of Modern Russian History
History and Archive Institute of the Russian State University of the Humanities
Nikolskaya Str., 15, Moscow, Russia, 109012

This article is about a deputy's discipline problem at the time of the State Duma of Russian Empire. К.А. Solovyov researches the level of the deputy's involvement in the lawmaking process, the deputy's absence in the plenary and commission meetings of the Lower House. The author analyzes the deputy's discipline influence on the legislative activity of the State Duma. К.А. Solovyov has come to the conclusion that the deputy's absence to a certain extent determined the functioning of the representative institution.

Key words: State Duma, commissions of Duma, deputies, deputy's discipline.

**«В ГОССОВЕТЕ – ВАВИЛОНСКОЕ СТОЛПОТВОРЕНИЕ»:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЧЛЕНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА
И СОСТАВ «ПРОГРЕССИВНОГО БЛОКА» В 1915 Г.**

А.Н. Мичурин

Кафедра истории
Санкт-Петербургский политехнический университет
ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия, 195251

В статье рассматриваются вопросы, связанные с политической борьбой в Государственном совете и Государственной Думе в годы Первой мировой войны, особенности организационной работы «Прогрессивного блока» во время общественно-политического кризиса 1915–1917 гг., влияние отдельных вопросов на целостность этого политического объединения.

Ключевые слова: Государственный совет, Государственная Дума, Прогрессивный блок.

«Прогрессивный блок» в отечественной историографии упоминается достаточно часто в связи с политическим кризисом в Российской империи в годы Первой мировой войны. Однако вопрос персонального состава блока в Государственном совете слабо изучен, в связи с тем что списочный состав групп не соответствует реальным политическим симпатиям отдельных членов верхней палаты российского парламента. Это приводит к многочисленным фактическим ошибкам, устранить которые возможно путем привлечения архивных документов (прежде всего переписки того времени) и мемуаров, к которым нужно относиться достаточно критически.

В этой связи важным представляется обрисовать в данной работе тот политический фон, на котором образовался «Прогрессивный блок», и без учета которого сложно представить его формирование, и реальные взгляды так называемой «политической оппозиции» в Государственном совете (как групповые, так и индивидуальные). Это поможет понять отсутствие каких-либо реальных групповых интересов в составе «Прогрессивного блока» среди членов Государственного совета и искусственность его формирования.

Начало образованию «Прогрессивного блока», сыгравшему большую роль в политической борьбе в России в годы Первой мировой войны, положило объединение различных оппозиционных сил не только в Государственной Думе, но и в Государственном совете: «Первая стадия блока: центр, внепартийные и академическая группа Государственного совета. Только по объединении этих советских групп и выработки ими программы действий

стало возможным вести переговоры с соответствующими организациями Государственной Думы» (1). А кадетская «Речь» 5 августа отмечала зарождение блоков в верхней палате, связывая это с желанием правых создать какое-либо объединение с нейдгардовцами. При этом делались прозрачные намеки на ответные ходы: «С другой стороны явственно обозначилась нарождающаяся группировка вокруг В.Н. Коковцова, который, по-видимому, будет лидером “делового консерватизма”» (2).

Уже в этот момент определилась возможность сговориться во фракциях Государственной Думы по вопросу «коалиционного министерства». На это прямо указывала прогрессистская газета «Утро России», отмечавшая даже приблизительные контуры будущего объединения – «от крайних левых до правых октябристов включительно и коснется, быть может, даже некоторой части националистов» (3).

Сами прогрессисты рассматривали будущее объединение как возможность с его помощью направить депутацию к царю с целью образования ответственного министерства, поэтому прогрессисты считали вполне естественным исключение представителей левых партий от участия в собрании, имевшем целью посылку депутации к монарху. Напротив, кадеты считали, что цели внутридумского объединения намного шире. П.Н. Милюков включал в них единение с общественными силами, выработку единой программы и определение характера будущего правительства: «Далее следовало выполнение одной из главнейших задач: сближение думского блока с Государственным Советом» (4). При этом Милюков считал, что только в период переговоров между думской и советской частью блока в Государственном совете «выдвинулась группа, готовая идти вместе с нами» (5).

То есть П.Н. Милюков считал, что только после образования блока в Государственном совете выделилась та часть оппозиционных членов верхней палаты, которая разделяла программу блока.

С.И. Шидловский вообще не знал подробностей организации блока в Государственном совете и считал только, что «она была менее сплочена, чем в Думе» (6). Это вызывает тем большее удивление, что члены Государственного совета объединились уже в конце июля, а степень их сплоченности не могла быть значительной из-за отсутствия в группах верхней палаты строгой партийной дисциплины.

Выяснив очертания будущего объединения в Государственной Думе на заседании 9 августа 1915 г. на квартире председателя Думы М.В. Родзянко, оппозиционные парламентские круги вплотную подошли к созданию внутривластного объединения с привлечением членов верхней палаты.

Это собрание состоялось 11 и 12 августа 1915 г. с участием представителей трех групп Государственного совета (левой, центра и кружка внепартийного объединения) и представителей думских фракций – прогрессистов, кадетов, «Союза 17 октября», земцев-октябристов, центра и националистов. При этом формально представителем четвертой группы Государственного

совета (внепартийных) был М.А. Стахович. На первом же заседании были выделены три ключевых вопроса, которые поставили члены верхней палаты. Это вопросы об основах программы, персональном составе нового правительства и о том, что это правительство должно делать.

Члены Государственного совета были очень активны в своих выступлениях, и заявления М.А. Стаховича (внепартийный), Д.Д. Гримма (левый), Д.А. Олсуфьева (центр), В.И. Гурко (кружок внепартийного объединения), князя А.Д. Оболенского (центр) дают представление о той позиции, какую занимали сами группы Государственного совета перед открытием собрания.

В.И. Гурко и М.М. Ковалевский настаивали на определении лица, которому можно доверить возглавить кабинет, а Олсуфьев и Стахович предлагали начать с программы. Общий ход прений выдвинул членов верхней палаты на передний план, поэтому А.И. Савенко писал из Петрограда к Н.К. Савенко 14 августа 1915 г.: «Собрались главные представители всех думских партий от кадет до левых националистов и главные представители центра и левого крыла Гос. Совета. Был весь цвет политического мира: М. Стахович, Князь Оболенский (автор Манифеста 17 Октября), Гурко, Максим Ковалевский, Гримм, Шебеко, Скирмунт. Граф Олсуфьев, Барон Розен, Меллер-Закомельский и др. Из них великолепно говорят Гурко, Граф Олсуфьев и Князь Оболенский» (7).

Из перечисленных Савенко членов Государственного совета только К.Г. Скирмунт (центр) не был упомянут в списке, опубликованном в газете «Утро России» за 27 августа, в котором перечислялись все представители верхней палаты, участвовавшие в выработке декларации блока: М.А. Стахович, барон В.В. Меллер-Закомельский, М.М. Ковалевский, А.Ф. Кони, И.А. Шебеко, В.И. Гурко, А.В. Васильев, князь А.Д. Оболенский, граф Д.А. Олсуфьев, Д.Д. Гримм, А.С. Ермолов, А.Э. Мейштович, барон Р.Р. Розен. Уже из этого списка ясно видно, что наибольшее количество участников переговоров с думской оппозицией дала группа центра: В.В. Меллер-Закомельский, И.А. Шебеко, А.Д. Оболенский, Д.А. Олсуфьев, А.Э. Мейштович, А.С. Ермолов, Р.Р. Розен и К.Г. Скирмунт.

Некоторые члены Государственного совета совсем не были не то что радикалами, но даже просто смелыми людьми. А.В. Бельгард пишет, например, что в члена Государственного Совета И.А. Шебеко в Германии в начале Первой мировой войны немцы «плевали... бросали в него разными предметами» (8).

При этом особо важным является то, что А.Д. Оболенский, А.С. Ермолов и Р.Р. Розен были членами Государственного совета по назначению, то есть представляли ту группу отставного чиновничества, которое М. Виноградским в одном из писем характеризовалось крайне определенно: «Ведь $\frac{3}{4}$ Гос. Совета – это тоже правительство» (9).

Этот взгляд был не нов и отстаивался в ряде работ, посвященных Государственному совету. В.В. Ивановский писал, что представительство ученых

в Государственном совете как элемента прогрессивного настолько ничтожно, что оно совершенно тонет среди многочисленных консервативных групп. Того же мнения придерживался и член Государственного совета М.М. Ковалевский (10). Об одном из таких «бывших» – Е.И. Алексееве есть место в воспоминаниях барона Розена: «He was a man of great intelligence, very liberal and well-balanced mind, clear insight and sound judgment in political affairs» (11). Странно, что Е.И. Алексеев, интеллектуал и либерал, вообще ничего не делал в Государственном совете, как пишет А.Ф. Редигер.

Сам А.Ф. Редигер, бывший военный министр и член Государственного совета, хотя и был представителем «тоже правительства», однако совсем не горел желанием сотрудничать с правительством, даже по вопросу обороны, и не хотел входить в состав Особых совещаний: «Мой приятель Воеводский вполне разделял мое мнение и также не желал попасть в члены этих совещаний» (12).

О В.И. Гурко, еще одной заметной политической фигуре в Государственном совете, хорошо написал А.В. Бельгард: «Обладая независимым, хотя и не очень внятным характером, В.И. Гурко выделялся всегда действительным знанием дела, точной определенностью своих взглядов и исключительной способностью легко и ясно формулировать свои мысли, но, по своему увлекающемуся характеру, он и в буквальном смысле слова, и вообще в жизни был типичный азартный игрок» (13).

М.М. Ковалевский, А.В. Васильев, Д.Д. Гримм входили в левую группу Государственного совета. А.Ф. Кони и В.И. Гурко представляли кружок внепартийного объединения, а М.А. Стахович примыкал к аморфной группе внепартийных.

Побудительным мотивом, объединившим столь разнородные силы в общем желании выработать приемлемую и объединяющую всех программу, стало искреннее желание внести перелом в обстановку на фронте. Это определенно выразил В.И. Гурко уже на первом заседании будущего блока 11 августа 1915 г.: «Нас объединила мысль о победе. Как изыскать способы победы?» (14). 12 августа на следующем заседании обсуждались меры, «необходимые для создания сильной власти и для восстановления доверия к ней в стране (акт милосердия и забвения, коренное изменение приемов управления, меры в области национальной и вероисповедной политики), так и законодательная программа, предложенная большинством Гос. Думы» (15). В результате переговоров решено было избрать согласительную комиссию в составе В.В. Меллер-Закомельского, В.И. Гурко, Д.Д. Гримма, А.Д. Оболенского, А.А. Олсуфьева – от Государственного совета и А.И. Савенко, Н.А. Ростовцева, С.И. Шидловского, П.Н. Милюкова – от Государственной думы.

14 и 15 августа 1915 г. велась работа по выработке единой программы складывавшегося блока. С.И. Шидловский считал, что «программы, вокруг которых объединились разные партии, к этому времени значительно устарели, и все более или менее серьезные партии ничего бы не имели против некоторого их пересмотра» (16). Поэтому работа шла очень плодотворно, хотя

и не без попыток членов Государственного совета умерить кадетскую основу данной программы, внесенной П.Н. Милюковым. При этом всеми участниками переговоров подразумевалась не просто программа, а программа, с которой можно разговаривать с правительством.

Интересно проследить именно за позицией членов Государственного совета.

В вопросе об амнистии у них не было разногласий. Олсуфьев, Гурко и Гримм настаивали на расплывчатой формулировке, а Оболенский хотя и предлагал остановиться на простой формулировке «по возможности», но видел в этом путь, чтобы иметь шанс согласиться с правительством. Оболенский также считал, что эта декларация не должна носить ультимативного характера, так как это – база для переговоров. В еврейском вопросе члены блока встретили наибольшее сопротивление со стороны членов Государственного совета. Однако, несмотря на возражения В.И. Гурко, В.Н. Львова, В.А. Бобринского и В.В. Шульгина, в общем, из хода обсуждений вытекало, что к этому моменту даже умеренно правые деятели, как В.И. Гурко и В.В. Шульгин, были согласны с формулировками кадетской декларации П.Н. Милюкова. Это произошло, прежде всего, из-за фактической отмены 4 августа 1915 г. черты оседлости, на что указал Гурко: «Черта оседлости поневоле улетела к черту» (17).

По всем остальным вопросам – веротерпимость, поляки западного края, украинский и финляндский вопросы, рабочее законодательство – особых возражений членов верхней палаты не было. В.И. Гурко соглашался на предложенную П.Н. Милюковым формулировку об «автономии Польши» потому, что снятие ограничений с польских землевладельцев изменяло всю ситуацию и давало им политическую силу. Поэтому отрицание уступок в вопросах автономии Польши могло привести к разрыву с членами верхней палаты, избранными от землевладельцев губерний Царства Польского, и, прежде всего, с И.А. Шебеко (центр). Да и общее настроение членов верхней палаты было таково, что вопрос шел уже намного дальше «автономии». 16 августа член верхней палаты граф В.А. Мусин-Пушкин благодарил Ф.Д. Самарина за его записку о Польше и разделял ее выводы о самостоятельности Польши, но при одном непременном условии – полного разгрома Германии и Австрии. Так что польский вопрос никоим образом не мог испортить результатов будущего соглашения, то есть повлиять на будущую программу.

Программа являлась приоритетом для соглашающихся сторон, и они шли даже на недоговоренности и условности при ее заключении, так как важно было представить правительству согласованный документ. Ради этого пошли даже на отказ присоединения к документу многих колебавшихся членов Государственного совета. Об этом спрашивай Оболенский: «Лучше ли присоединить большее количество, но с изменениями?». Ему энергично возражали Гурко и Крупенский, а М.М. Ковалевский отмечал: «Мы потеряем время, если через 4–5 дней не решим. В Гос. Совете – вавилонское столпотворение» (18).

В верхней палате продолжали проходить интенсивные консультации, целью которых было проинформировать заинтересованных членов Государственного совета о складывающейся обстановке. Так, уже 15 августа в Мариинском дворце состоялось под председательством барона В.В. Меллер-Закомельского общее собрание представителей левой группы, центра и кружка внепартийного объединения. Присутствовало свыше 40 чел. М.М. Ковалевский, В.И. Гурко и М.А. Стахович ознакомили участников совещания с обменом мнениями по вопросу о согласованной деятельности прогрессивных элементов обеих палат, который происходил в совещаниях членов Государственного совета и Государственной Думы.

Слухи о возможном объединении в законодательных палатах просочились уже после первого заседания блока 11 августа 1915 г. Иначе невозможно объяснить то, что уже 14 августа Я.А. Куломзин, сын председателя верхней палаты А.Н. Куломзина, писал: «По-моему ничего все то, что делается в Думе. Надо приветствовать образование центра, стоит большого...» (19). Я.А. Куломзин считал, что события не предвещают никаких нежелательных последствий: «Итак, по-моему, в Думе все хорошо и ей нечего пугаться, она ведет *«в большинстве»* свою линию *спокойно и правильно*. И не дай Бог, если Правительство пойдет наперекор. Тогда все пойдет прахом. Ничего, по-моему, и то, о чем ты писал маме, т.е. о желании членов от Думы и Г. Совета в совещании – сорганизоваться» (20).

Обсуждение намеченных пунктов программы по группам Государственного совета продолжалось до 22 августа 1915 г., когда состоялось общее собрание членов верхней палаты, входивших в состав образовавшегося «Прогрессивного блока». Собрание, по определению Меллер-Закомельского, председательствовавшего на нем, было немногочисленным. Рассматривались частные вопросы программы. На заседании выступил с большой речью В.Н. Коковцов, входивший в кружок внепартийного объединения, который в общем присоединился к программе «Прогрессивного блока». В результате программа была принята, и представителям верхней палаты было поручено довести об этом до сведения думских представителей.

Поэтому на состоявшемся несколько позже, 22 августа 1915 г., совместном заседании представителей обеих частей блока у Меллер-Закомельского представители Государственного совета могли выступить с согласованными предложениями. Прежде всего членам верхней палаты необходимо было объяснить собственную позицию и, по возможности, отстоять ее. В.В. Меллер-Закомельский разъяснял думским представителям, что невозможно добиться подписей членов Государственного совета, так как «члены по назначению, в громадном большинстве, не считают возможным принимать личное участие в петициях и других выступлениях. Но в безличной форме «программа за подписями многих членов Гос. Думы, рассмотренная в таких-то группах, принята» (21). П.Н. Милюков объяснял это тем, что «на совещании сочувствующих членов Гос. Совета программа была обсуждена и одобрена *en bloc*» (22).

В этой связи члены Государственного совета предлагали тождественную декларацию, так как это ставило бы их в сложное положение. Гурко разъяснял, что верхняя палата в процессе переизбрания, поэтому подпись члена Государственного совета под декларацией могла помещать его дальнейшей политической карьере. Ковалевский раскрыл даже технику одобрения в собрании «прогрессивных групп» декларации блока.

Совместное заседание трех групп – левой, центра и кружка внепартийного объединения – вылилось в фарс. Ковалевский назвал это «вавилонским столпотворением», а Коковцов «сходкой» (23). Крайняя малочисленность собрания и снижение, по свидетельству Олсуфьева, количества присутствующих с 35 человек до 15–20 привело к тому, что декларацию даже не рассматривали по пунктам. Поэтому члены верхней палаты очень осторожно подошли к подписанию декларации блока, предлагая подписать ее лидерам групп, что создавало бы видимость какой-то поддержки «Прогрессивного блока» в верхней палате. На 19 августа «прогрессивные группы» насчитывали 89 членов (левая группа – 12 членов, группа центра – 62 члена, кружок внепартийного объединения – 15 членов). Если прибавить к ним внепартийного М.А. Стаховича, то в сумме получится 90 членов против 100 членов других групп, входивших в Государственный совет на 19 августа 1915 г. Подписывать одобренную 20 членами Государственного совета декларацию, по меткому выражению Олсуфьева, было бы «самозванством».

Предлагая подписать декларацию лидерам групп, члены Государственного совета настаивали на том, что данная декларация блока направлена прежде всего к правительству. Если правительство поддержит предложения блока, то легко будет вести разъяснительную работу и в верхней палате. Против этого резко выступили прогрессисты.

Кроме прогрессистов, все остальные фракции и группы были готовы к разговору с правительством. П.Н. Крупенский, всегда занимавшийся «реальной политикой», на заседании 22 августа официально передал приглашение «Прогрессивному блоку» от правительства для вступления в переговоры. Но даже его удивила крайняя малочисленность активных членов Государственного совета: «Поддержка 10 каких-нибудь членов для нас меняет дело» (24). Видя малочисленность примыкающих к блоку членов верхней палаты, С.И. Шидловский все же настаивал на необходимости подписать документ без их участия и доставить его правительству.

Не нужно переоценивать и степень конфронтации членов Государственного совета, входивших в отдельные группы. А.Ф. Редигер, к оппозиции не примыкавший, вполне нормально общался с членами других групп Государственного совета: «На одном из заседаний Государственного Совета ко мне подошел его член, Стахович, которого я вообще мало знал, и сказал мне, что, будучи в армии, он слышал, что там все произведенные в ней после японской войны улучшения приписываются мне. Как человек штатский, он

сам мало знаком с моею деятельностью, поэтому эти отзывы его удивили, но он считает долгом передать их мне. Мне осталось лишь поблагодарить его за приятную весть. На этом же заседании, во время перерыва, когда я сидел в столовой и пил кофе, ко мне подошел граф Витте и увлек в другую комнату, где подвел меня к тому же Стаховичу, чтобы тот мне повторил то, что перед тем говорил Витте и что я уже слышал от него. Меня поразило искреннее сочувствие Витте тому, что обо мне говорили хорошо. Я его поблагодарил, сказав, что надеялся, что мои труды со временем оценят, но не ожидал, что так скоро и так лестно» (25).

А.Н. Наумов, близко знакомый с обстановкой в Государственной думе, метко отмечал, что «лидеры оппозиционных думских партий сумели взять “на поводок” слишком податливых представителей лояльно к правительству относившихся думцев» (26), а правые вообще отмечали в августе 1915 г.: «Ведут страну к выполнению своей, программы... кадеты, о чем председатель фракции народной свободы Милюков уже счел возможным прямо заявлять в публичных беседах» (27).

В Государственном совете блок не располагал большинством, что отмечалось уже в момент его зарождения. Мало того, сами участники «Прогрессивного блока» не знали, сколькими голосами в Государственном совете они могут располагать. В связи с рассмотрением всех документов «Прогрессивного блока» и одобрения их «en bloc» представители верхней палаты «затруднялись присоединить свою подпись непосредственно к документу» (28).

Вопрос этот вызывает противоречия в отечественной историографии еще и потому, что в своих воспоминаниях лица, явно симпатизировавшие блоку в момент его зарождения, последовательно отреклись от любого связывания своего имени с «Прогрессивным блоком». Так, В.Н. Коковцов, по видимому, сочувствовал политическому объединению в законодательных палатах и выступил с речью на собрании Прогрессивных групп 22 августа 1915 г., в которой «в общем присоединился к программе прогрессивного блока» (29). Однако в своих воспоминаниях В.Н. Коковцов дает блоку совершенно иную оценку, представляя себя пассивным зрителем происходивших в Государственном совете событий.

Коковцов указывает, что как председатель группы беспартийных он «старался быть совершенно в стороне от всякого оппозиционного движения и вместе с кн[язем] Васильчиковым и бар[оном] Иксулем открыто говорил о бесполезности и даже недопустимости для членов по назначению какого-либо активного участия в этом движении» (30).

Первоначально «Прогрессивный блок» рассматривался как возможно более широкое объединение всех представителей Государственного совета, даже не входивших в состав «прогрессивных групп» (левой, центра и кружка внепартийного объединения). Только этим можно объяснить, что 11 августа А.Н. Наумова, перешедшего из правой группы в правый центр, но в спи-

сках групп Государственного совета числившегося как внепартийный (31), звал на первое собрание блока Д.А. Олсуфьев (центр). Повторное приглашение Наумов получил 12 августа от М.В. Родзянко. Олсуфьев являлся главой Саратовского союза 17 октября и характеризовался как стоящий на умеренно правых позициях, но А.Н. Наумов, по его словам, отказался пойти на собрание, где формировался «Прогрессивный блок». Однако на это совещание не отказался пойти внепартийный М.А. Стахович, принимавший затем активное участие в работе «Прогрессивного блока». Не ясен вопрос и с А.Ф. Кони, которого газета «Утро России» причислило к участникам блока. По воспоминаниям А.Н. Наумова, А.Ф. Кони был убежденным противником института «ответственного министерства» и заявлял о его «безусловной неприменимости для российского государственного быта» (32).

Из того, что и прогрессисты, и кадеты считали, что блок в Государственном совете не обладал большинством, можно заключить, что не все члены «прогрессивных групп» поддерживали образование «Прогрессивного блока». В сумме три «прогрессивные группы» обладали большинством: 89 членов против 80 членов правой группы и группы правого центра. Но А.А. Корнилов писал о том, что «в момент формирования блока к нему примкнули лишь группы, составлявшие несколько меньше половины всего числа членов Государственного совета» (33). Из замечаний В.Н. Коковцова следует, что «к этой группировке примкнуло сравнительно небольшое количество членов по назначению, из партии “центра”» (34).

То есть Коковцов считал, что члены по назначению из кружка внепартийного объединения не примкнули к «Прогрессивному блоку». Это уменьшает состав блока на 11 членов: князь Б.А. Васильчиков, П.А. Игнатьев, барон Ю.А. Икскуль-фон-Гильденбандт, граф В.Н. Коковцов, А.Ф. Кони, С.М. Лукьянов, И.И. Новицкий, Н.Н. Покровский, П.А. Сабуров, Ф.Ф. Трепов, А.Н. Щербачев. А.Н. Наумов относил к участникам «Прогрессивного блока» всю группу центра и левую группу. Только лица, «принадлежавшие к “правой” группировке, и весь “правый центр”, возглавляемый А.Б. Нейдгартом, остались в стороне от этого прогрессивного объединения» (35). Таким образом, Наумов включает членов кружка внепартийного объединения в «Прогрессивный блок», в чем его поддерживает и П.Н. Милюков.

В докладе фракции прогрессистов, хранящемся в рукописном отделе Российской государственной библиотеки, не упоминается вообще о численности «Прогрессивного блока» в Государственном совете, там говорится о том, что «в Государственном Совете Блок не обладает большинством...» (36).

В отечественной историографии делались различные попытки уточнить состав «Прогрессивного блока» в Государственном совете.

В.С. Дякин отмечал качественный состав всех групп, вошедших в парламентский блок: «Эти переговоры привели 12 августа к созданию «Прогрессивного блока» в составе кадетов, прогрессистов, октябристов, центра и части националистов (во главе с В. Бобринским и Шульгиным) в Думе, ака-

демической группы и большей части центра в Государственном совете» (37). При этом опускается часть «внепартийных», действительно входивших в блок. По сравнению с монографией «Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917 г.)» Дякин делал акцент на то, что лишь часть членов группы центра входила в «Прогрессивный блок».

И.М. Пушкарева дала свое понимание состава блока: «В “прогрессивный блок” вошли: от Государственного совета – центральная академическая группа и так называемые внепартийные» (38). Е.Э. Новикова считала, что после объединения «прогрессивных групп» в Государственном совете после 1 августа 1915 г. можно говорить о фактическом объединении «3-х групп (90 чел.): левой, кружка внепартийного объединения и центра» (39).

Эта точка зрения представляется чересчур категоричной. Установить состав «прогрессивных групп» по групповым спискам возможно, но личных подписей членов Государственного совета под декларацией блока не существовало, поэтому личное отношение выявить крайне сложно. Например, И.Х. Озеров, хотя и входил в левую группу, считался по политическим убеждениям беспартийным (40). В.И. Герье, впоследствии крайне негативно относившийся к «Прогрессивному блоку» (41), числился в группе центра и оставался членом «Союза 17 октября». Ф.А. Иванов, который был избран в состав Государственного совета от торговли и промышленности, хотя и представлялся внепартийным, не примкнувшим ни к одной группе, но числился он в группе центра и никаких заявлений, связанных с выходом из группы центра в период образования «Прогрессивного блока», не делал.

Н.И. Булычев (кружок внепартийного объединения) характеризовался как не примкнувший ни к одной группе (42). И.И. Новицкий (кружок внепартийного объединения) перешел в свою новую группу из группы центра (43). Член группы центра Я.Е. Эрдели продолжал считаться состоящим в этой группе, поддерживающей «Прогрессивный блок» и его формулу вступления на путь отмены ограничений в правах евреев. Однако 29 сентября Я.Е. Эрдели, избранный от Херсонского губернского земского собрания, писал к О.М. Эрдели в Одессу по поводу избрания Г.Э. Вейнштейна в Государственный совет, резко протестуя против его избрания (44).

Незнание лидерами групп отношения членов своих групп к «Прогрессивному блоку» привело к ряду курьезных моментов, показавших значительные противоречия между обеими частями блока. В.И. Гурко (кружок внепартийного объединения), отвечая по вопросу совместной резолюции Думы и Государственного совета, отметил 2 ноября 1915 г.: «Но ни один беспартийный не назовет себя членом блока, а программу принимают» (45). Однако это смелое заявление противоречит сообщению, сделанному одним из членов левой группы, скорее всего Д.Д. Гриммом, Д.И. Багалею (левый) 21 ноября 1915 г.: «О кружке беспартийных не говорю, там Владимир Ио-

сифович (46) положительно Генерал без армии. В Гос. Думе дело, конечно, обстоит иначе, – там настроение твердое и решительное» (47). Да и сам Гурко в своих воспоминаниях отмечал крайне сложную обстановку в кружке внепартийного объединения, где не все симпатизировали образованию «Прогрессивного блока» (48). Одновременно обострившиеся противоречия в группе центра привели к тому, что даже такой активный участник заседаний бюро «Прогрессивного блока» Д.А. Олсуфьев заявил, что раз он персонально не подписывал декларацию блока, то можно говорить только о формальном провозглашении блока (49).

В связи с вышеперечисленным представляется, что правильнее будет говорить именно о подписании программы «Прогрессивного блока» от групп, без уточнения персонального состава. На момент подписания в «прогрессивные группы» входило 89 членов, и тесные контакты между этими группами Государственного совета не подлежат сомнению.

Активность отдельных членов левой группы, группы центра и кружка внепартийного объединения подменяла собой численный состав этих групп. При нежелании членов Государственного совета по назначению ставить свои подписи под любым документом политического характера сложилась парадоксальная ситуация, когда явное меньшинство «прогрессивных групп» начало разыгрывать политическую игру, не имея достаточной опоры в верхней палате. Все свои надежды лидеры блока в Государственном совете связывали с предстоящими выборами в верхнюю палату, рассчитывая получить на них незначительное большинство.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Новое время. – 1915. – 16 августа.
- (2) Речь. – 1915. – 5 августа.
- (3) Утро России. – 1915. – 6 августа.
- (4) Миллюков П.Н. Воспоминания. – М., 1990. – Т. 2. – С. 185.
- (5) Падение царского режима. – М.; Л.; 1926. – Т. 6. – С. 315.
- (6) Шидловский С.И. Воспоминания. – Берлин, 1923. – Ч. 2. – С. 45.
- (7) ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 1031. – Л. 676.
- (8) Бельгард А.В. Воспоминания. – М., 2009. – С. 536.
- (9) ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 1032. – Л. 1401.
- (10) Ковалевский М.М. Спасительный тормоз или губительная запруда? // Вестник Европы. – 1914. – Кн. 4. – С. 203.
- (11) Forty years of diplomasy by Baron Rosen. – L., 1922. – С. 200.
- (12) Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра: В 2 т. – М., 1999. – С. 399.
- (13) Бельгард А.В. Воспоминания. – М., 2009. – С. 338.
- (14) Красный архив. – 1932. – Т. 50–51 (1–2). – С. 122.
- (15) Миллюков П.Н. Тактика фракции Народной Свободы во время войны. – Пг., 1916. – С. 31.

- (16) *Шидловский С.И.* Воспоминания. – Берлин, 1923. – Ч. 2. – С. 44.
- (17) Красный архив. – 1932. – Т. 50–51 (1–2). – С. 127.
- (18) Там же. – С. 137.
- (19) РГИА. – Ф. 1642. – Оп. 1. – Д. 35. – Л. 87 об.
- (20) Там же. – Л. 88–89.
- (21) Красный архив... – С. 139.
- (22) *Милюков П.Н.* Тактика фракции Народной Свободы во время войны. – Пг., 1916. – С. 30.
- (23) Красный архив. – 1932. – Т. 50–51 (1–2). – С. 140.
- (24) Там же. – С. 141.
- (25) *Редигер А.Ф.* История моей жизни... – С. 388.
- (26) *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1968–1917. – Н.-Й., 1955. – Т. 2. – С. 447.
- (27) РГИА. – Ф. 1576. – Оп. 1. – Д. 235. – Л. 1 об.
- (28) *Милюков П.Н.* Тактика фракции... – С. 32.
- (29) Утро России. – 1915. – 22 августа.
- (30) *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919. – М., 1992. – Т. 2. – С. 334.
- (31) РГИА. – Ф. 1148. – Оп. 10: 1914 г. – Д. 7. – Л. 13 об. – 14.
- (32) *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний... – С. 447.
- (33) *Корнилов А.А.* Парламентский блок. – М., 1915. – С. 17.
- (34) *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого... – С. 334.
- (35) *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний... – С. 446.
- (36) РОРГБ. – Ф. 260. – К. 4. – Д. 10. – Л. 21.
- (37) Кризис самодержавия в России. 1895–1917. – Л., 1984. – С. 563.
- (38) *Пушкарёва И.М.* Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. – М., 1982. – С. 99.
- (39) *Новикова Е.Э.* Государственный совет в годы Первой мировой войны: Автореф. дисс. ... к.и.н. – М., 1986. – С. 17.
- (40) *Левенсон М.Л.* Государственный совет. – Пг., 1915. – С. 60.
- (41) ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 1061(1). – Л. 1117; Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 1032. – Л. 1433.
- (42) *Левенсон М.Л.* Государственный совет. – Пг., 1915. – С. 9.
- (43) РГИА. – Ф. 1148. – Оп. 10. 1914 г. – Д. 7. – Л. 3 об. – 4.
- (44) ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 1033. – Л. 1561.
- (45) Красный архив. – 1932. – Т. 52/3. – С. 162–163.
- (46) Владимир Иосифович Гурко.
- (47) ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 1038. – Л. 2028.
- (48) *Gurko V.I.* Features and figures of the past. Government and opinion in the reign of Nicholas II // Stanford-Oxford university press. – 1939. – P. 574.
- (49) Красный архив. – 1932. – Т. 52 (3). – С. 163.

**POLITICAL VIEWS OF STATE COUNCIL MEMBERS
AND «PROGRESSIVE BLOCK» STRUCTURE IN 1915**

A.N. Michurin

Department of History
St. Petersburg Polytechnic University
Polytechnicheskaya Str., 29, St.-Petersburg, Russia, 195251

The article regards the questions connected with the political straggle in the State Council and the State Duma during World War I, the peculiarities of organization work of the «Progressive Block» during the social and political crisis in 1915–1917, the influence of some matters on the integrity of its political existence.

Key words: The State Council, the State Duma, the «Progressive Block».

ЛАТЫШСКИЕ СТРЕЛКИ И ПОДАВЛЕНИЕ ИЖЕВСКОГО АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО ВОССТАНИЯ

Е.Г. Ренёв

Кафедра культурологии
Ижевский государственный технический университет
ул. Студенческая, 7, Ижевск, Россия, 426069

В статье рассматривается тема так называемой решающей роли красных латышских стрелков в подавлении Ижевского антибольшевистского восстания 1918 г. и участии их в массовом красном терроре. Сопоставляя данные различных источников, автор доказывает, что эта роль в современной историографии не только сильно преувеличена, но и существенно искажена.

Ключевые слова: Гражданская война, Ижевское антибольшевистское восстание, латышские стрелки, подавление, красный террор.

Нет, пожалуй, ни одного народа бывшей Российской Империи, а потом и СССР, чья роль в российской Гражданской войне была бы окружена таким же огромным количеством мифов, как роль латышей. Причем со временем количество этих мифов не уменьшается. Меняется только их оценочная направленность. Если раньше латышские стрелки были героями революции, то теперь они предстают ее кровавыми демонами.

Весьма показательно эта мифологизация предстает в работах об Ижевско-Воткинском рабочем антибольшевистском восстании 8 августа – 13 ноября 1918 г., где латышским стрелкам приписывается не только решающая роль в его подавлении, но и в организации кровавого террора. Задача предлагаемой работы – разобраться в этой проблеме, главным источником для этого будут документы эпохи и воспоминания непосредственных участников событий – как латышских, так и русскоязычных, ранее или не вводившиеся в научный оборот, или вводившиеся в него весьма выборочно. Особый акцент будет сделан на воспоминания Я. Рейнфелдса, командира латышских стрелков в решающих боях под Ижевском.

Тенденция возложить определенную вину на латышей за ижевские события лета–осени 1918 г. проявляется уже в первых работах, посвященных Ижевско-Воткинскому восстанию. Так, в очерке М. Баландина «Ижевское белогвардейское восстание 1918 г.» одной из причин восстания названо следующее: «Кроме того, в то время милиция была большей частью из латышей и опять в силу своей консервативности, население относилось к этому отрицательно...» (1). Написан этот материал был до октября 1927 г., когда на его основе в ведущей местной газете была опубликована статья «Восстание

фронтовиков (по материалам Истпарта)» (2), повторенная этим же изданием в более расширенном виде в номере от 7 ноября следующего года под названием «Взятие гор. Ижевска (по материалам ижевского истпарта)» (3).

При обеих публикациях упоминание о латышах было снято. Лишь через двадцать лет после этого латышский фактор начнет возвращаться в советские исследования восстания. Существенная попытка была предпринята историками Удмуртского научно-исследовательского института истории, экономики, литературы и языка при создании работы «Владимир Азин». Но после жестких замечаний по этому и другим поводам начальника артиллерии азинской дивизии, штурмовавшей Ижевск, А. Гундорина публикация работы была отложена на 11 лет. Критика Гундорина по поводу присланной ему рукописи главным образом заключалось в следующем: «Народ Удмуртии затемнился другими народами, особенно латышами, а это политически неверно... На с. 57, 58 и 59 как будто латыши решают все, остальные народы играют второстепенную роль... Еще раз хотелось напомнить, что по изложению материала как будто все сделали латыши. Это неверно. Они были активные, но главную роль играли отряды из местных областей (губерний)... Еще раз напомню, что надо вывести на высоту Удмуртский народ, надо показать его борьбу... Надо еще раз подчеркнуть, что руководящую роль играл русский народ, он был в авангарде всей борьбы, а не латыши – как у Вас указано» (4).

И, видимо, чтобы окончательно убедить в правильности своей позиции, Гундорин приводит следующий факт: «на странице 116 было не две батареи, а четыре... Латышская батарея/фамилию командира не помню, факт тот, что он был снят за безграмотность и на его место был назначен т. Екмасов, бывший помощник Гребнева. А командир латышской батареи стрелял так: поставит пушки за бугор, посадит на высоту наблюдателя и наблюдатель ему передает: чуть-чуть недолет, чуть-чуть вправо, а командир батареи командует чуть-чуть правее, чуть-чуть дальше или ближе. Прямо смех» (5).

Составители работы эти замечания учли, и работа вышла, правда, только в 1958 г., уже без упоминания о какой-либо особой роли латышских стрелков в боях против восставшего Ижевска (6).

Позднее обе эти тенденции переплелись уже в совершенно другом измерении. Квинтэссенцией чего стала, пожалуй, большая работа Н.А. Нефедова «Красные латышские стрелки», в которой отдельная глава так и называется: «Борьба красных латышских стрелков против ижевских и воткинских рабочих».

Первоначально сочинение это было опубликовано в 1982 г. в мюнхенском журнале «Вече» (серия «История освободительной борьбы») (7). Теперь же оно или его главные постулаты присутствуют на множестве интернет-сайтов и, в том или ином виде, в печатных работах. Причем влияние этого труда настолько велико, что его основные выводы воспроизводятся и под именами других авторов (8). Поэтому, оставив большинство нюансов и

деталей, рассмотрим ту часть этой работы, которая посвящена именно Ижевско-Воткинскому восстанию и роли латышских стрелков в его подавлении (позволив себе некоторые комментарии, так как большинство фактических ошибок этой работы тоже во множестве воспроизводятся другими авторами). Об этом Н.А. Нефедов пишет следующее: «...В то же время на Ижевск наступала 2-я Советская сводная дивизия под командованием старого латышского коммуниста Валдемара Азина. Во входящем в эту дивизию 247-м полку были две латышские роты. Командовал полком Я. Рейнфельд – бывший командир разгромленного ижевцами Уфимского латышского батальона.

...7 ноября комдив В. Азин бросил свою дивизию на штурм Ижевска. В городе ударили в набат. На защиту родного города поднялось все население. Ижевские рабочие бросились в контратаку, но в первом же бою потеряли свыше 800 убитыми. Сражение длилось три дня, но ижевцы не могли отразить обильно снабженные пулеметами и артиллерией красные полки. 9 ноября сам Азин на бронепоезде бросился на прорыв обороны, кося из пулеметов защитников города. 10 ноября, под покровом ночи, рабочие отряды вместе с частью населения оставили город.

Утром комдив В. Азин приступил к кровавой расправе над оставшимся в Ижевске населением. Родственники непокорных рабочих, в том числе старики и женщины, по приказу В. Азина были расстреляны в первый же день. Повторилась кровавая ярославская баня» (9).

При всем пафосе автора здесь что ни фраза, то фантазия. «Старому коммунисту Азину», вступившему в партию в июле 1918 г., было на тот момент 23 (по другим данным – 31) года (10). 247 полка в то время в дивизии Азина не существовало, он появился только после завершения Ижевско-Воткинской операции и был сформирован из 4-го полка Чеверева, куда и входили две латышские роты (11). Кроме того, в советской историографии датой взятия Ижевска всегда считалось 7 ноября 1918 г., сами же участники восстания днем своего отступления считали 8 ноября.

На сегодня оба эти положения о решающей роли латышских стрелков в подавлении Ижевского восстания и их последующем прямом участии в красном терроре остаются общим местом даже в самых последних работах по восстанию. Так, в частности, А.А. Шепталин утверждает, что «на подавление восстания были брошены самые верные и боеспособные силы Красной армии, *половину которых* (здесь и далее курсив мой. – *Е.Р.*) составляли отличавшиеся особой жестокостью «интернационалисты» – части латышских и китайских стрелков, а также наемников из бывших военнопленных венгров, австрийцев, немцев и турок» (12). Ему вторят А.А. Петров: «...Ижевским рабочим не оставалось ничего другого, как только утром 7 ноября по заводскому гудку предпринять массированную беспатронную штыковую атаку... От совершенно неожиданного и сокрушительного разгрома Азина спасла лишь стойкость *латышского полка* Чеверева» (13) и И.И. Кобзев. Последний, ссылаясь на ав-

торитет А.И. Солженицына, когда-то одним из первых поднявшего тему Ижевского восстания, пишет: «на площади... из пулеметов в первую годовщину революции *красными латышами были расстреляны* собранные по всему городу первые 500 ижевских заложников» (14).

Попробуем разобраться в обоснованности этих выводов. Сначала о численности. Под командой Рейнфелдса в боях под Ижевском участвовало около 450 латышских стрелков, объединенных в две роты. Но собственно латышскими их можно считать весьма условно.

Батальон начал формироваться в Уфе в мае 1918 г. из добровольцев. По подсчетам Рейнфелдса, всего к моменту отступления из Уфы в батальоне было «160–170 пехотинцев и 25 кавалеристов». А вот дальше происходит весьма интересное – под Бирском батальон увеличивается более чем в два раза. И совсем не за счет латышей. Как пишет сам Рейнфелдс (здесь и далее восстановление текста рукописи и перевод со старолатышского мой. – Е.Р.): «Большая часть их них были мадьяры – пленные империалистической войны... В нашем батальоне были также немцы, австрийцы, турки и китайцы. Когда уходили из Бирска, в латышском стрелковом батальоне было 436 человек» («Leela daļa no teem bija madjari – imperialistiskā kara gūstekņi... Mūsu bataljonā eestājās arī wace-eši, auztreeši, turki un ķīnezhesi. Kad izbraucām no Bīrzkas latvju strēlneeku bataljonā bij 436 cilweki») (15).

Кроме этих латышских стрелков в документах упоминается латышская коммунистическая рота, во главе которой будущий командир 2-й стрелковой дивизии Азин отправился из Вятки для участия в боях за Казань в августе 1918 г. По воспоминаниям вятского губернского военкома, всего с ним ушло «200 человек, главным образом латышей» (16). Но сколько человек из них осталось в строю к моменту решающих боев за Ижевск, неизвестно.

Однако известно другое – во время последних 15 человек из латышской коммунистической роты были арестованы чекистами (17). Дальнейшая судьба их пока не прослеживается. И еще: формировалась эта латышская часть из местных жителей – выходцев из прибалтийских губерний, переселившихся в Вятскую и Уфимскую губернию на рубеже XIX–XX вв. (отряд Рейнфелдса) или оказавшихся здесь в результате Первой мировой войны (Азин и значительная часть его отряда).

Помимо того, далеко не все были этническими латышами. Так, из последних, оказавшихся на Ижевских заводах в 1915–1916 гг., числились латышами Лазарев Георгий Андриянович, Медведев Тит Емельянович или Аржанин Николай Иванович с семьями, отец и сын Абрамовичи оказались немцами и т.д. (18). Да и многие заместители Рейнфелдса носили тоже не латышские фамилии: так, под Ижевском артиллерией у него командовал Трофимов (Trofimows), 1-м батальоном – Соколов (Zokolows), одним из взводов – Веселов (Veselows) (19).

Другой немаловажный вопрос – какова была доля латышских формирований в общей численности сформированных Ижевск красных частей. По

официальным данным на 25 сентября 1918 г., дивизия Азина насчитывала 10 490 чел. (20). Однако вплоть до взятия Ижевска ее состав постоянно укреплялся за счет переброски живой силы и снаряжения. Так, только численность Мусульманского полка накануне его разгрома ижевцами 6 ноября выросла почти в три раза, а количество стрелков у Рейнфелдса – в два раза, до 800 чел. (21). В результате чего после взятия Ижевска на 7 декабря 1918 г. в составе дивизии, по сообщениям ее командования, «на лицо» было 22 933 чел. (22). И это при том что Мусульманский полк под Ижевском почти полностью разбежался, а часть других соединений, к примеру, роты ВЧК, была после окончания операции перебросена на другие участки фронта.

Теперь собственно о характере участия латышских стрелков в боях за Ижевск. Здесь стоит сразу отметить, что почти во всех воспоминаниях прямых участников боевых действий сохранились уважительные отзывы повстанцев о латышских стрелках как противнике. Подобным же образом рассматривают действия латышей и газеты восстания «Ижевский защитник» и «Народовластие», как будто намеренно избегая упоминания об участии стрелков в подавлении Ярославского восстания и др. аналогичных эпизодах. Порой даже складывается впечатление, что ижевские повстанцы не теряли надежды на прекращение участия латышских стрелков в боевых действиях на стороне Советской власти (23). Нет никаких рассказов об каких-то особенных подвигах латышских стрелков и у тех, кто сражался бок о бок с ними, как упомянутый выше А. Гундорин или командир «красной латышской батареи» в отряде Азина (до создания на его основе 2-й стрелковой дивизии) В. Гребнев (24).

Как рабочую солдатскую рутину описывает решающие бои за Ижевск сам командир латышских стрелков Я. Рейнфелдс: «Вечером пятого ноября [я] получил приказ... с наступлением рассвета... атаковать Ижевский завод с левого фланга».

...Мы, стреляя, двигались вперед, потому что противник должен был находиться где-то на расстоянии 100 шагов от нас. Бросаемся вперед – скоро сквозь туман видим забор и несколько убегающих человеческих фигур.

...Столкновение с противником так же стоило нам нескольких жертв, – в овраге за нами во время атаки была застрелена одна из сестер милосердия и один стрелок, а у нас в цепи было несколько легко раненных.

...Выйдя из леса, мы поднялись на большую ровную поляну холма. Оказалось, что все пригорки перекопаны укреплениями противника – блиндажами, землянками, ходами сообщения и проволочными заграждениями. Но ни одного человека. Хотя почему они оставили без боя такие мощные, по новейшей военной технике устроенные укрепления, нам доставшиеся неразрушенными. Рассуждая об укреплениях, здесь один-единственный батальон мог бы совершенно уверенно сдерживать целую дивизию врага.

...Мы продолжили свой путь без каких-либо препятствий. Противника нигде не было заметно. Только в центре была слышна орудийная канонада.

Начало уже темнеть, когда мы достигли деревни, от которой до Ижевского завода было 8 километров. Здесь так же не было ни одного белогвардейца.

...В этих обстоятельствах мои батальоны остались на месте до рассвета. Повсюду было тихо, даже в центре не было слышно ни малейшего звука боя.

...Когда подъехал к батальонам, уже рассвело... До Ижевска было 2 километра.

...Позиции противника на самом деле были замечательны. Если бы он держался против нашего штурма, [у нас] ничего бы не вышло.

...Вражеский огонь почти затих. Потому я незамедлительно отдал приказ продвигаться вперед. Я въехал верхом на гору, где располагались брошенные вражеские позиции. Противник отступил в беспорядке, оставив винтовки и патроны. Скоро оба батальона поднялись на холм, откуда был виден лежащий внизу на берегу пруда Ижевский завод.

...Мы выпустили в сторону завода две пулеметные ленты, но ответа никакого не было... Через несколько минут мы двинулись к Ижевскому заводу. Когда спустились к первым домам, начинало уже темнеть, подошел также и 3-й полк. Мы получили приказ от Азина – внутрь города не входить, но окружить его и оставаться на месте. В этот же самый вечер кавалерия вошла в город.

Так 7 ноября, вечером, Ижевск был взят.

Ночью город был окружен с трех сторон дугой огня, это стрелки на своих местах жгли костры. Противник отступал от завода в сторону Воткинска» (25).

Как видим, в этом описании нет никаких «массированных беспатронных атак» ижевцев, ни стойкого сопротивления им латышских стрелков, ни мчащегося впереди них с шашкой на коне или на бронепоезде В. Азина, ни прочих столь популярных сегодня страстей в описании решающих боев за Ижевск 6–7 ноября 1918 г. (26). Весь бой описан как обычная солдатская работа, а ведь латышские стрелки находились на острие главного удара.

Что касается участия латышей в красном терроре. Рейнфелдс не отрицает участия своих стрелков в расстрелах военнопленных, сожжении мятежных деревень и т.п. Характерен в его воспоминаниях эпизод с Чеверевым, который провел ночь с 6 на 7 ноября в деревне, где расположились латыши, весь вечер накануне мечтая с ними о будущем. А рано утром, пока еще все спали, разыскал четырех местных кулаков, чтобы их расстрелять (27). Вполне возможно участие в этом кого-то из латышских стрелков, так как происходил описываемый эпизод в их расположении. Но инициатором его был все-таки собственно командир 4-го полка. Так, он же, Чеверев, незадолго до этого отдал приказ латышским стрелкам на сожжение удмуртского села Петухово и соседней с ним деревни, о чем тоже рассказывает Рейнфелдс, отметив, правда, что они были оставлены жителями (28). Впрочем, командир ла-

тышских стрелков честно пишет, что им не раз приходилось расстреливать военнопленных или, как он сам выражается: «aizzutija uz zhtabu Duhonina» – «отправили в штаб Духонина» (29). Но это была общая практика красных войск, и латыши тут ничем от других не отличались. Более того, именно они в этом отношении часто были примером дисциплинированности и зря не усердствовали.

Так, именно их благодарит за свое спасение неизвестный ижевский повстанец, попавший в плен в бою под Ижевском 18 августа 1918 г., в своем рассказе «В плену у красноармейцев»: «Захватив, нас отвели в сторону, версты на полторы и готовились тотчас же расстрелять... но охранявшие нас **латыши не допустили**» (30). Стрелков Рейнфелдса упрекает в своих воспоминаниях красный матрос Зворыгин за то, что они не дали ему и его товарищам расстрелять в Сарапуле 150 заложников, доставленных из Уфы (31).

Что же касается распространенного сегодня представления о латышских стрелках как о карателях, то, по крайней мере, их особая роль в массовом красном терроре против Ижевского восстания документально никак не подтверждается. Они вошли в город только 8 ноября (и потому никого не могли расстрелять из пулеметов на его главной площади 7 ноября) и через несколько дней были переброшены на другой боевой участок (32). Не столь давно рассекреченные документы ЧК 2-й армии также полностью опровергают этот постулат. Все упоминаемые в них имена и фамилии вовсе не латышские (как не венгерские, не китайские и пр.). В документах ЧК среди тех, кто выносил смертные приговоры, в том числе и 14-летним подросткам и женщинам, наиболее часто встречаются следующие: Захаров (председатель ЧК), Домбровский, Мотков, Посягин, Налинский, Лужнин, Пыхтеев, Столяров и др. (33). Нет латышей и среди периодически встречающихся в документах фамилий членов карательного отряда ЧК, действовавшего в Ижевске и его окрестностях, как нет ни одного воспоминания об их участии в казнях и карательных рейдах самих участников или свидетелей самих этих акций (34).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что роль латышских стрелков в подавлении Ижевского восстания сильно преувеличена.

Это были действительно, в большинстве своем, хорошо обученные и стойкие бойцы, в отличие, к примеру, от союзников белых чехословаков, которые весьма скоро устали воевать. Однако в падении восставшего Ижевска «вина» их весьма относительна в силу, в первую очередь, малочисленности. Собственно Латышский батальон насчитывал около 450 чел., при чем более половины из его состава были не латышами и даже не гражданами России. В еще большей степени это касается участия латышей в массовом красном терроре.

Что касается боев и событий вокруг Ижевска, то ни в руководстве, ни среди работников ЧК латышей, по имеющимся документам, не было, как не обнаруживается их и в составе карательных отрядов, проводивших расправы

и осуществлявших пропаганду и агитацию среди мирного населения. Остается открытым вопрос, как и почему возникла эта черная, или, вернее, кровавая легенда вокруг латышских стрелков и Ижевского восстания. Но это уже несколько другая проблема. В завершение хотелось бы привести слова одного из участников тех событий, которые были опубликованы на страницах специального издания, посвященного первой годовщине Ижевско-Воткинского восстания: «Россию погубили мы сами, не посторонние и вражеские силы, ни германская интервенция и инородцы – интернационалисты вместе с мадьярами и латышами, а мы сами – имя которым “Православная Русь”» (35).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГАУР). – Ф. 1016. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 10.
- (2) Ижевская Правда. – 1927. – 3 октября. – № 253. – С. 2.
- (3) Ижевская Правда. – 1928. – 7 ноября. – № 260. – С. 3.
- (4) УИИЯЛ УрО РАН. – Ф. РФ. – Оп. 2Н. – Д. 36. – Л. 240, 241, 249.
- (5) Там же. – Л. 241.
- (6) Владимир Азин. – Ижевск, 1958.
- (7) *Нефедов Н.А.* Красные латышские стрелки // Вече. – Мюнхен, 1982. – № 4–6 // Мысли о России: Православный сайт / <http://www.russia-talk.com>.
- (8) См., напр.: *Кустов М.* Созвездие стрелков. Почему латышские стрелки стали самым доверенным отрядом советской власти // http://stoletie.ru/territoriya_istorii/sozvezdie_strelkov.htm; ИСКОЛАСТРЕЛ – Исполнительный комитет латышских стрелков (для сайта Всероссийского Монархического Центра подготовил к публикации А. Азаренков (Москва)) // www.monarchruss.org; Латышские стрелки сделали России кровавую коммунистическую прививку // Бизнес & LV. Еженедельный деловой журнал. – Рига, 2005, 8 апреля. – № 68 (2693) и др.
- (9) *Нефедов Н.А.* Красные латышские стрелки... – № 5. – С. 17–21; № 6.
- (10) *Дронова К.Ф.* Послужные списки героев гражданской войны В.М. Азина и Д.П. Жлобы // Исторический архив. – 1958. – № 4. – С. 208–211; *Шумилов Е.Ф.* Загадка «железного» начдива. – Ижевск, 1989. – С. 6, 18.
- (11) См., напр.: *Томан Б.А.* За свободную Россию, за свободную Латвию. – М., 1975. – С. 215–216.
- (12) *Шепталин А.А.* Сарапул и Ижевско-Воткинское восстание // Ижевско-Воткинское восстание: история, проблемы изучения и восприятия. – Ижевск, 2008. – С. 139.
- (13) *Петров А.А.* История рабоче-крестьянской белой армии // *Ефимов А.Г.* Ижевцы и воткинцы и борьба с большевиками. 1918–1920. – М., 2008. – С. 18–19.
- (14) *Кобзев И.И.* Город соглашателей // День. – Ижевск. – 2008. – 19 июня. – № 24. – С. 12.
- (15) Latvijas valsts archīvs (LVA). – F. PA–45. – Apr. 3. – L. 78. – 5–7 lpp.
- (16) УИИЯЛ УрО РАН. – Ф. РФ. – Оп. 2Н. – Д. 36. – Л. 339.
- (17) Российский государственный военный архив (РГВА). – Ф. 169. – Оп. 1. – Д. 21.
- (18) ЦДНИ УР. – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 130. – Л. 10, 56, 57 об., 61 об., 74, 85.
- (19) LVA. – 100, 105 lpp.
- (20) РГВА. – Ф. 169. – Д. 253. – Л. 613.

- (21) LVA. – 91 lpp.; РГВА. – Ф. 169. – Оп. 1. – Д. 917. – Л. 1, 2, 9 об., 30.
- (22) РГВА. – Ф. 169. – Д. 253. – Л. 170.
- (23) См. об этом подробнее: *Ренёв Е.Г.* Свидетельства прессы и участников Ижевско-Воткинского восстания о красных интернационалистах и современная историография // Вестник Удмуртского университета. – 2009. – Вып. 2. – С. 179–196.
- (24) ЦДНИ УР. – Ф. 352. – Оп. 2. – Д. 32.
- (25) LVA. – 94–107 lpp.
- (26) См. об этом подробнее: *Ренёв Е.Г.* Мифы Ижевского рабочего восстания. Некоторые даты и цифры // Россия и Удмуртия: История и современность. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства. – Ижевск, 2008. – С. 640–649; *Ренёв Е.Г.* Поражение Ижевского восстания, или Как обманули Ленина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 5. – Ч. 1. – С. 172–176.
- (27) LVA. – 101 lpp.
- (28) Там же. – 44–45 lpp.
- (29) Там же. – С. 21, 48 и др.
- (30) Прикамье. – 1918. 4 сентября. – № 3. – С. 4.
- (31) ЦДНИ УР. – Ф. 369. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 109–110.
- (32) LVA. Ф. РА–45. – Арх. 3. – Л. 82. – 1–3 lpp.
- (33) РГВА. – Ф. 169. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 39–41.
- (34) См., напр.: УИИЯЛ УрО РАН. – Ф. РФ. – Оп. 2Н. – Д. 921. – Л. 97–102, 106–113; ЦДНИ УР. – Ф. 285. – Оп. 1. – Д. 62. – Л. 26, 41.
- (35) Ижевско-Воткинская годовщина. – 1919. – 17 (4) августа. – Омск. – С. 1.

LATVIAN SHOOTERS AND IZHEVSK ANTY-BOLSHEVIKS REVOLT SUPPRESSION

E.G. Reniev

Department of Culturology
Izhevsk State Technical University
Studencheskaja Str., 7, Izhevsk, Russia, 426069

The article deals with a theme of so-called decision role of the Latvian shooters in the suppression of the Izhevsk Anti-Bolsheviks revolt of 1918 and their participation in the mass Red terror which has followed. Analyzing different points of view and documents the author proves that its role was very exaggerated and even distorted by the modern historiography.

Key words: Citizen war, Izhevsk Anti-Bolsheviks revolt, Latvian shooters, suppression, Red terror.

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

АНТИТЕЗА «РОССИЯ–ЗАПАД» ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КОНСЕРВАТОРОВ СЕРЕДИНЫ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПЦИИ Ф.И. ТЮТЧЕВА)

Е.В. Линькова

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-1, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена внешнеполитическим взглядам отечественных консерваторов середины XIX в. На примере геополитической доктрины Ф.И. Тютчева, одного из крупнейших деятелей русского консерватизма, исследуется проблема исторического противостояния России и стран Западной Европы, тема, ставшая превалирующей во внешнеполитических построениях отечественных консерваторов XIX столетия.

Ключевые слова: консерватизм, внешняя политика, общественная мысль, геополитика, славянское единство.

Дискуссии по внешнеполитическим проблемам стали актуальными для российского общества уже в начале XIX столетия. Россия на протяжении XVIII – первой половины XIX в. была вовлечена в крупные военные конфликты эпохи, активно добывая себе место на международной арене. Вследствие чего отечественные мыслители, общественно-политические и государственные деятели обращались не только к вопросам, касающимся внутренней жизни страны, но и разрабатывали геополитический курс, стремились обосновать особую роль России в мировом сообществе.

В сфере внешней политики идейные установки отечественных консерваторов были диаметрально противоположными. Так, представители так называемого «государственного консерватизма» – С.С. Уваров, А.Х. Бенкендорф – отстаивали официальный курс внешней политики России, тогда как «свободные» (1), или «национальные», консерваторы Ф.И. Тютчев, И.С. Акса-

ков, Ю.Ф. Самарин и др. – призывали следовать национальным интересам во внешней политике, а не принципам Священного союза.

Необходимо отметить, что геополитические установки российского императора исходили не из принципов национального интереса, а представляли из себя закономерный результат следования Венской системе, которая фактически исчерпала себя к 1848 г. Однако принципы Священного союза, соблюдаемые в итоге исключительно Россией, зачастую ставились Николаем I выше национальных и стратегических интересов самой России, что во многом повлияло на исход Крымской кампании.

В концептуальные основы национального консерватизма заложено признание ценности принципа симфонии властей, самодержавия, национально ориентированной внешней политики. Принцип национального консерватизма, реализуемый во внешней политике, – это, прежде всего, «инстинкт» национального самосохранения, залог суверенитета государства и нации.

Проблема внешнеполитических взглядов отечественных консерваторов первой половины XIX в. довольно слабо изучена в историографии. Это связано, прежде всего, с тем, что в работах консервативных мыслителей этого периода (Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, П.А. Вяземского) преобладают внутривластные аспекты, а геополитические построения фрагментарны и не носят характера целостной программы. Изучение данного аспекта консервативной мысли России XIX в. позволяет лучше понять, как мыслители данного направления оценивали не только внешнеполитический курс России, но и государств, входивших в т.н. «европейский концерт».

Можно отметить, что детальную программу внешнеполитических ориентиров России в полной мере разработал один из представителей национального консерватизма, дипломат Ф.И. Тютчев. В 1840–1860-е гг. он создал своеобразную геополитическую концепцию, отразившую его понимание особенностей российской и западноевропейской цивилизации, составил проект их сосуществования и будущего развития.

Особый интерес Ф.И. Тютчева к внешнеполитической проблематике связан с характером его деятельности: более 20 лет он посвятил дипломатической службе.

В 1822 г. Ф.И. Тютчев был зачислен на службу при русской миссии в Мюнхене, затем работал в Турине, что, несомненно, повлияло на круг интересов мыслителя.

Говоря о роли и месте России в мире, можно выделить несколько основных направлений во внешнеполитических концепциях отечественных «национальных консерваторов».

В частности, Россия представлялась им хранительницей истинного христианства, объединительницей славянских народов, как государство, которое, с одной стороны, противостоит европейским революциям, а с другой – уравнивает внешнеполитическую ситуацию в Европе и на Востоке, гарантирует сохранение порядка и баланса сил. Помимо этих общих идей кон-

сервативные мыслители обращались и к проблеме контактов России со всеми ведущими мировыми державами.

Одной из доминирующих проблем внешнеполитической концепции Ф.И. Тютчева становится изучение исторического противостояния России и стран Западной Европы.

Мыслитель детально изучил различия между Россией и Западом в вопросах веры, государственности и т.д., а главное, представил свое видение исторических геополитических устремлений этих цивилизаций. Свое видение взаимоотношений России и Запада мыслитель представил в публицистических статьях и трактатах «Россия и Германия», «Россия и революция», «Папство и римский вопрос», а также в многочисленных литературных произведениях.

Для исследования и выявления сущности геополитических воззрений мыслителя необходимо обратиться к его пониманию отношений между Россией и странами Западной Европы, их развитию в современную для Ф.И. Тютчева эпоху. Следует учитывать, что на формирование геополитических взглядов мыслителя оказывали влияние как его общетеоретические представления, так и международное положение России, ее внешнеполитический курс, противостояние с западноевропейскими странами. Особую роль играла набравшая в западной прессе силу волна антирусской пропаганды.

Одной из ключевых тем во внешнеполитических воззрениях Ф.И. Тютчева является проблема места России в мировой политике, определение ее исторических задач.

Согласно историсофским построениям Ф.И. Тютчева, Россия не принадлежала ни Востоку, ни Западу. Россия – это некая третья сила, которая во многом не вписывается в ход мировой истории в европейском понимании этого процесса.

Различие между Россией и Западом происходит как в области веры, так и в сфере самого жизненного и государственного устройства, духовных и моральных ценностей.

Ф.И. Тютчев был не склонен сводить все различие между Россией и Западной Европой только к догматическим разногласиям между католичеством и протестантизмом, с одной стороны, и православием, с другой. Он указывал, что различие это намного глубже.

Поэт полагал, что историческое призвание и судьба России отличны от судеб Запада. Россия несет в мир торжество права и историческую законность, тогда как Европа – Революцию. Революция, по мнению Ф.И. Тютчева, – «враг христианства» (2), и только Россия остается в XIX в. практически единственной страной, которая пытается жить «с Богом», сохраняя высшую божественную легитимность верховной власти в самодержавии и духовные традиции византийского христианства, не растерять свою идентичность как восточной державы, опирающейся на религиозно-нравственный фундамент Православия. По его мнению, государственное будущее и миро-

вое призвание России зависят именно от действенного сохранения и полноты осознания православной основы ее исторического бытия.

Ф.И. Тютчев писал, что, по Божественному Промыслу, Восточная Церковь настолько соединилась с особенностями государственного строя и внутренней жизнью общества, что стала высшим выражением духа нации, «синонимом России», «священным именем Империи», «нашим прошедшим, настоящим и будущим» (3).

Определяя Россию как полноправную силу, противопоставляя ее Западу, Тютчев писал, что само русское общество должно принять это геополитическое построение, которое во многом поможет русскому народу осознать себя, что является, по мнению Ф.И. Тютчева, первым условием общественного прогресса. Но мыслитель с сожалением отмечал, что русское правительство не может понять, какое же место следует занять в мире, не осознает, что не следует признавать за Западной Европой права определять для России ее роль.

Поэт полагал, что в течение столетий Запад считал лишь свою культуру и свои ценности истинно европейскими, закрывая глаза на существование другой Европы в лице России.

Момент, когда Запад узнал о существовании этой цивилизации, Ф.И. Тютчев относил к эпохе Петра Великого, «...рука исполина сдернула эту завесу, и Европа Карла Великого очутилась лицом к лицу с Европой Петра Великого» (4).

Нужно отметить, что Тютчев видел в Петре Великом высшее и подлинное воплощение России. Петр предстал у Тютчева не европеизатором России, но человеком, поставившим Запад перед фактом существования «другой Европы», возникшей задолго до Петра. И эта Европа представляет собой не только Россию, но и славянские народы, близкие ей по духу, культуре, национальным ценностям.

Размышляя о «другой» – Восточной Европе, Тютчев отмечает, что Россия служит ее стержнем, а с другими славянскими народами ее связывают духовно-исторические корни. Во многом свои идеи о духовном объединении славян Ф.И. Тютчев оправдывал словами Наполеона о том, что исторически сложившиеся великие народы неминуемо воссоединятся. «Основываясь на этих словах, можно составить подлинный манифест панславизма», – писал Тютчев в 1867 г. в письме своей дочери А.Ф. Аксаковой.

Мыслитель упоминал и о речи Наполеона III, в которой он заявил, касаясь вопроса об объединении Германии, о необходимости создания «Конфедерации латинских наций», ссылаясь на слова Наполеона I о том, что одной из его заветных мыслей было «сосредоточение и сплочение однородных географических национальностей, которые были разделены революциями и различными политическими соображениями» (5), Ф.И. Тютчев полагал, что славяне также имеют полное право на объединение, но не через поглощение славян Россией, а через создание духовного и культурного союза, под эгидой России, так как именно Россия обладает достаточной силой для противодействия устремлениям западного мира (6).

Россия несет в себе важную миссию – создать необходимые условия для гармоничного и беспрепятственного развития славянской культуры, ибо славянский мир призван разрешить все вопросы, поставленные перед человечеством, и роль России – всемерно содействовать этому.

Россия для Ф.И. Тютчева – основа Восточной Европы, которая являет собой особый мир, единый по своему духовному началу, живущий своей собственной, самобытной жизнью. «Пора самым решительным образом предъявить Западной Европе, что есть и Восточная и что имя ей – все та же проклятая Россия, с давних пор столь подозрительно ненавистная всему цивилизованному миру!..» (7).

Ф.И. Тютчев не противопоставлял Россию Западной Европе. Он подчеркивал, что Россия – это и есть Европа, но Европа Восточная, имеющая свое историческое право на существование и на достойную роль в международной политике. В качестве исторической задачи им обосновывалась необходимость создания новой Европы – Восточной, основанной на ценностях православной цивилизации. «Лозунг завтрашнего дня – это возрождение Восточной Европы, и пора бы нашей печати усвоить себе это слово: Восточная Европа как определенный политический термин» (8), – писал Ф.И. Тютчев в 1868 г.

В статье «Россия и Германия» Ф.И. Тютчев поставил вопрос о восстановлении исторических прав Восточной Европы – России, а позднее в послании императору Николаю I четко определил задачи и приоритеты России: «Западная Европа еще не была создана, когда мы уже существовали, и существовали, без сомнения, со славой. Все различие в том, что тогда мы назывались Восточной Империей, Восточной Церковью; мы и сегодня то же, что были тогда» (9).

В своих трактатах Ф.И. Тютчев обозначил роль и место России в мировой цивилизации, называя ее Восточной Европой в противовес Европе Западной, т.е. Европу Петра Великого он противопоставил Европе Карла Великого, а славянские народы Ф.И. Тютчев видел составной частью Восточной Империи, главой которой являлась Россия. Более того, он не отделял славян от России, и Восточная Империя для него – «это Россия в полном и окончательном виде» (10).

Эти мысли Ф.И. Тютчева получили свое развитие в стихотворении «День православного Востока», где сопоставляются, хотя и не отождествляясь, три понятия: Православный Восток, Россия и Святая Русь. Святая Русь у Ф.И. Тютчева, в отличие от славянофильских построений, представляет собой не потерянный рай или утопию будущего, а существующую реальность, географически совпадающую с Российской Империей, а еще точнее – отражающую сферу интересов России во всей Европе. У мыслителя сложилось своеобразное разделение мира на Россию и Западную Европу. По мнению П.А. Будина, исследовавшего с историософской точки зрения это стихотворение, парадигма Ф.И. Тютчева создала непреодолимый конфликт между Россией и Западом, конфликт не только политический, но, как писал П.А. Будин, экзистенциальный.

Концепция Ф.И. Тютчева, отражающая взаимосвязи России и Запада, базировалась на глубоком изучении исторических взаимоотношений России и западного мира, на исследовании противоречий и точек соприкосновения этих двух цивилизаций.

Тема России и Запада становится чуть ли не доминирующей в публицистике Ф.И. Тютчева (этой проблеме посвящены стихотворения, многочисленные письма, а также политические статьи 1840-х гг. (11)), что можно объяснить и его профессиональной деятельностью, и исторической обстановкой того периода, и противоречивой внешней политикой российского правительства, отношением общественного мнения Европы к России.

Поэт, обращаясь к теме «Россия–Запад», пытался решить проблему столкновения европейской культуры и русских национальных традиций, которая ставилась перед российским обществом на протяжении веков. Ф.И. Тютчев стремился понять, а возможно ли мирное сосуществование этих двух цивилизаций и будет ли целесообразным перенесение на русскую почву западноевропейских традиций.

Говоря о взаимосвязях западного мира и России, мыслитель обратился к истории западной и российской цивилизации, и еще глубже – к истории Рима и Византии, преемницей которой являлась Россия. Эти две цивилизации, по его мнению, различаются в своих главных составляющих: в религии, в форме государственного устройства, в специфических чертах народов.

Венцом геополитической концепции Ф.И. Тютчева 1840-х гг. можно назвать две идеи:

«1) окончательное образование великой Православной Империи, законной Империи Востока – одним словом, России ближайшего будущего, – осуществленное поглощением Австрии и возвращением Константинополя (в переписке и публицистических статьях Ф.И. Тютчева нередко возникает тема исполнения пророчества, согласно которому Константинополь, завоеванный турками в 1453 г., будет освобожден через четыре века. Это пророчество обсуждалось в западноевропейской и петербургской прессе и в светском обществе. Первоначально годом освобождения Константинополя назывался 1852 г., который, по мысли Ф.И. Тютчева, «всплывает как розовый листок над этим всемирным водоворотом» (12));

2) объединение Восточной и Западной Церквей» (13).

Таким образом, Ф.И. Тютчев предполагал кардинальное изменение мира как в светской, так и в духовной сферах. Он полагал, что помощь, оказанная Россией Австрии в 1848 г., в скором времени приведет к ликвидации Австрийской империи и к ее полному поглощению Россией. Следствием распада Австрийской, а затем и Османской империй, по Ф.И. Тютчеву, должно было стать создание «славянской» империи под покровительством России.

По его мысли, России, как законной наследнице Византийской империи, предстоит присоединить к себе земли, входившие прежде в состав Священной Римской империи, принадлежавшие немцам, но населенные славянами.

При этом Ф.И. Тютчев даже определил границы этого всеславянского царства в стихотворении «Русская география» (1848 г.):

Семь внутренних морей и семь великих рек;
от Нила до Невы, от Эльбы до Китая;
от Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная;
вот царство русское... (14)

Он заявлял о необходимости создания Великой Греко-Православной империи, объединяющей не только славян, но и все православные народы. Будущее славянского мира подчас рисуется Ф.И. Тютчевым в мифологической и аллегорической форме, особенно это характерно для его поэтических произведений.

Представления об освободительной миссии России в отношении балканских христианских и славянских народов были во многом поддержаны рядом общественных деятелей страны середины XIX в. В частности, М.П. Погодин отмечал: «Услышав его в первый раз, после всех странствий, заговорившего о славянском вопросе, я не верил ушам своим; я заслушался его, хоть этот вопрос давно уже сделался предметом моим занятий и коротко был мне знаком» (15).

М.П. Погодин писал, что для Ф.И. Тютчева, прожившего половину жизни за границей и сумевшего понять и осмыслить настроения в Западной Европе, стало возможным лучше постичь Россию и ее исторические цели и интересы.

Мыслитель стремился показать, что Россия не противостоит христианскому Западу, а является его «законной сестрой», хотя и живущей «своей собственной органической, самобытной жизнью» (16). Ф.И. Тютчев называл Россию второй Европой, имеющей такое же право на существование, как и Западная Европа. Россия, переняв традиции, религию и идеологию Византии, возложила на себя обязанности защиты православного мира, в том числе и от римской католической церкви.

Ф.И. Тютчев предлагал образовать великую православную Империю, законную Империю Востока, а также воссоединить две церкви – восточную и западную – под эгидой православного императора. «Православный император в Константинополе, повелитель и покровитель Италии и Рима, православный папа в Риме, подданный императора» (17). Россия – законная наследница традиций византийской государственности, а значит, и носительница имперского идеала, должна взять на себя роль мировой цивилизации, полагал мыслитель. Это утверждение, выдвинутое Ф.И. Тютчевым, впоследствии будет развито и дополнено в трудах Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, а также евразийцев.

Антитеза «Россия–Запад» – это одна из проблем, изученных Ф.И. Тютчевым. Мыслителя волновала не только история взаимоотношений России и Запада, но и современная международная обстановка, особое внимание он уделял образу и восприятию России в мире, роли России в объединительных процессах в Германии и Италии, в объединении славянских народов, которое он считал необходимым условием для их духовного и общественного развития. Доктрина мыслителя включила в себя своеобразную формулу существования России как цивилизации и ее взаимодействия с другими народами и культурами.

Подобная трактовка взаимоотношений России и Западной Европы была свойственна многим представителям консервативного лагеря. В частности, славянофилы Ю.Ф. Самарин, И.С. Аксаков, А.Ф. Гильфердинг критически оценивали современный внешнеполитический курс России, отмечая, что Россия и Запад – это исторические антагонисты. К.С. Аксаков писал: «Россия – земля совершенно самобытная, вовсе не похожая на европейские государства и страны. Очень ошибутся те, которые вздумают прилагать к ней европейские воззрения и на основании их судить о ней» (18).

Особого внимания, по мысли консерваторов, заслуживал славянский вопрос во внешнеполитическом курсе России. В 1857 г. при непосредственном участии И.С. Аксакова, А.С. Хомякова, А.Ф. Гильфердинга и др. был создан Славянский комитет, целью которого являлось оказание помощи славянским народам, укрепление идейных и культурных связей России со славянами. В разделе «Славянские нужды» в своей статье, посвященной годовщине Славянского съезда в Москве (1868 г.), М.П. Погодин писал и о такой задаче Комитета, как «распространение русского языка между славянами, единственными, искренними друзьями России в Европе» (19).

Несомненно, на усиление подобных настроений, на стремление найти союзников в европейском мире оказала влияние Крымская война, ставшая для России своеобразным символом национального оскорбления. Именно в Крымской войне, а также при подписании Парижского мира 1856 г. явственнее вскрылись все те противоречия, которые всегда существовали между Россией и западноевропейскими государствами и которые довольно умело сдерживала дипломатия сторон на протяжении первой половины XIX в.

После поражения России в Крымской войне Ю.Ф. Самарин писал, что служба Николая I «консервативному началу», как он его понимал, не отвечала национальным интересам России: «Мы спасли существование Австрии...», которая впоследствии выступила против России при подписании Парижского мира.

Таким образом, резюмируя внешнюю политику правительства, Ю.Ф. Самарин приходит к выводу о том, что при Николае I последовало тридцатилетнее «добросовестное» усмирение «бедной России» (20).

Пробуждение интереса консерваторов к внешней политике в середине XIX столетия связано и с «духом эпохи». Это был период начала слома старой системы европейской стабильности и баланса сил, когда «пять “великих держав” уравнивали мощь друг друга, а любая коалиция считалась заведомо сильнее любого государства» (21). Именно поэтому у отечественных консерваторов этого периода можно выделить несколько идейных установок-архетипов, которые складывались на всем протяжении XVIII – первой половины XIX в. и которые стали особенно актуальны в середине XIX столетия в силу «геополитических сдвигов» и «военно-политической непредсказуемости» (22). И такими архетипами для отечественных консерваторов становится доктрина исторического противостояния России и Запада, панславизм, имперская идея.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Термин введен в научный оборот В.Н. Шульгиным.
- (2) *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч. Письма: В 6 т. – М., 2000–2005. – Т. 3. – С. 144.
- (3) Там же. – С. 135, 137.
- (4) *Тютчев Ф.И.* Политические статьи. – П., 1976. – С. 16.
- (5) Цит. по: Литературное наследство. – М., 1988–1989. – Т. 97. – Кн. 1. – С. 287.
- (6) *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч... – С. 157.
- (7) *Тютчев Ф.И.* Политические статьи... – Т. 6. – С. 351.
- (8) Там же. – С. 342.
- (9) Докладная записка императору Николаю I // Новое литературное обозрение. – 1992. – № 1. – С. 104.
- (10) *Тютчев Ф.И.* Политические статьи... – Т. 3. – С. 196.
- (11) См.: *Тютчев Ф.И.* Политические статьи...
- (12) *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч... – Т. 5. – С. 110.
- (13) Там же. – С. 201.
- (14) Там же. – Т. 1. – С. 200.
- (15) Там же. – Т. 5. – С. 414.
- (16) *Тютчев Ф.И.* Россия и Германия // Русская идея. – М., 1992. – С. 96.
- (17) Цит. по: *Цымбурский В.Л.* Тютчев как геополитик // Общественные науки и современность. – 1995. – № 6. – С. 92.
- (18) Цит. по: Русская историософия. Антология. – М., 2006. – С. 160.
- (19) *Погодин М.П.* Собр. статей, писем и речей по поводу Славянского вопроса. – М., 1878. – С. 79.
- (20) *Самарин Ю.Ф.* Православие и народность. – М., 2008. – С. 289–311.
- (21) *Фененко А.В.* «Классический национализм» и внешнеполитические взгляды свободных консерваторов XIX века // <http://conservatism.narod.ru/fen/fen.html>
- (22) Там же.

ANTITHESIS «RUSSIA–WEST» IN FOREIGN POLICY VIEWS OF RUSSIAN CONSERVATIVES OF THE MID 19TH CENTURY (ON FEDOR TUTCHEV'S CONCEPT)

E.V. Lin'kova

Chair of Russian History
Peoples Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10-1, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to foreign policy views of Russian conservatives mid 19th century. On the concept of F. Tutchev, one of the biggest personalities of Russian conservatism, the author explores the problem of the historic confrontation between Russia and Western Europe, a theme which became prevalent in the doctrine of foreign policy of Russian conservatives of the 19th century.

Key words: conservatism, foreign policy, public opinion, geopolitics, Slavic unity.

ЧЕЙ АМУР? РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Ю. Сакон

Центр славянских исследований, Университет Хоккайдо
Кита, 9, Ниши, 7, Саппоро, Хоккайдо, Япония, 0600809

Статья посвящена некоторым особенностям российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX в. Автор рассматривает развитие судоходства на реках Амур и Сунгари в связи с экономическим развитием Манчжурии и Приамурья. В статье указаны на некоторые противоречия между российскими и китайскими властями в вопросах судоходства в Приамурье.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, конец XIX – начало XX в., Амур, Сунгари, судоходство, Приамурье.

Важными вехами в истории Северо-Восточной Азии стали Айгунский договор и Тяньцзинские трактаты 1858 г., а также Пекинский договор 1860 г. По этим документам Россия получила часть китайских территорий (Приморский край) и значительно усилила свое влияние в Северо-Восточной Азии.

Однако изменение границ создало также многочисленные проблемы. Первый приамурский генерал-губернатор во всеподданнейшем отчете за 1884 и 1885 гг. писал, что в Амурской области русское население составляет 74%, а в Приморской области без северных округов и Владивостокском военном губернаторстве – 55%. Остальную часть населения этих областей в основном составляли китайцы, корейцы и инородцы (1). Все приамурские генерал-губернаторы должны были контролировать азиатских иммигрантов на российском Дальнем Востоке, в первую очередь китайцев.

Многие исследователи, начиная с дореволюционного периода, обращались к этой проблеме. Среди современных работ отметим монографию А.И. Петрова «История китайцев в России. 1856–1917 гг.» (2). Это исследование имеет энциклопедический характер, автор внес значительный вклад в изучение русско-китайских отношений второй половины XIX – начала XX в. Отметим также работы современных историков В.Г. Дацышена о русско-китайской пограничной зоне (3), Н.И. Макухи, которая исследовала управление территориями российского Дальнего Востока, где проживали китайцы (4), и И.Р. Савельева, который сравнил отношение властей к китайцам, корейцам и японцам на российском Дальнем Востоке в дореволюционный период (5). В изучение проблем русско-китайских дипломатических отношений на рубеже XIX–XX вв. большой вклад внес современный российский

историк Е.А. Белов. Он изучал русско-китайские дипломатические отношения с 1911 по 1915 г. (6), но обращал мало внимания на проблемы управления Приамурьем. Теруюки Хара, современный японский историк, занимался историей Приамурья после русско-японской войны до Октябрьской революции (7). Он изучал международную ситуацию в Восточной Азии.

Попробуем посмотреть на русско-китайские отношения с региональной точки зрения. Для этого нужно обратить внимание на русско-китайские переговоры о судоходстве на реках Амур и Сунгари.

С экономической и стратегической точки зрения Амур для Российской Империи был очень важен. В 1893 г. полковник Генерального штаба Вебель отмечал, что Амур имеет для России «особо важное стратегическое и политическое значение» для связей с Владивостоком, «в котором зиждется все наше политическое значение в Тихом океане» (8). В то же время не меньшую роль Амур играл для Китая.

Выход Российской Империи на р. Сунгари до русско-японской войны. Первая часть Айгунского договора 1858 г. определила правила судоходства: «По рекам Амуру, Сунгари и Уссури могут плавать только суда Дайцинского и Российского государств; всех же прочих иностранных государств судам по сим рекам плавать не должно» (9). Это правило было подтверждено ст. XVIII Петербургского договора 1881 г.

До конца XIX в. только русские суда плавали по реке Амур, а по реке Сунгари – только китайские джонки. На Сунгари не было российских пароходов по двум причинам. Первая причина – возражения китайской стороны, вторая – колебания российского генерал-губернатора.

В 1892 г. генерал-губернатор Андрей Корф написал об этой проблеме во всеподданнейшем докладе: «По ближайшем ознакомлении с делом оказалось, что допущение на Сунгари не обещает особых выгод нашей торговле. Между тем, получив право плаванья и торговли на этой реке, мы должны бы были, в силу тех же трактатов, предоставить такое же право китайцам по отношению к низшему течению Амура, что повело бы к учреждению китайского пароходства на Амуре, неминуемо отозвалось бы на нашем пароходстве и, во всяком случае, было бы нам весьма невыгодно в случае войны с Китаем» (10).

Корф считал, что не следует спешить с решением этого вопроса, потому что китайское правительство разрешит российским пароходам плавать по реке Сунгари для подвоза китайских рабочих на золотые прииски, находящиеся в верховьях Амура.

Его предположение оказалось отчасти правильным. Сначала китайское правительство не уступило России в данном вопросе, но в результате японско-китайской войны 1894–1895 гг. и русско-китайского союзного договора 1896 г. международная ситуация в Северо-Восточной Азии стала иной. Генерал-губернатор Сергей Духовской, преемник Андрея Корфа, написал в 1896 г.: «Ныне, однако, политические обстоятельства настолько изменились, что сделалось возможным более выгодное для нас разрешение сунгарийского вопро-

са. Через посредство нашего посланника в Пекине удалось получить согласие китайского правительства на плавание русского парохода по р. Сунгари» (11).

Китайское правительство одновременно потребовало от русского правительства пропускать китайские суда на среднее течение Амура. Однако Духовской настоял на том, чтобы Россия отказала в этом Китаю. Например, в его телеграмме русскому поверенному в Пекине в 1896 г. выражалось опасение, что «допустив один пароход, мы вскоре увидим много китайцев по всему Амуру» (12). В конце концов Россия не удовлетворила китайских требований.

Таким образом, судоходство на реке Амур находилось под контролем исключительно российских властей. В 1872 г. было учреждено Товарищество Амурского пароходства.

У Андрея Корфа был план развития транспортных путей по реке Амур, связанный с торговлей китайским чаем. В то время китайский чай ввозили через город Кяхту. Корф считал это невыгодным, потому что китайские торговцы оказывались в преимущественном положении. Он пытался содействовать развитию транспортных путей торговли чаем по воде из китайского города Ханькоу в российский город Николаевск-на-Амуре, чтобы развивать судоходство по Амуру. Одновременно Корф предлагал снизить пошлины на чай, ввозимый через русско-китайскую границу в Сибири (13).

Однако в конце XIX в. перевозить чай по реке Амур было трудно. По статистике, которую вели китайские морские таможи, в 1892 г. из Китая в Россию через Одессу было перевезено 117 254 т чая, через Кяхту – 89 707 т чая, а по Амуру – всего 2381 т чая. На это были разные причины, прежде всего – слабо развитое судоходство.

В 1894 г. при поддержке российских властей было учреждено Амурское общество пароходства и промышленности для развития судоходства на реке Амур. В табл. 1 показано количество судов на Амуре в 1895 г.

Таблица 1

Суда на Амуре в 1895 г.

Компании	Буксирные пароходы	Товаро-пассажирские пароходы	Баржи	Грузовместимость (пуд)
Товарищество Амурского пароходства	11	13	28	400,000
Амурское общество пароходства и торговли	5	11	16	190,000
Разные частные владельцы		16	7	68,000
Итого		56	51	658,000

Источник: Коновалов Н. Амурский водяной путь // Русское судоходство. – 1897. – № 184. – С. 53.

Кроме того, в 1898 г. по реке Сунгари стали плавать пароходы, принадлежавшие Китайско-Восточной железной дороге.

Развитию речного судоходства препятствовала еще одна проблема. Китайское правительство хотело учредить свои таможи в бассейне реки Сунгари, но российское правительство не согласилось на это, потому что, во-первых, китайские таможи были бы тормозом для развития торговли в Маньчжурии, а во-вторых, китайскими морскими таможнями управлял в то время англичанин Роберт Харт, и Россия опасалась расширения его влияния в Маньчжурии. Сергей Витте писал товарищу российского министра иностранных дел Николаю Шишкину: «Весьма важно, чтобы таможи в Маньчжурии были выделены в особую административную группу, независимую от сэра Роберта Харта, и чтобы иностранные служащие в них были исключительно русские подданные» (14).

В том же письме Витте подчеркнул, что учреждение русских консульств в Маньчжурии нежелательно для России, так как это могло привести к учреждению консульств других иностранных держав в Маньчжурии (15).

В результате китайские морские таможи были учреждены только в портах по линии Китайско-Восточной железной дороги. Российское правительство желало, чтобы русские служащие китайских морских таможен работали не только для китайских, но и для русских учреждений, особенно для Китайско-Восточной железной дороги (16).

Выход Китая на реку Амур после русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1907 (1908) г. российский премьер-министр Петр Столыпин в одном из писем министру финансов Владимиру Коковцову писал: «После русско-японской войны положение окраины существенно изменилось: с одной стороны, мы пришли в непосредственное соприкосновение с энергичным и предприимчивым новым соседом – японцами, с другой, пробудившийся Китай и его организация управления и войска заставляют нас неотложно, теперь же, выяснить значение далекой окраины и ее колонизации» (17).

Действительно, после русско-японской войны Китай проводил активную политику по проблемам судоходства на реках Амур и Сунгари. Сюй Ши Чан (Xi Shichang, 徐世昌), наместник трех северо-восточных областей Китая, учредил на реке Сунгари Департамент судоходства. В 1909 г. китайское правительство объявило об учреждении морских таможен в Харбине, Сяньсине и Лахасусу и разрешило плавание по реке Сунгари всех иностранных судов, ссылаясь в том числе и на 4-ю статью Портсмутского мирного договора (18).

Россия сразу опротестовала эти указы китайского правительства. Российско-китайские переговоры привели к составлению временного договора 1910 г. Отметим три важных пункта этого документа. Во-первых, Россия согласилась с учреждением китайских морских таможен в Маньчжурии; во-вторых, ввоз материалов для строительных работ на Китайско-Восточной железной дороге по-прежнему оставался беспопшлинным; в-треть-

их, по реке Сунгари разрешалось плавать только китайским и российским судам.

Последний приамурский генерал-губернатор, Николай Гондатти, считал, что договор с Китаем соответствует положению Приамурья, так как разрешает плавать по реке Сунгари только российским и китайским судам. Он утверждал, что России «удалось добиться на Сунгари более льготного положения» (19).

Гондатти руководил Амурской экспедицией, которая изучала экономическую ситуацию в Приамурье с 1910 по 1912 г. Кроме того, с 1911 г. он занимал пост генерал-губернатора и пробовал тормозить потоки иммигрантов и товаров из Китая на российский Дальний Восток (20).

После русско-японской войны большое количество беспошлинного хлеба было ввезено из Маньчжурии в Приамурье (табл. 2). Гондатти рассчитывал, что китайские морские таможи будут тормозом для транспорта маньчжурского хлеба. Кроме того, он считал, что в связи с отменой режима порто-франко на российском Дальнем Востоке нужно отменить 50-верстную полосу беспошлинной торговли на границе России и Китая, которая была установлена в 1862 г., и наложить пошлину на маньчжурский хлеб. В конце концов ему это удалось благодаря позиции Пекина.

Таблица 2

Путь и количество хлеба на российский Дальний Восток, тыс. пудов

Местоположение	1907	1908	1909
Из Сибири	1716	1963	2808
С моря	1327	1620	307
По Сунгари	3093	5104	6424
Через ст. Пограничную КВЖД в Приморскую область для местного употребления	1274	2146	1904
Через ст. Маньчжурия в Забайкалье	737	900	456
Итого	8144*	11733	14599*

Примечание: * – приведенные суммы не являются точными, возможна ошибка оригинала.

Источник: Митинский А.Н. Мат-лы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке // Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. – СПб., 1911. – Вып. 8. – С. 93.

В 1910 г. китайское правительство потребовало пересмотра Петербургского договора 1881 г., а именно: открыть реки Аргунь, Амур, Уссури и Сунгари для плавания судов любых государств, открыть китайские консульства в российских городах и т.д.

В начале Россия не согласилась ни на одно из китайских требований. Российский министр иностранных дел Сергей Сазонов настаивал на приме-

нении военной силы в случае невозможности договориться с Китаем. Но после Синьхайской революции 1911 г. ситуация в Китае сильно изменилась. В результате беспопытная полоса была отменена 1 января 1913 г. (21).

Кроме того, в 1911 и 1914 гг. Гондатти предлагал запретить Китаю судоходство по реке Амур. Однако российское правительство не согласилось на его предложение. Когда Гондатти предложил свой план в 1914 г. товарищу министра путей сообщения Петру Думитрашко, тот поддержал его. По мнению Думитрашко, перевозки грузов и пассажиров обходились китайцам на 50% дешевле, чем русским (22). Это осложняло конкуренцию.

Министр торговли и промышленности Сергей Тимашев предложил запретить судоходство китайских судов по реке Амур под предлогом санитарной проверки (23). Однако Сазонов не согласился с мнением Гондатти и Думитрашко (24), ссылаясь на договор между Россией и Китаем, который разрешал российским и китайским судам плавать по рекам Амур и Сунгари. Глава правительства и министр финансов до 1914 г. Владимир Коковцов считал, что китайские суда на реке Амур не представляют для России какой-либо опасности (25).

В конце концов, Россия не предложила Китаю пересмотреть правила судоходства на реках Амур и Сунгари. Есть две причины, почему Россия согласилась на то, чтобы китайские суда плавали по реке Амур. Во-первых, Россия опасалась конфликта с Китаем во время Первой мировой войны. Во-вторых, российское правительство боялось появления на реке Амур судов иностранных держав, особенно Великобритании. Поскольку Китай соблюдал Петербургский договор 1881 г., Россия согласилась на китайское судоходство на реке Амур. Однако для приамурского генерал-губернатора было очень важно уменьшить китайское влияние на территории российского Дальнего Востока, и поэтому Гондатти хотел запретить китайское судоходство на реке Амур.

В августе и сентябре 1916 г. Совет министров обсуждал предложение японского правительства о судоходстве японских коммерческих судов по реке Сунгари. В то время России было нелегко отклонить это предложение из-за войны (26). Однако Япония так и не получила ответа на свое предложение, поскольку Российская Империя перестала существовать.

До японско-китайской войны 1894–1895 гг. российские суда не плавали на реке Сунгари не только из-за возражений Китая, но и из-за осторожности России. После русско-японской войны 1904–1905 гг. китайские суда стали плавать по реке Амур. Когда Россия проводила переговоры с Китаем о судоходстве на реках Амур и Сунгари, обнаружились разногласия во мнениях между российским правительством и приамурским генерал-губернатором.

Не вызывает сомнений, что экономическое развитие Маньчжурии и Приамурья было связано с развитием судоходства на реках Амур и Сунгари. Мы можем заключить, что, несмотря на разные позиции Пекина и Петербурга, политическая ситуация и экономические интересы приводили к развитию российского судоходства на реке Сунгари и китайского судоходства на реке Амур.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора за 1884 и 1885 гг. – С. 10.
- (2) *Петров А.И.* История китайцев в России. 1856–1917 гг. – СПб., 2003.
- (3) *Дацьишен В.Г.* Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX – начале XX в. – Кызыл, 2000; *Он же.* Китайцы в Сибири в XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации. – Красноярск, 2008.
- (4) *Макуха Н.А.* Деятельность администрации Приамурского края по развитию российско-китайских отношений (1884–1917 гг.): Автореф. дисс. ... к.и.н. – Хабаровск, 2009.
- (5) *Савельев И.Р.* Имин то Кокка: Кйокутоу росиа ни океру цюгокузин, цесензин, ни-хонзин имин (Иммигранты и государства: китайцы, корейцы и японцы на российском Дальнем Востоке). – Токио, 2005 (на яп. яз.).
- (6) *Белов Е.А.* Россия и Китай в начале XX в. Русско-китайские противоречия в 1911–1915. – М., 1997.
- (7) *Хара Т.* Ничиро сенсоу го но росиа кйокутоу. Чийки сеисаку то кокусаи канке (Российский Дальний Восток после русско-японской войны. Региональная политика и международное окружение) // *Российская история.* – 2003. – № 72. – С. 6–22; *Он же.* Кйоси но рекиси то биси но рекиси. Амуру генчи соугоу цеса соушо (1911–1913 нен) во тегакари то сите (Труды Амурской экспедиции (1911–1913 гг.)) // *Российская история.* – 2005. – № 76. – С. 50–66 (на яп. яз.).
- (8) РГИА. – Ф. 560. – Оп. 29. – Д. 219. – Л. 183 об.
- (9) Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916) / Под ред. В.С. Мясникова. – М., 2004. – С. 62.
- (10) Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора за 1886–1891 гг. – С. 72–73.
- (11) Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора за 1893, 1894 и 1895 гг. – С. 59.
- (12) РГИА. – Ф. 560. – Оп. 29. – Д. 123. – Л. 247.
- (13) Там же. – Ф. 20. – Оп. 5. – Д. 554. – Л. 167–172 об. Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора за 1884 и 1885 гг. – С. 39–40; Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора с 1886 г. по 1891 г. – С. 50.
- (14) РГИА. – Ф. 560. – Оп. 29. – Д. 123. – Л. 253 об. – 254. Витте выразил то же мнение министру иностранных дел Михаилу Муравьеву в 1900 г. (См.: там же. – Оп. 28. – Д. 126. – Л. 59 об.)
- (15) Там же. – Оп. 29. – Д. 123. – Л. 258 об.; *Wolff D.* To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914. – Stanford, 1999. – P. 117–120. Русские консульства были учреждены в Маньчжурии после русско-японской войны (РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 2. – Д. 484).
- (16) РГИА. – Ф. 560. – Оп. 28. – Д. 611. – Л. 58–59 об.; Ф. 1416. – Оп. 1. – Д. 89. – Л. 97–97 об.
- (17) Там же. – Ф. 1276. – Оп. 3. – Д. 61. – Л. 3 об.
- (18) «Россия и Япония взаимно обязуются не ставить никаких препятствий общим мерам, которые применяются равно ко всем народам и которые Китай мог бы принять в видах развития торговли и промышленности в Маньчжурии» (Русско-китайские договорно-правовые акты... – С. 523).
- (19) Там же. – С. 636.
- (20) *Дубинина Н.* Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. – Хабаровск, 1997. – С. 105–120.

- (21) Белов Е.А. Россия и Китай... – С. 71–91.
(22) РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 10. – Д. 865. – Л. 5 об. – 6 об.
(23) Там же. – Л. 7–8 об.
(24) Там же. – Л. 4–5; Д. 922. – Л. 9–10.
(25) Там же. – Д. 922. – Л. 9 об.
(26) Там же. – Ф. 1276. – Оп. 12. – Д. 1534. – Л. 46-47, 77–80.

**WHOM DOES THE AMUR BELONG TO?
RUSSIAN-CHINESE RELATIONS
IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES**

Yu. Sakon

Slavic Research Center, Hokkaido University. Research Fellow
Kita, 9, Nishi, 7, Sapporo, Hokkaido, Japan, 0600809

The article is devoted to some peculiarities in the Russian-Chinese relations in the late 19th – early 20th centuries. The author considers the development of navigation on the Amur and the Sungari rivers due to the economic development of Manchuria and the Amur Region. The author points out some contradictions between the Russian and Chinese authorities in the issues of navigation in the Amur region.

Key words: Russian-Chinese relations, the late 19th – early 20th centuries, the Amur, the Sungari, navigation, the Amur region.

ЮЖНОКИТАЙСКАЯ СОВЕТНИЧЕСКАЯ ГРУППА И ФИНАНСИРОВАНИЕ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ВОЕННЫХ ПРОЕКТОВ ГОМИНЬДАНА В 1924 Г.

А.Г. Юркевич

Кафедра цивилизационного развития Востока
Высшая школа экономики
Малый Трехсвятительский пер., 8/2, Москва, Россия, 109028

В статье рассматриваются организация и деятельность советской советнической группы, оказывавшей помощь южнокитайскому правительству Сунь Ятсена, ее участие в финансировании политических и военных проектов Гоминьдана. Автор показывает, что главной целью усилий группы в тот период было создание новых политических и военных институтов гоминьдановской власти и установление контроля за его политикой и армией, при этом тактика реализации стратегической цели постоянно менялась.

Ключевые слова: Китай, советская помощь Гоминьдану, советские советники, М.М. Бородин, В.К. Блюхер.

Деятельность группы советских советников, работавших в 1920-е гг. в Южном Китае, не оставлена без внимания исследователями. Работы по этой теме выходят до настоящего времени (1). Тем не менее, доступные материалы прежде не позволяли отчетливо проследить, во-первых, динамику роста группы, качественных изменений ее состава, организации и задач в отдельные периоды, во-вторых, масштабы ее финансирования и характер участия в финансовой поддержке проектов партии Гоминьдан по перестройке институтов его власти.

О плачевном состоянии этих институтов писали в 1923–1924 гг. руководители советнической группы – главный политический советник, он же руководитель группы (в отчетных документах именовалась «специальным отделом»), М.М. Бородин (Грузенберг) и главный военный советник В.К. Блюхер (прибыл в Гуанчжоу – в литературе тех лет «Кантон» – в октябре 1924 г.). Они отмечали отсутствие дееспособных партийных структур («Гоминьдан, как организованная сила, совершенно перестал существовать» (2)), всевластие «союзных» генералов, поделивших между собой захваченные районы Гуандуна, налоговый произвол военных и правительства, отсутствие у последнего собственной армии, разорение населения и рост его недовольства властью Гоминьдана (3).

Задачи, которые в первую очередь было необходимо решить для реализации целей Москвы в Китае, в конце 1923 г. Бородин сформулировал следующим образом:

«1. Продолжать начатую в Кантоне работу по реорганизации Гоминьдана...

2. Удерживать за собой Гуандун не для того, чтобы, как это было до сих пор, добиваться военных успехов... мечтая все время об организации походов против Пекина, а для того, чтобы создать в нем базу для развития и направления национально-революционного движения во всем Китае... Иначе говоря, создать в Гуандуне такой социальный базис, который оправдывал бы существование в Гуандуне суневского правительства и давал бы ему возможность выступить с общенациональными заданиями.

3. Реорганизовать и подчинить руководству Гоминьдана армию... Для этого Суню (вождю Гоминьдана Сунь Ятсену. – А.Ю.) необходимо создать военные школы, обращая серьезное внимание на подготовку политработников... всякое подкрепление, которое мы сумеем дать Суню через Владивосток, поможет ему усилить свой контроль над армией» (4).

Сопоставление опубликованных материалов с архивными источниками позволяет заключить, что тактика осуществления этих стратегических задач корректировалась советнической группой на протяжении всего 1924 г.

На первом этапе (осень 1923 г. – весна 1924 г.) усилия немногочисленной группы посланцев Москвы (Бородин и военные советники В.Я. Поляк и И.Г. Герман, к которым в январе 1924 г. присоединились Н.А. Терешатов и А.И. Черепанов) (5) были сосредоточены, во-первых, на подготовке съезда Гоминьдана (состоялся в январе 1924 г.), который создал систему партийных организаций и учреждений разных уровней на основе принципа «демократического централизма», во-вторых, на осторожном поиске путей создания подчиненных правительству воинских частей и «партийной» военной школы (открыта в мае–июне 1924 г., по месту дислокации получила известность как «военная школа Хуанпу», на местном диалекте – Вампу). Это период почти исключительно консультативной помощи, создания планов и проектов, для реализации которых, тем не менее, было необходимо оказывать определенное давление на китайских союзников.

Одним из главных инструментов такого давления было обещание финансового и материального содействия (еще весной 1923 г. Москва посулила Сунь Ятсену 2 млн мексиканских долларов с выплатой «по частям», а также оружие) (6).

Лишь косвенные данные позволяют предположить, что реорганизация Гоминьдана и создание военной школы могли получить финансовую поддержку Москвы уже весной 1924 г. (7), но документально это подтвердить пока невозможно.

Второй этап (июнь–октябрь 1924 г.) характеризовался количественным и качественным ростом военной части советнической группы, уточнением приоритетов ее деятельности, выбором наиболее перспективных проектов, а в конце этого периода – переходом от обещаний военно-технической и финансовой помощи к ее предоставлению.

К лету 1924 г. в Гуанчжоу небольшими группами стало прибывать подкрепление советнической группы. В июне 1924 г. ее «военный отдел» воз-

главил комбриг Павел Андреевич Павлов (Говоров). После его гибели в результате трагической случайности (18 июля он утонул в р. Дунцзян) отчеты, посылавшиеся в полпредство, подписывал начальник штаба группы П. Нилов (Ф. Сахновский). 2 августа начальником «военного отдела» был назначен В.К. Блюхер (Галин, Уральский) (8).

Чтобы проследить динамику кадрового роста группы, в основном приходится сопоставлять сведения, почерпнутые из разных мемуарных источников. Такое сопоставление позволяет заключить, что одновременно с П.А. Павловым, или по крайней мере до осени 1924 г., в Гуандун прибыли Айтыкин (Браиловский) – Д. Угер (Реми), Ф. Сахновский (П. Нилов), связист М.И. Дратвин, М. Сахновская (Чубарева), военный моряк П.И. Смирнов (Смирнов-Светловский), кавалерист С. Шалфеев (Воробьев), Н.А. Шевалдин. Осенью (большинство – в октябре) 1924 г. до Гуандуна добрались артиллеристы Т.А. Бессчастнов и Г.И. Гилев, военный инженер Е.А. Яковлев (иногда ошибочно указывается как В.А. Яковлев), И.Г. Палло (Полло, Я. Полло), М.Я. Гмира, И.Н. Зильберт, связист Кочубеев, Ф.Г. Мацейлик, В.П. Рогачев, В.А. Степанов (9).

Обобщающие данные о численности южнокитайской группы в литературе приводятся лишь в отдельных работах, чаще всего – со ссылкой на труды Р.А. Мировицкой, которая использовала данные советских архивов, как правило, без точного указания источников. По ее данным, к июню 1924 г. численность группы в Гуанчжоу выросла до 25 чел.; в сентябре 1924 г. (10) там было 27 советников и два технических работника (11). Некоторые документы из фондов РГАСПИ позволяют уточнить сведения об обязанностях советников, численности и составе группы, ее финансовом обеспечении и функциях в 1924 г.

К сожалению, не все документы сохранились полностью и содержат исчерпывающую информацию. Например, в «Докладе о военно-политическом положении и работе на юге Китая», направленном начальником штаба «военного отдела» П. Ниловым военному атташе А.И. Геккеру (видимо, в конце лета 1924 г.), в разделе о «распределении работ» между советниками указаны только семь фамилий.

Из доклада можно узнать, что «комиссар военного отдела» Реми (Д. Угер), будучи авиатором, тем не менее работал в штабе начальника полиции У Течэна в качестве «шефа инженеров ставки генералиссимуса» (12) (видимо, до прибытия специалистов по инженерному делу в октябре 1924 г.). Он же был «начальником штаба бронесил» (т.е. формировавшегося отряда бронепоездов и подразделения, отвечавшего за охрану железных дорог) и трудился в Комиссии по выработке плана Кантонского укрепрайона. Советник Мельников, возглавлявший штаб управления авиации, с 18 августа работал с Реми. П.И. Смоленцев был «руководителем крестьянской секции ЦИК» (видимо, советником крестьянского отдела ЦИК Гомиьндана), а также вел работу по составлению военно-географического описания южных

провинций, использовался в качестве переводчика и участвовал в разработке плана укрепрайона. В.Я. Поляк руководил работой советников в школе Хуанпу и входил в «тройку», возглавлявшую инспекцию военно-учебных заведений. А.И. Черепанов работал в Хуанпу и намечался тогда к переброске в школу Хунаньской армии. М.Ф. Сахновская (Чубарева) в докладе проходила как «начальник разведуправления» и руководила агентурной работой, разрабатывала план вооружения рабочих. С. Шалфеева (Воробьева) направили обучать кавалерийский эскадрон жандармерии, а также пригласили в качестве инструктора в «десантный отряд при управлении бронесил» (впоследствии именовался «бронеполком»); помимо этого, он сопровождал Мельникова в поездках на аэродром, знакомился с постановкой обучения «в школе Гоминьдана» (школе Хуанпу) (13).

Список советников и их функций, заведомо неполный (отсутствуют по меньшей мере упоминания о Терешатове и Германе), тем не менее, во-первых, добавляет к списку, составленному на основании мемуарной литературы, также фамилии Мельникова и Смоленцева (первоначально оставленного в Пекине), во-вторых, позволяет судить о диапазоне обязанностей членов группы и ее задачах по состоянию на конец лета – начало осени 1924 г. В.К. Блюхер писал, что несколько позже, к декабрю 1924 г., «аппаратом русских советников были охвачены: Главный штаб Кантонской армии, где главный советник Главной квартиры одновременно числился и главным советником при Главнокомандующем генерале Сюй Чунчжи, школа и 2 полка Вампу (созданные по инициативе начальника школы Хуанпу Чан Кайши. – А.Ю.), где в вопросах воспитания и обучения русские советники играли руководящую роль, школы командного состава Юньнаньской, Гуансийской и Хунаньской армий (соединения так называемой союзной армии, формально признавшие юрисдикцию правительства Сунь Ятсена и изгнавшие из Гуанчжоу его противников. – А.Ю.); отдельная бригада У Течэна, бронеполк, бодигард (охрана Сунь Ятсена. – А.Ю.) и авиация (последние три части имеют начальниками русских советников [?]) и флот, где авторитет русского советника стоял значительно выше командующ[его] флотом» (14).

Попытка охватить не слишком многочисленным штатом советников максимальное число соединений и военных учреждений была обусловлена, помимо необходимости сбора информации, также новой стратегической установкой «военного отдела» группы. Советники нацеливались на «проникновение» в военные структуры, дабы проложить туда путь китайским коммунистам и «левым» гоминьдановцам. К осени 1924 г. эта установка была скорректирована: главными объектами «проникновения» стали военные школы «союзных» армий, выпускники которых должны были становиться орудием центральной гоминьдановской власти (15).

Постановка задачи «проникновения» привела к увеличению численного состава группы и усложнению ее структуры. Об этом свидетельствуют документы, которые мы относим к третьему этапу деятельности советнической

группы в 1924 г., когда после отъезда Бородина в ноябре на Север (он сопровождал Сунь Ятсена на так называемую объединительную конференцию военно-политических лидеров) ее возглавил главный военный советник В.К. Блюхер. При нем задача «проникновения» соединилась с другой сформулированной им установкой: на изгнание хозяйничавших в Гуандуне «безыдейных пришельцев» (формально «союзных» Сунь Ятсену юньнаньских и гуансийских генералов) (16). Блюхер же в декабре 1924 г. сумел настоять на проведении превентивного Восточного похода (февраль–апрель 1925 г.) против угрожавшего Кантону с востока генерала Чэнь Цзюньмина. Эти инициативы были подкреплены мерами, которые начали осуществляться еще до приезда Блюхера в Гуандун: наиболее надежные военные структуры стали получать реальную помощь деньгами и оружием (оно было доставлено в школу Хуанпу на военно-почтовом судне «Воровский» 8 октября 1924 г.), а советнический аппарат существенно вырос.

Согласно «Приложению» к «Расходному расписанию для Спецотдела на ноябрь 1924 г. – январь 1925 г.» от 12 декабря 1924 г. штат группы тогда предусматривал уже 48 ставок. Начальник специального отдела (Бородин) получал 432,38 гонк. долл. в месяц, его заместитель (Блюхер) – 401,38 гонк. долл. (17). Помощник начальника управления специального отдела (т.е. начальник штаба) занимал также должность начальника разведывательно-информационного отдела (370,50 гонк. долл.). Собственно советники (инструкторы) делились на пять категорий:

- 1) трое «ответственных общевоинских инструкторов (из числа [офицеров?] бывших старых войск и начальников Красной Армии)» (оклад 401,38 гонк. долл.);
- 2) 12 общевоинских инструкторов и специалистов (под «специалистами» понимались инструкторы по артиллерии, связи, инженерному делу и т.п.) с высшим военным образованием (370,50 гонк. долл.);
- 3) пять инструкторов без высшего образования (370,50 гонк. долл.);
- 4) 15 общевоинских инструкторов и специалистов без высшего или специального военного образования – 15 (339,62 гонк. долл.);
- 5) один младший инструктор (308,75 гонк. долл.).

Расписание предусматривало одну ставку «ответственного переводчика» (277,88 гонк. долл.) и четыре – «технических переводчика» (с окладами от 216,13 гонк. долл. до 185,25 гонк. долл.). Машинистка «специальному отделу» полагалась только одна (216,13 гонк. долл.) (18).

Как видим, из 48 ставок к собственно советническим можно отнести 39.

Общие расходы на «спецотдел» в месяц должны были составить 16 443,73 гонк. долл., а за три месяца – 48 331,19 гонк. долл. Эта сумма включала также «залетные одному летчику» (так в тексте) – 80 гонк. долл. (возможно, Угер либо Мельников) (19). С канцелярскими и хозяйственными расходами, «путевым довольствием», представительскими и соцстрахом общая сумма расходов на советнический аппарат за три месяца должна была

составить 58 399,19 гонк. долл. (20). Таким образом, только выплата денежного содержания советнической группе указанного состава должна была обойтись Москве более чем в 200 тыс. гонк. долл. в год.

Из «Объяснительной записки к смете Военного отдела» от 6 ноября 1924 г. следует, что, не все ставки были по состоянию на ноябрь заполнены. Так, в группе был всего один – «технический» – переводчик. В штат были дополнительно введены пять ставок «технических переводчиков» и «сверх наличного числа» пять инструкторских ставок (21). Таким образом, по состоянию на 6 ноября 1924 г. в советническом аппарате должно было состоять 38 штатных сотрудников, из них не более 35 собственно военных специалистов.

Финансовый отчет за 13 ноября – 12 декабря 1924 г., упоминавшийся выше, раскрывает приоритетные направления деятельности группы в тот период. Он показывает, что на содержание группы шла только $\frac{1}{4}$ финансовых средств, которые она получала из Москвы через полпредство. Остальные деньги уходили на поддержку военных и политических проектов Гоминьдана, которые Москва считала приоритетными.

Общая сумма всех расходов группы за указанный период составила 80 868,27 гонк. долл. Из них на поддержку «частей» (особая рубрика отчета) было потрачено 71 800 кант. долл., или 57 440 гонк., в том числе на «Нацревармию и школы», т.е. на школу Хуанпу и создававшиеся при ней учебные полки, которые советники мыслили ядром армии китайской революции, – 47 тыс. кант. долл., плюс 3 тыс. на курсы политработников и 3 тыс. на школу Хунаньской армии, перешедшую к тому времени в состав Хуанпу (22).

До 1 января 1925 г. советническая группа рассчитывала получить 156 831,52 гонк. долл., на январь намечалась та же сумма. Расходы «на аппарат» должны были составить 21 340 гонк. долл. плюс 1000 гонк. долл. в качестве «аванса на телеграф». «На части» было затребовано 127 244 кант. долл., или 101 795 гонк. долл., в том числе на «Нацревармию и школы» 100 тыс. кант. долл. плюс 3 тыс. на политкурсы, 8 244 кант. долл. на бронеполк и бронепоезда, 10 тыс. на крестьянский отдел и его школу, и 6 тыс. на «выдачи др. частям: Киткомпартии (вполне военный в тех условиях проект. – А.Ю.), Военшколам и непредвиденные» (23).

В примечаниях к финотчету отмечалось, что «Комитет Компартии сметы не представил, но ему выдается взаимобразно (так в тексте. – А.Ю.) до 1000,00 кант. долл.» (24). Как видим, расходы группы непосредственно на нужды гуандунских коммунистов были невелики. Однако планировались траты на военные и военно-политические проекты, предусматривавшие преимущественное участие коммунистов, – на политкурсы, бронеполк и крестьянский отдел ЦИК Гоминьдана (25). Примечательно, что в качестве трат на военные цели оценивались расходы вроде бы на политические структуры. В тех условиях это были военно-политические проекты: политкурсы должны были готовить политработников (комиссаров и агитаторов) как для ар-

мии, так и для развертывания крестьянского и рабочего движения, в том числе организации военизированных крестьянских союзов, которым покровительствовал крестьянский отдел ЦИК Гоминьдана.

Из записки следует, что не все расходовавшиеся средства фиксировались в отчетах. Помимо трат на содержание Бородина и его аппарата, это касалось «его политических расходов, т.е. субсидии газетам, по партии Гоминьдан и другие, нам неизвестные расходы» (26). «Политические» траты Бородина раскрываются в опубликованном А.И. Картуновой дневнике управления военного отдела в Кантоне: в 1924 г. на аппарат Гоминьдана, его периодические издания, печатание и распространение пропагандистских материалов он израсходовал более 11 тыс. кант. долл. (27).

Распределение советских субсидий в целом отвечало приоритетам работы с Гоминьданом, намеченным Москвой еще в конце 1923 г., – создание действенной партийной организации и пропагандистских органов, системы подготовки индоктринированных в партийном духе военных кадров и централизованно управляемой армии (28). В то же время в практике реализации этих установок очевидно смещение акцента с политических на силовые структуры.

К концу 1924 г. советническая группа становилась органом планирования и распределения военно-технической и финансовой помощи Гоминьдану. Эта помощь в абсолютных цифрах была не слишком велика. Однако она стимулировала создание и укрепление именно тех политических и военных институтов, которые, по расчетам руководства ВКП(б), были призваны обеспечить доминирование в Гоминьдане «левых» сил, создание демократической национальной коалиции с участием Гоминьдана, скорейшее выполнение задач буржуазной революции и развитие революционного процесса в Китае под контролем КПК – а фактически Москвы. Мировой империализм должен был крепко увязнуть в этой стране, ослабив давление на СССР и коммунистическое движение на Западе.

Однако московские эмиссары проглядели тот момент, когда влиятельные гоминьдановские группировки начали использовать советскую помощь в своих целях, все более дистанцируясь от КПК и освобождаясь от внешней зависимости. Допущенные Москвой ошибки стратегического характера ускорили разрыв конкурировавших гоминьдановских фракций с китайскими коммунистами и зарубежными покровителями, произошедший весной–летом 1927 г. Тем не менее военные и военно-политические институты, созданные при советском содействии в 1924–1925 гг., открыли новую страницу в истории Китая: бóльшая их часть составила основание силовой опоры группировки Чан Кайши, в 1928 г. добившейся формального объединения страны под флагом Гоминьдана, а остальные заложили базу вооруженной организации КПК.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Из отечественных работ последнего десятилетия, затрагивающих эту тему, наиболее крупный вклад в ее изучение внесли труды В.Н. Усова и А.И. Картуновой: *Усов В.Н. Советская разведка в Китае: 20-е годы XX века.* – М., 2002; В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг.: новые документы главного военного советника / Сост., отв. ред., авт. введения и примеч. А.И. Картунова. – М., 2003.
- (2) См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: Докты. – М., 1994. – Т. 1: 1920–1925. – С. 332.
- (3) В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг.: Новые док-ты... – С. 61–62.
- (4) ВКП (б), Коминтерн... – Т. 1. – С. 339–341.
- (5) О них см.: *Вишнякова-Акимова В.В.* Два года в восставшем Китае. 1925–1927. – 2-е изд. – М., 1980. – С. 130–131; *Черепанов А.И.* Поле ратное мое. – Н., 1994. – С. 94; *Лурье В.М., Кочик В.Я.* ГРУ – дела и люди. – СПб.; М., 2002. – С. 371; *Разведка и контрразведка в лицах: энциклопедический словарь российских спецслужб.* – М., 2002. – С. 396; *Благодатов А.В.* Записки о китайской революции 1925–1927 гг. – 3-е изд., доп. – М., 1979. – С. 288–296.
- (6) См.: *Юркевич А.Г.* Финансовая поддержка Москвой «партийной армии» Гоминьдана // Проблемы Дальнего Востока. – 2009. – № 2. – С. 105, 110–112. Курс мексиканского доллара соответствовал гонконгскому доллару, который соотносился с золотым советским рублем как 1,007:1,000, а с кантонским долларом, имевшим хождение в пров. Гуандун, как 1,25:1,00 // РГАСПИ. – Ф. 627. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 123, 130.
- (7) *Юркевич А.Г.* Финансовая поддержка... – С. 105, 111.
- (8) О работе Блюхера в Китае см.: *Картунова А.И.* В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг.: Документированный очерк. Док-ты. – 2-е изд., доп. – М., 1979; В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг.: Новые док-ты...
- (9) *Вишнякова-Акимова В.В.* Два года в восставшем Китае... – С. 131, 151, 180; *Черепанов А.И.* Поле рабное... – С. 142, 341–342; *Благодатов А.В.* Записки о китайской революции... – С. 140–141, 147. См. также: *Усов В.Н.* Советская разведка в Китае... – С. 361–362, 369; *Юрьев М.Ф.* Революция 1925–1927 гг. в Китае. – М., 1968. – С. 39, 60.
- (10) В книге Р.А. Мировицкой опечатка: «в сентябре 1925 г.» набрано два раза, в том числе, видимо, вместо «в сентябре 1924 г.». (*Мировицкая Р.А.* Советский Союз в стратегии Гоминьдана (20–30-е годы). – М., 1990. – С. 207.)
- (11) Там же. – С. 54, 63, 207. Остальные данные, приведенные Р.А. Мировицкой, относятся к сентябрю 1925 г., январю, февралю и апрелю 1926 г.
- (12) РГАСПИ. – Ф. 627. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 20. Под данным А.И. Картуновой, в частях У Течэна работали также советники Гмира, Дратвин, Моисеев, Никулин, Рудаков, Чалов-Шиман. (*Картунова А.И.* В.К. Блюхер в Китае: Документированный очерк... – С. 218.)
- (13) РГАСПИ. – Ф. 627. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 21–22.
- (14) В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг.: Новые док-ты... – С. 114.
- (15) РГАСПИ. – Ф. 627. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 19.
- (16) В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг.: новые документы... – С. 44–45.
- (17) Для сравнения: в 1925 г. полковник армии Гоминьдана получал 230–300 кант. (184–240 гонк.) долл., генерал-майор – 280–400 кант. (224–320 гонк.) долл. *Хуан Бинфэн.* Хуанпу цзюньсяо чжи цзинфэй вэньти (К вопросу о текущих расходах военной школы Хуанпу) // Гоминь гэмин юй Хуанпу цзюньсяо (Национальная революция и военная школа Хуанпу). – Чанчунь, 2004. – С. 56; *Сунь Цзыхэ.* Цун Хуан-

пу цзяньцзюнь дао Бэйфа цяньси гэминцзюнь чжи цзюньцзе вэньти (К вопросу о вооружении революционной армии в период от создания армии в Хуанпу до кануна Северного похода) // Там же. – С. 352.

- (18) РГАСПИ. – Ф. 627. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 64.
- (19) Там же. – Л. 60.
- (20) Там же. – Л. 128.
- (21) Там же. – Л. 48.
- (22) Там же. – Л. 125.
- (23) Там же. – Л. 130.
- (24) Там же.
- (25) Там же.
- (26) Там же. – Л. 128.
- (27) ВКП (б), Коминтерн... – С. 320–341.
- (28) О том, как формулировали задачи Гоминьдана московские руководители и их эмиссары в Китае в конце 1923 г., см.: там же. – С. 279–281, 339–340.

SOVIET ADVISORS GROUP IN SOUTH CHINA AND SOVIET UNION FINANCING OF GOMINDAN WAR PLANES IN 1924

A.G. Yurkevich

Department of Civilization Development of the East
Higher School of Economy
Maliy TriokchSviatitelskiy Per., 8/2, Moscow, Russia, 109028

The article dwells on the organization and activities of the Soviet advisors group, which assisted to the South China government of Sun Yatsen, its participation in financing Kuomintang political and military projects. The author pointed out that the main aim of the advisors group efforts was to form new Kuomintang power institutions and to bring its policy and army under control, for all that the tactics of implementation of strategy aim were constantly changing.

Key words: China, Soviet aid to Kuomintang (Guomindang), Soviet advisors, M.M. Borodin, V.K. Blukcher.

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

КИРИЛЛИЧЕСКИЕ КНИЖНЫЕ СОБРАНИЯ И ИХ ВЛАДЕЛЬЦЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ СТАРОВЕРИЯ*

Е.Е. Дутчак

Кафедра отечественной истории
Томский государственный университет
пр-т Ленина, 36, Томск, Россия, 634050

В статье старообрядческие книжные собрания рассматриваются как источник информации о конфессиональных стратегиях их владельцев. Материалом для исследования выступают собрания кириллических книг XV–XX вв., принадлежавших разным группам сибирского староверия. Анализ показал, что а) выбор книги (литургической, уставной, четьей) не всегда обусловлен вероучением, на него влияют социальные обстоятельства существования коллектива; б) сохранение староверием внутренних различий связано с расширением функций кириллического текста в повседневности.

Ключевые слова: кириллическая книга, конфессиональная стратегия, старообрядцы, старообрядческие книжные собрания, функции конфессиональной книги.

Старообрядческие книжные собрания неоднократно привлекались исследователями при установлении круга идейных авторитетов конфессии или приемов создания историко-эсхатологических сочинений, раскрывающих мировоззренческие особенности отдельных направлений. Вместе с тем представляется, что сопоставление не только текстов, бытующих в староверии, но и собраний в целом может стать самостоятельным источником информации о конфессиональных стратегиях их владельцев. Иными словами – о религиозных и повседневных практиках, с помощью которых старообрядческие согласия и толки противостоят интегрирующим и ассимилирующим процессам.

Для апробации гипотезы о том, что книжное собрание в равной мере отражает и моделирует правила, в соответствии с которыми его владельцы со-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект 10.04.00087а.

храняют догматическую и поведенческую специфику, избраны собрания кириллических книг XV–XX вв., сложившиеся в пределах западносибирского региона. Одно из них принадлежало староверам-поморцам Нифантовым, переехавшим в Томскую губернию между 1861 и 1880 г. Два других – это «скитские библиотеки» насельников томско-чулымской тайги – представителей диаметрально противоположных течений староверия: странников, живущих в этих местах с 1830-х гг., и белокриницких, чей монастырь возник в 1870-е гг. и в 1930-е гг. был разгромлен как «пособник колчаковцев» (1).

При изучении этих коллекций следует учитывать разную степень их сохранности и полноты. В частности, 27 из книг братьев Нифантовых книг после конфискации в 1923 г. попали в фонды разных государственных хранилищ (2), остальные находятся во владении единоверцев и потомков. Собрание действующей общины странников остается в живом обращении, и сегодня изучены и описаны 115 принадлежащих им рукописей, старопечатных и старообрядческих изданий. Наиболее сложна в реконструкции библиотека белокриницких. Разгром монастыря повлек за собой распыление книжного фонда, и представление о нем можно составить лишь по косвенным данным: цитатам и библиографическим ссылкам в сочинениях скитников, их обращениям в московский архиепископат с просьбой о присылке книг, материалам уголовных дел об изъятиях имущества (3). Названные обстоятельства затрудняют реализацию поставленной задачи, но не делают ее абсолютно невозможной. Причина этого – близкие условия хранения и бытования книг, что позволяет считать доступные для изучения фрагменты собраний (или сведения о них) «случайной выборкой», т.е. типологически сходными информационными массивами, пригодными для установления как конфессиональных стратегий разных групп сибирского староверия, так и формы участия в их конструировании кириллических собраний.

Понимание старообрядческих библиотек как конфессионально обусловленного феномена предполагает, что умеренные и радикальные течения будут по-своему определять функции христианской книжности в деле спасения «древлего благочестия». Принято считать, что поповцам более важно наличие книг для богослужения, беспоповцам – «умное знание» сакрального текста, обеспечивающее при отсутствии духовной иерархии догматическую и нравственную сплоченность рассеянных на больших территориях согласий (4).

Несмотря на практически единодушное принятие этого вывода исследователями, все же полагаем, что им отражены скорее идеологические установки согласий-антагонистов, нежели историческая действительность. Например, собрание томско-чулымских белокриницких (поповцев) помимо литургических и связанных с ними текстов о правилах церковного устройства и богослужения включало в себя:

1) классику христианской литературы – Откровение Мефодия Патарского, Добротолюбие, сочинения Василия Великого, Феодора Студита, Симеона Нового Богослова, Никона Черногорца и Нила Сорского, Просвети-

тель Иосифа Волоцкого, Минеи четьи (рукописи и, видимо, издания старообрядческих и единоверческих типографий);

2) рукописные сборники XIX в. – «о греческих обрядах», «о древних обрядах и обычаях ветковских, иргизских и других прежде бывших монастырей наших»;

3) исторические сочинения архиепископа Филарета (Д.Г. Гумилевского), А.П. Лопухина и даже «Феатрон, или позор исторический», вероятнее всего, в русском издании 1720 г.

Интерес белокриницких томско-чулымской тайги к религиозно-учительным и полемическим сочинениям как раз доказывает, что составы старообрядческих библиотек зависят от социальной среды не меньше, чем от принятой в согласии концепции спасения. В частности, это собрание отражает обстоятельства существования их обители в окружении беспоповских общин, преобладавших по численности и имевших идеологическое и хозяйственное влияние в регионе. Белокриницкие могли рассчитывать только на эпизодическую помощь Москвы и собственные силы, поэтому формирование мирской аудитории и, значит, свое будущее они видели в развитии навыков эсхатологической рефлексии. Во многом такое решение предопределила «конфессиональная генетика» руководства обители – его прежняя принадлежность к согласию часовенных, к концу XIX в. по своим идейным установкам сближавшееся с беспоповством (5). В результате сложилась уникальная для провинциального поповства рубежа XIX–XX вв. ситуация. Скитники наряду с совершением церковных служб и треб будут пытаться привить сельской округе привычку к самостоятельному интеллектуальному труду, для чего специально просить у московского руководства «побольше Номоканонов и книжиц о вечности церкви» (6).

Очевидно, подобные действия, противоречащие организационным принципам белокриницкого согласия – конфессиональной системы с оформленной структурой и единым центром, превращали томско-чулымский скит в маргинала. Следствием стали его перманентные конфликты с руководством, один из которых как раз был вызван несовпадением мнений в «книжном вопросе». Его суть: в 1887 г. сибирский епископ Мефодий запретил скитникам читать Минеи «единоверческой печати», мотивируя тем, что такие книги «следует держать только для справок». Скитники, не имевшие, видимо, других изданий текста, начинают искать защиты в Москве, у архиепископа Савватия, и ссылаются при этом на опыт христианского иночества – «по обычаю в прежних монастырях на трапезе читали жития святых», «если не будем знать жития, кому будем подражать в добродетели». Хотя Савватий нашел практику «непогрешительной», Мефодий был непреклонен. Скитники, как это и предусматривает церковный устав, выполнили предписание «своего» епископа, но тема свободного выбора книги их волновать не перестала, и игумен скита Феофилакт позднее выступит с призывом к ее публичному обсуждению (7).

Попытка провалилась – Феофилакту так и не удалось убедить сибирских поповцев в его необходимости, но сама инициатива показывает: составы старообрядческих собраний, равно как и конфессиональные стратегии, вырабатываемые староверием, далеко не всегда отвечают исследовательским представлениям об «умеренности» или «радикальности» согласий. Вероятно, в данном случае уместна аналогия с русскими средневековыми монастырями – все они, оставаясь православными, тем не менее, обнаруживали серьезные расхождения в подходах к отбору книг, что определялось самыми разнообразными факторами – близостью или удаленностью от городских центров, социальным происхождением братии, идеологической и финансовой политикой руководства и т.д. (8).

Следовательно, при реконструкции связи «книжное собрание ↔ владелец» речь должна идти о механизмах, благодаря которым некоторая совокупность книг становится для старообрядческих коллективов источником формирования жизненно необходимых им социальных практик. Староверие – это, прежде всего, религиозная общность, поэтому отправной точкой дальнейших рассуждений станут тексты, обеспечивающие ритуал в храмовом или так называемом домашнем варианте. Причем если присутствие 12-томной старопечатной Минеи – книги, по которой службу следовало вести в храме и обязательно священнику (9) – у поповцев-белокриницких выглядит естественным, то потребность в ней странников и поморцев предполагает комментарии.

Эти согласия, несмотря на общую принадлежность к беспоповской ветви староверия, коренным образом различаются в догматике. Так, наличие в страннической библиотеке книг для храмовой литургии все же объяснимо: их учение о побеге из мира, где правит антихрист, предполагало создание «чувственной пустыни» – христианской церкви «последних времен», предсказанной в Апокалипсисе. Однако в отношении поморцев, признающих утрату «истинного священства», но не настаивающих на физическом разрыве с «никонианством», ситуация не выглядит столь однозначной.

Попутно отметим, что присутствие в известной нам части собрания Нифантовых лишь январского и июньского томов старопечатной Минеи само по себе не имеет значения: остальные книги при конфискации могли быть утрачены. Более существенным являются датировка и история бытования еще одной входившей в него книги для храмовой службы – рукописного Октоиха последней четверти XVIII столетия. Его полистная реставрация не менее красноречиво, чем владельческая запись о передаче «для молитвенного Дома поморского согласия на богослужение» (10), говорит об использовании по прямому назначению и ставит вопрос – почему поморцы – умеренное по своим характеристикам согласие – действуют в той же логике, что и радикалы-странники.

Вероятно, ответ следует искать как раз в последней четверти XVIII столетия. Известно, что эпоха Екатерины II стала для староверия временем

проверки на прочность: либерализация конфессиональной политики и оживление торгово-экономической активности в стране поставили под сомнение главный постулат движения о скорой гибели мира. Идеологический кризис вряд ли мог разрешиться традиционными методами – размежеванием умеренных и радикалов и дроблением эсхатологической доктрины. Культурная ситуация modern требовала выработки иных, неизвестных православию периода Средневековья технологий самосохранения, которые позволили бы религиозной оппозиции выдерживать натиск модернизационных процессов и объяснять потенциальной аудитории правомерность идейного и материального обособления согласий и толков.

Ими можно считать, во-первых, обоснование конструктивного, нацеленного на адаптацию, отношения к «никонианскому миру», фундамент которого составил тезис о деятельной вере – залоге спасения человеческих душ и «древлего благочестия» (11). Во-вторых, наращивание «идентификационной программы» – дополнение ее социокультурного блока (носитель истинной веры – страдалец, мученик, борец) политическим (носитель знания о происходящем и, значит, истинной власти).

Переплетение конфессионального и политического решило несколько взаимосвязанных задач.

Каждому из течений оно дало основание позиционировать себя наследником утраченной в государственном масштабе православной царственности и настаивать на связи между собственным существованием и концом земной истории (12). Самостоятельный выбор формы богослужения и перечня необходимых для этого книг был закономерным следствием ментальных изменений, пожалуй, с одной лишь разницей – для странников он означал правильно устроенную «чувственную пустынь» для своих, а для поморских – нахождение средств воздействия на пока еще чужих.

Соответственно, появление Нифантовых в Сибири вряд ли было частной, семейной инициативой. Это косвенно подтверждают материалы уголовного дела 1892 г. по обвинению их в «распространении раскола», где братья фигурируют как мещане Нарыма – самого северного города Томской губернии (13). «Прописка» вдали от реального места жительства (14) и переход в сословную группу, члены которой по роду занятий могли, не вызывая подозрений, ездить по селам, показывают, что это недешевое и требующее связей мероприятие финансировалось корпорацией – поморским соглашением в целом или его «сибирским филиалом». (Аналогичным образом поступали томско-чулымские белокриницкие: их перепиской отражены факты покупки документов в населенных пунктах, «где их никто не знает» (15)).

Причины заинтересованности в беспрепятственном передвижении по территории региона «известнейших начетчиков», «сильных столпов старообрядчества» Нифантовых (16) скрыты в особенностях концепции спасения «древлего благочестия», принятой поморцами. Она, базирующаяся на теории духовного антихриста и потому ограничивающая его действия вероис-

поведной сферой, не настаивала на разрыве всех связей с иноверием, зато предполагала активное миссионерство и увеличение числа последователей. Какая роль в реализации этой программы отводилась кириллической книге, в том числе находившейся в составе рассматриваемого нами собрания?

Прежде всего, с ее помощью строилась более или менее полноценная православная жизнь сибирской деревни, практически не обеспеченной храмами и церковным клиром. Не удивительно и не случайно, что Нифантовы, умевшие крестить, венчать и отпевать, оказывались жизненно важными для нее, потому и уголовное дело, возбужденное против них в 1892 г., рассыпалось – 10 свидетелей разного пола, возраста и даже вероисповедания единодушно отказались свидетельствовать против братьев.

Кириллическая книга – древняя и новая, рукописная и старопечатная – служила Нифантовым еще и необходимым материалом для полемики с господствующей церковью. Томский профессор богословия Д.Н. Беликов писал, что они непременно появлялись там, «где расколу приходилось вступать в борьбу с православием на почве теоретических книжных рассуждений» (17). Характерные пометы и маргиналии А. Нифантова убеждают – делали они это, обращаясь как к старопечатной «Книге о вере», так и синодальным изданиям трудов Иоанна Златоуста и Василия Великого.

Отмеченные функции кириллической книжности в повседневной и идеологической жизни староверия достаточно хорошо изучены, но вряд ли смысл перевоза библиотек на новое место исчерпывался лишь ими. К такому выводу приводит сопоставление старообрядческих «книжных миграций» с наблюдениями Н.В. Синициной над текстами XVI столетия о перемещении «греческих книг». Происхождение этого литературного сюжета ею предложено связывать с позднесредневековой теорией translation, существовавшей в двух вариантах: в одном речь шла о «движении» политических центров, в другом – о translation studii, распространении культурного наследия и реальных культурных ценностей (18).

Представляется, что для староверия, лишившего официальные структуры права считаться истинной (православной, царской) властью и заявившего о себе как о новом носителе управленческих полномочий, – они объединялись (19). Этим продиктовано стремление Нифантовых иметь в распоряжении раритеты – например, Степенную книгу царского родословия в списке XVI в. (20), равно и присутствие в библиотеке странников рукописей сопоставимого значения – Пролога конца XV в. и Паренесиса Ефрема Сирина середины XVI в. Обладание древними книгами и иконами, таким образом, становилось не только знаком верности идеалам дониконовской Руси, но и способом завоевания авторитета у народной аудитории.

В то же время сравнение четких текстов странников и поморцев делает наглядной разницу в их стратегиях самосохранения, и своего рода лакмусовой бумажкой здесь является печатная продукция Синода. Если в небольшом собрании Нифантовых находятся три такие книги – упомянутые уже

труды Василия Великого, Иоанна Златоуста (обе 1787 г.) и Библия (1762 г.), то в «скитской библиотеке» подобные издания отсутствуют вовсе. Условно к ним могут быть отнесены две киевские перепечатки – «Беседы на Книгу Бытия» Иоанна Златоуста (1773 г.) и «Книги житий святых» ростовского митрополита Димитрия (1764 г.). Однако выход их в свет за пределами российских столиц и наличие в собрании странников еще двух томов этого житийного сборника, но уже переизданного в 1915 г. типографией Преображенского кладбища, видимо, определили относительно лояльное отношение к ним. Относительное – потому, что все эти книги, по мнению пустынножителей, нельзя держать в келье.

Жесткая цензура едва ли была случайностью. В процессе общения со скитниками неоднократно приходилось слышать рассказы о «не наших» или «ругающих нас» книгах, отправленных в печь. Подобная разборчивость объясняется именно несходством реагирования на процессы культурной интеграции в согласиях, формально принадлежащих к одному направлению – беспоповству.

Странникам важно удержать дистанцию между своими поселениями и сельской округой, и потому прагматические соображения конспирации тесно переплетаются с эсхатологической концепцией согласия: чтобы соблюсти чистоту «пустыни», от ее обитателей требуется минимизировать контакты. Еще в 1830-е гг. скитникам было достаточно это правило распространить на людей, но уже к концу XIX в. оно дополняется целенаправленным ограничением информационных потоков.

В сущности строгость в отборе книжной продукции и есть самый простой способ нивелирования растущего влияния извне, доступный конфессии-изоляту Нового и Новейшего времени: он помогал небольшому и ограниченному в ресурсах коллективу нелегалов не утратить целостность и одновременно создал эффект обладания сакральным знанием. Закономерно, что с конца столетия все споры в таежной общине будут сводиться к обсуждению – какой должна быть книга, чтобы ее свидетельство принять а ргіогі.

Конфессиональная стратегия поморцев, напротив, предполагала расширение и упрочение собственной социальной сети и, прежде всего, за счет обученных единоверцев. Поэтому не менее закономерны тайное устройство Нифантовыми на своей заимке школы (21) и присутствие в их собрании синодальной Библии.

Сравнение конфессиональных стратегий сибирских староверов позволяет увидеть, что составы их библиотек – «идейные фундаменты» поведенческих практик – зависимы от экономических, миграционных, социальных и прочих реалий не менее чем от вероучений. Не исключено, именно региональная специфика определяет *структурное сходство* книжных собраний староверов, осевших на одной территории. Составы рассматриваемых страннического и поморского собраний свидетельствуют о том, что общность выражается даже арифметически – в соотношении групп текстов.

В обеих коллекциях количество служебных книг явно превышает уставные. Малый, удобный в обиходе формат вторых и возможность использования первых для храмового богослужения говорят о претензии владельцев на право формировать жизненную среду в «автономном режиме». А разнообразие четых – агиографических, историко-полемических, веро- и нравоучительных – показывает степень их готовности контролировать и регулировать этот процесс (22).

В то же время очевидно, что все *содержательные, текстовые отличия* книжных собраний задает догматика. Это обстоятельство, казалось бы, прямо указывает на то, что четкость границ отдельных сообществ будет определяться устойчивостью и связностью положений вероучений. Однако сегодня в условиях растущих интеграционных процессов и естественного сокращения числа людей, способных создавать историко-эсхатологические конструкции в традициях своих согласий, появляется сомнение – может ли некоторый набор книг стать фактором воспроизводства старообрядческого сообщества, «помогая» ему сохранить (выработать) непротиворечивую и жизнеспособную конфессиональную стратегию?

Надежность выводов в данном случае, на наш взгляд, обеспечивает исследование книжных собраний, чьи владельцы *не были* объединены доктриной. Именно признаком «безотчетливости» (термин В.А. Липинской (23)) обладала община, сложившаяся в Нарымском крае из представителей разных старообрядческих согласий и их потомков. Ее образование в слабо освоенном русскими в конце XIX в. бассейне р. Кеть вызвано растущим воздействием модернизации на крестьянское хозяйство (24) и, как следствие, всплеском эсхатологических настроений. Последний раз группа серьезно пополнилась в годы Гражданской войны и коллективизации, но ресурса явно было недостаточно и, постепенно сокращая численность, она исчезла в 1980-е гг. Восстановленная сегодня часть ее собрания представляет собой 119 рукописей XVI–XX вв., из них 64 – на бересте (25).

Прежде всего, обращает на себя внимание отсутствие книг для храмовой литургии и схожесть с собраниями староверов-беспоповцев по количественному соотношению служебных, уставных и четых текстов (24% – 3% – 73%). Евангелие апракос, Псалтыри, небольшие отрывки Требника, Часослова и Месяцеслова, несколько переписанных молитв и канонов – это весь перечень служебных текстов, принадлежавших нарымским «безотчетливым». Видимо, он и не может быть иным у сообщества, не претендующего на роль рукоположенного священства и потому предпочитающего руководствоваться нормами не церковного, а обычного права. В этом кроется причина еще более скромного по сравнению со странниками и поморцами числа уставных текстов (небольшие выписки из Кормчей, Устав о литии за умерших).

В то же время по характеру четых текстов – перед нами типичная народная библиотека XIX в. с достаточно стандартным набором «душеполезных» житий (не старообрядческих!) и нравоучений из Патерика, Пролога, Звезды Пресвет-

лой и Великого зеркала. На этом фоне отсутствие историко-эсхатологических сочинений, по которым возможно было бы отнесение сообщества к какому-либо согласию или толку (26), выглядит скорее нормой, чем аномалией.

Особенности состава собрания нарымских «безотчетливых» позволяют сделать несколько заключений о религиозных и повседневных практиках коллектива, не имеющего консолидирующей доктрины и помощи извне.

Сложно сказать, что далось ему труднее – обработка таежной земли мотыгой или убежденность в необходимости собственной изоляции. Очевидно, логику размышлений здесь определило мировосприятие крестьянина-книжника, нетвердо знающего священную историю и правила экзегезы, но уверенного в том, что его община осталась одним из немногих оплотов истинной веры. На наш взгляд, именно представлениями о собственном мессианстве и избранничестве обусловлены сохранение «безотчетливыми» славянской традиции домостроительства в нарымской тайге и их попытка воссоздать православную повседневность без икон.

В полевых дневниках археографической экспедиции Томского университета сохранилось описание жизненного уклада этих поселений, сделанное со слов охотника К.А. Россомахина. Так, например, выглядели их жилища в 1950-е гг.: «Пятистенный срубленный дом “окраской” (т.е. с покрашенным полом; краска готовилась из речного ила, смешанного с кедровым маслом. – Е.Д.). В доме была русская печь и своего рода камин, служивший для освещения комнаты. Дом состоял из прихожей, комнаты и молельни». Ему запомнилось большое количество книг и удивила замена икон крестами («все было в крестах»). И далее приведем слова К.А. Россомахина: «Обычай у них был, как у всех кержаков, для гостей – отдельная посуда. Гостям варили отдельно с солью, которую давали промысловики. Себе же готовили без нее, пекли хлеб, варили кашу, заправляя ее кедровым маслом, из овощей делали патоку. Посуда – деревянная, глиняная, много берестяной, котлы – из красной меди, были чугуны. Старухи ходили в черных длинных сарафанах, молодые женщины в кофтах и юбках. Одежда была льняная, крашеная, краску делали сами из речного ила. Спали на полу на дерюгах. Крестились двумя перстами, денег не брали, жили без паспортов, вели свое летоисчисление» (27).

Добавим к этой картине воспоминания последней из жительниц таежных поселений В.И. Тиуновой о том, что пришедшие сюда семьи подчинялись требованиям монастырского устава, и супруги жили отдельно. Принимая во внимание внушительный массив переписанных ими патериковых текстов, это можно оценить как крестьянский способ консолидации разрозненного в конфессиональном отношении коллектива. Во всяком случае, аналогичный метод компенсации религиозного единства использовался в скитах Алтая (28).

Такого рода коллективы не стремятся «ускорить события» и стать церковью институционально, но готовы учиться правильному исполнению ри-

туала и освященному традицией миропониманию. Поэтому, в частности, нарымские «безотчетливые» имели в распоряжении азбуки (кириллическую и певческую) и переписали на бересте отрывки из Евангелий о рождении и последних днях земной жизни Христа (29). Тиражирование ими Месяцеслова, лунного календаря, рождественской молитвы, поучений о Великом посте указывает на особенности таежной жизни – сложность общения зимой и ранней весной, а Устав о литии за умерших и хозяйственные записи – на то, что община растет, ее быт упорядочен и в анналах уже есть события, которые могут быть названы коллективной биографией.

Однако главным источником сведений о конфессиональных стратегиях выступают дневники таежных насельников (30). И здесь не менее информативным, чем прямое содержание, оказываются принцип построения и внешний вид текстов. О том, что они выходят за пределы собственно бытописания, говорит, во-первых, использование в их оформлении заставок и концовок – рисунков, применяемых обычно для членения религиозного текста; во-вторых, разделение сфер: конфессиональное в них пишется полууставом, а личное, интимное – гражданской скорописью (31). В результате перечисление повседневных забот «от Пасхи до Пасхи» становится фиксацией необходимых крестьянину сведений о погодных явлениях и вместе с тем рассказом о способах выживания малым числом христиан в «последние времена».

Возможность обращения к кириллице, обусловленная народной практикой освоения новой земли с христианской книгой (32) и привычка к чтению и письму, сформированная старообрядческим воспитанием, позволила этому сообществу почти столетие существовать в режиме изоляции и, даже контактируя с местными сибирскими народами, не утратить принадлежности к православной культуре. Его история особенно показательна на фоне многочисленных групп русских колонистов (33), также живших вне приходской общины, но, как можно предположить, не имевших навыка самостоятельной работы с кириллическим текстом и потому быстро растерявших этноконфессиональную специфику.

Способ самосохранения, интуитивно найденный нарымскими «безотчетливыми», позволяет приблизиться к пониманию механизмов, с помощью которых совокупность книг становится источником формирования конфессиональной стратегии старообрядческого сообщества. Видимо, в данном случае речь следует вести о двух уровнях содержащейся в кириллических собраниях историко-культурной информации: текстовой (прямой) и мега-текстовой (структурной). Иными словами – о конкретном литургическом, уставном или четьем *тексте*, помогающем его обладателю совершить богослужение, организовать повседневность или получить представление о границе между «своим» и «чужим»; и *мега-тексте* – собрании книг, складывавшемся в течение долгого времени и в ходе большей частью целенаправленных усилий.

Разработки последних десятилетий в области «истории памяти», истории чтения и семиотики (34) дают основания говорить об их функциональной разнице. Так, информация, извлеченная из отдельных текстов, служит для воспроизводства обыденного опыта группы и диагностирования ситуаций, когда его коррекция неизбежна. Сведения же, которые несет в себе собрание в целом, имеют системный характер. Их объемы и качество существенно превосходят информационный ресурс разрозненных элементов-книг, поскольку сопровождаются рефлексией по поводу приемов оформления, хранения и чтения отличающихся по «степени сакральности» текстов. Тем самым происходит межпоколенная трансляция не только императивов и ценностей, но и оценок происходящего в русле определенной старообрядческой традиции. В итоге даже простое хранение «правильной» книги или бытовое письмо полууставом начинают выполнять задачу конструирования конфессиональной идентичности и соответствующих ей поведенческих образцов и практик.

Очевидно, что в использовании этих, условно говоря, сверхнормативных свойств собраний следует видеть интеллектуальные процедуры, позволяющие воспитанному в книжной культуре человеку оставаться в рамках привычных норм, рисков и ожиданий. Главная из них – расширение функций кириллицы, когда она становится одновременно языком ритуала, упорядочивающим внутренние взаимодействия старообрядческих коллективов, формой приобщения к идейной традиции и способом введения в повседневность абстрактных мировоззренческих понятий.

В момент встречи с «иным» именно это давало староверию XX в. шанс не стать заложником простых, потребительских реакций и ситуативных ценностей, а создавать гибкие и сложные виды регуляции поведения и включаться в социальные связи культурно чуждого им мира. Видимо, и сегодня от умения моделировать с помощью кириллического текста познавательный и эмоциональный опыт будет зависеть, останется ли движение вопреки всем интеграционным тенденциям многоликим, а его конфессиональные стратегии – динамично развивающимися.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) О скитских поселениях томско-чулымской тайги и их собраниях подробнее см.: *Дутчак Е.Е.* Старообрядческие таежные монастыри: условия сохранения и воспроизводства социокультурной традиции (вторая половина XIX – начало XXI в.): Дисс. ... д.и.н. – Томск, 2008.
- (2) Достоверно установлено их наличие в фондах Томского областного краеведческого музея (26 ед.) и Института истории СО РАН в г. Новосибирске (1 ед.). См.: Старообрядческая «библиотека Нифантовых» (из фондов Томского областного краеведческого музея): Каталог / Сост. О.Н. Бахтина, Е.Е. Дутчак, Е.Г. Захарова. – Томск, 2005; *Панич Т.В., Титова Л.В.* Описание собрания рукописей ИИФиФ СО АН СССР. – Новосибирск, 1991. – № 1/78. – С. 181.
- (3) Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). – Ф. 246. – К. 185. – Д. 10. – Л. 54; К. 188. – Д. 4. – Л. 122–123, 124, 124 об., 127, 135 об.;

- К. 189. – Д. 5. – Л. 36; К. 191. Д. 2. – Л. 17; К. 193. – Д. 3. – Л. 12; К. 200. – Д. 5. – Л. 100; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 1431. – Оп. 1. – Д. 3963.
- (4) См.: *Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н.* Книжная культура старообрядцев и их четья литература // Культурное наследие средневековой Руси в традициях урало-сибирского старообрядчества. – Новосибирск, 1999. – С. 99–105.
- (5) См.: *Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д.* Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: проблемы творчества и общественного сознания. – М., 2002. – С. 16–28.
- (6) ОР РГБ. – Ф. 246. – К. 188. – Д. 4. – Л. 166–166 об.
- (7) Там же. – Ф. 246. – К. 193. – Д. 3. – Л. 44, 48–48 об, 68; Д. 19. – Л. 12–12 об.
- (8) О монастырских библиотеках см.: *Розов Н.Н.* Русская рукописная книга: этюды и характеристики. – Л., 1971. – С. 108–122; *Красиков А.Н.* Церковно-монастырская книжная культура Русского Севера XVI–XVII вв. в отечественной историографии // Православие в судьбе Урала и России: история и современность. – Екатеринбург, 2010. – С. 210–214.
- (9) Перечень алтарных, клиросных книг см.: *Розов Н.Н.* Книга Древней Руси (XI–XIV вв.). – М., 1977. – С. 87, 124; *Сапунов Б.В.* Книга в России в XI–XIII вв. – Л., 1978. – С. 70–71.
- (10) См.: Старообрядческая «библиотека Нифантовых»... – С. 28.
- (11) См. об этом: *Керов В.В.* «Се человек и дело его...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. – М., 2004. – Гл. 2, 3.
- (12) Предельно четко это сделали странники: «Мир будет стоять до тех пор, пока живет хоть один странник, пусть даже самый немощный». См.: Красный Яр: аудиозапись // Архив археографической экспедиции Томского гос. ун-та (ААЭ ТГУ). – Кассета 2.
- (13) РГАДА. – Ф. 1431. – Оп. 1. – Д. 3955.
- (14) Заимка Нифантовых располагалась на границе современной Томской и Кемеровской областей.
- (15) ОР РГБ. – Ф. 246. – К. 189. – Д. 5. – Л. 195–198.
- (16) Эти характеристики см.: Миссионерское противораскольническое дело в Томской епархии в 1893–1894 гг. // Томские епархиальные ведомости (ТЕВ). – 1895. – № 17. – С. 24; Состояние раскола в Томской епархии и летопись происшедших в нем событий в 1894–1895 гг. // Там же. – 1896. – № 18. – С. 17.
- (17) *Беликов Д.Н.* Старообрядческий раскол в Томской губернии. – Томск, 1894. – С. 8.
- (18) *Синицына Н.В.* Русские тексты о судьбе «греческих книг» после падения Константинополя // Византия и Русь. – М., 1989. – С. 236–246.
- (19) Подробнее см.: *Дутчак Е.Е.* Геополитическая символика сквозь призму эсхатологии (вопросы формирования социальной основы староверия) // Общественные науки и современность. – 2010. – № 3. – С. 163–172.
- (20) По мнению Н.Н. Покровского, рукопись составлена в 1566–1568 гг., является наряду с Чудовским древнейшим списком и отражает 2-й этап создания текста Степенной книги. См.: *Покровский Н.Н.* Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые проблемы ранней истории памятника // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. – Новосибирск, 2001. – С. 3–43.
- (21) См.: Обзор деятельности I епархиального миссионерского съезда в г. Томске 10–27 августа 1898 г. // ТЕВ. – 1899. – № 4. – С. 21.
- (22) Соотношение служебных, уставных и четых текстов таково: странники – 38,3% – 5,2% – 56,5%; поморцы – 30,8% – 7,7% – 61,5%.

- (23) Здесь: осознающие себя противниками никоновских реформ, но затруднявшиеся с определением принадлежности к какому-либо согласию. См.: *Липинская В.А.* Конфессиональные группы православного населения Западной Сибири // *Этнографическое обозрение*. – 1995. – № 2. – С. 117, 126.
- (24) В их числе: 1) вмешательство государства в землепользование сибирской деревни и передача земель, ранее арендуемых у Казны и Кабинета, под казенно-оброчные статьи и переселенческие участки; 2) изменения в агротехнике, приведшие к перепроизводству зерна и картофеля в регионе; 3) неустойчивость цен, поощряющая при узости сибирского рынка торгово-ростовщический капитал в ущерб земледельческому производству. См.: *Крестьянство Сибири в эпоху капитализма*. – Новосибирск, 1983. – С. 60–72.
- (25) Собрание находится в фондах Томского областного краеведческого музея – 94 ед.; Научной библиотеке ТГУ – 13 ед.; Институте истории СО РАН – 11 ед.; Государственной научно-технической библиотеке (г. Новосибирск) – 1 ед. Об общине и ее коллекции подробнее см.: *Бахтина О.Н., Дутчак Е.Е., Есипова В.А.* Рукописи на бересте в XX веке: сакральные и социальные аспекты крестьянской литературы // *Вестник РГНФ*. – 2011. – № 3 (в печати).
- (26) Находящиеся в собрании эсхатологические сочинения – Апокалипсис, Слово Ефрема Сирина об антихристе, Видение Григория – не являются таковыми.
- (27) Колпашево // ААЭ ТГУ. – Тетр. 1. – Л. 15–16.
- (28) Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 3. – Оп. 11. – Д. 1125 («Репорты и переписка о раскольниках, проживающих в верховьях р. Убы», 1868–1872 гг.).
- (29) 2-я глава Евангелия от Луки и 26-я – от Матфея.
- (30) Публ.: *Приль Л.Н.* «Островной летописец» // Тр. Томск. гос. объедин. ист.-архитект. музея. – Томск, 1995. – Т. 8. – С. 183–222; *Мальцев А.И.* «Книга пасхальная» – берестяной старообрядческий дневник за 1956–1975 гг. // *История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв.* – Новосибирск, 1998. – С. 263–272.
- (31) Образец опубликован: *Приль Л.Н.* Аспекты старообрядческого дневника: «Божий мир» и «апостольская община» // *Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея*. – Томск, 1996. – Т. IX. – С. 154–155; лингвистический анализ текста см.: *Старикова Г.Н.* «Женские записки» старообрядческой коллекции: к проблеме единства содержания и формы текста // *Вестник Новосибирского государственного университета*. – 2011. – № 3. – С. 47–52.
- (32) См.: *Пинежская книжно-рукописная традиция XVI – начала XX в.: Опыт исследования. Источники*. – СПб., 2003. – Т. 1. – С. 7.
- (33) Примеры см.: *Сандерланд В.* Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на севере Сибири, 1890–1914 гг. // *Российская империя в зарубежной историографии*. – М., 2005. – С. 199–227.
- (34) Например: *Баткин Л.М.* Два способа изучать историю культуры // *Вопросы философии*. – 1986. – № 12. – С. 104–115; *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек–текст–семиосфера–история. – М., 1999; *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. – М., 2004; *Маршалл М.* Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего / Пер. с англ. – М., 2005; *Шартье Р.* Письменная культура и общество / Пер. с фр. – М., 2006; *История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени*. – М., 2006; и др.

**CYRILLIC BOOK COLLECTIONS AND THEIR OWNERS:
COMPARATIVE ANALYSIS
OF OLD BELIEVERS' CONFESSION STRATEGIES**

E.E. Dutchak

Department of Russian History
Tomsk State University
Lenina Str., 36, Tomsk, Russia, 634050

The article considers the book collections of the Old Believers as the source of the information about the confession strategies of their owners. The material for the research is the collections of Cyrillic books of 15–20th centuries, belonged to the different groups of the Siberian Old Believers. The analysis showed that a) the selection of the book (liturgy, regulations, reading) isn't always based on dogma, it is influenced by the social environment of the existence of the group; b) the preservation by the Old Believers the inner differences connected with the extension the functions of the Cyrillic text in the routine.

Key words: Cyrillic book, confession strategy, Old Believers, book collections of the Old Believers, functions of the confession book.

МЕЖДУ ВЕРОЙ И ВЛАСТЬЮ: ЖЕНСКАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ В ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ*

М.В. Каиль

Кафедра истории России
Смоленский государственный университет
ул. Пржевальского, 4, Смоленск, Россия, 214000

В статье анализируются общественно-политические условия и социальные реалии, повлиявшие на эволюцию форм женской религиозности в постреволюционной российской провинции (на примере Смоленщины), конкретные практики исповедания веры, специфика самоидентификации православных верующих. Взаимоотношения со светской властью выступают основным фактором влияния на эволюцию женской религиозности, определяя ее формы и конкретные проявления.

Ключевые слова: православие, провинция, женская религиозность, религиозные практики, репрессии.

Положение православной женщины в первые послереволюционные годы имело свои особенности. Революционное время способствовало деформации традиционной женской религиозности. Ее широкое распространение признавалось большевиками в качестве серьезной проблемы, но рассматривалось с известной долей снисходительности – как проявление культурной отсталости и забитости женщин. В то же самое время верующий мужчина считался «опасным религиозником».

После окончания Гражданской войны, и особенно в ходе антицерковных судебных процессов 1922 г., сформировались условия, делающие социальный и связанный с ним нравственный выбор неизбежным. Очевиден и круг имевшихся альтернатив: открытое следование вере и неприятие новых норм жизни; приспособление в той или иной форме, позволявшее одновременно вписаться в советскую действительность и в тайне сохранить веру; отказ от религии и религиозной морали.

Опыт женского подвижничества в первые постреволюционные годы стал предметом изучения отечественных и иностранных ученых, которые в той или иной степени осветили или обратили внимание на изучение проблем, которые почти не затрагивались советской историографией (1). Пер-

* Статья подготовлена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по направлению «Исторические науки». Мероприятие 1.1. Проект: «Модернизационные процессы в развитии российской провинции 1920–1930-х гг. (теоретические проблемы, пути и практика изучения)».

спективным представляется расширение источниковой базы данной тематики, включая и привлечение региональных материалов.

Принято считать, что наиболее последовательными защитницами православных ценностей были монахини. В Смоленской епархии к 1917 г. насчитывалось 4 женских монастыря и 2 общины (2). Женщины преобладали среди монашествующих (164 из 299) и среди «белецов» – лиц, выполнявших послушания, но не принявших постриг (488 из 639) (3).

Одним из первых судебных процессов в Смоленской губернии оказалось весьма показательное «дело монахинь Вознесенского монастыря» (лето 1918 г.) К суду ревтрибунала они были привлечены за попытку сокрытия монастырского имущества от реквизиции. Процесс одновременно носил пропагандистский, антирелигиозный характер. На страницах смоленских «Известий» появилась серия репортажей из зала суда, выдержанных в духе очернительства церкви и верующих: «Монастырь – гнездо сплетни и зависти – это притон затаившихся черных воронов...» (4).

Один из свидетелей по делу «указывал на тот факт, что по взглядам и политической жизни вся обитель разделилась на два враждебных друг другу лагеря: приверженцев старой администрации и нового течения – перевыборов административного правления на началах равного, прямого и тайного голосования...» (5). В действительности в монастыре существовал вполне реальный конфликт, расколовший его обитателей на два лагеря. Советская печать лишь представила конфликт сообразно духу времени. Обличительный пафос обвинения монашеству звучал и в последнем слове гособвинителя на суде: «А разве это должно быть так, разве место, куда пришли спасаться люди, должно быть местом преступлений? Во внезапном исчезновении игуменьи (не явилась на суд. – *М.К.*) обвинитель видит стыд и трусость представителей умирающего буржуазного строя» (6).

По итогам разбирательства лишь в отношении игуменьи, казначеи и письмоводительницы, признанных виновными «в попустительстве хищения хозяйства монастыря», было вынесено судебное предписание об удалении их из общин епархии (7). Это дело выявило наличие раскола в, казалось бы, наиболее консервативном и устойчивом женском сообществе – монастырской общине. Причем, как видно из источников, раскол этот произошел в связи с вопросом об отношении к новой власти.

Как показал дальнейший ход событий, определенный выбор позволил конформистски настроенной части общины не только уцелеть, но и динамично развиваться на протяжении нескольких лет (8). Возможно, сам конфликт в общине был связан с отголосками «церковной революции» весны 1917 г., когда наболевшие проблемы внутрицерковной жизни выплеснулись в общество, а попытки их непоследовательного сиюминутного решения обернулись изгнанием ряда епархиальных архиереев, управляющих монастырей, способствовали распространению внутрицерковных распрей и конф-

ликтов как за монастырскими стенами, так и в православных приходских общинах (9).

Вознесенский приход Смоленска, возникший после официального закрытия монастыря весной 1918 г., по своему составу являлся в полном смысле слова «женским». Параллельно была образована Вознесенская трудовая коммуна, которую возглавила монахиня, не входившая в состав прежней монастырской администрации и отныне именовавшая себя светским именем – Агния Карнеева. Тогда же возник и приход Вознесенского храма, где был сформирован «светский» приходской совет (председатель В. Сысов). Особую роль в его работе играла занимавшая скромную должность секретаря Александра Филипповна Шмидт. Подробное изучение деятельности этого прихода позволяет получить уникальные сведения о практиках взаимоотношений с властью верующих женщин из разных слоев православного сообщества в ранний постреволюционный период.

В 1918 г. отношения двух частей прежде единого монастыря были обостренными, даже конфликтными. Однако затем состоялось примирение. Основой для него послужила необходимость выработки единой позиции в отношении требований светской власти. На каком-то этапе верующие согласовали общую стратегию, позволявшую, приспособившись к условиям разрешенной законом деятельности, по сути, сохранить уклад прежней монастырской жизни. При этом, в соответствии с духом времени, женщины не собирались изолироваться от светского мира. Характерно, что как монахини из правления трудовой коммуны, так и прихожанки городского прихода занимали активную общественную позицию, поддерживая многие мероприятия советской власти.

Уже в 1918 г. коммуне удалось получить большое имение в с. Вишенки близ Смоленска. Эти земли стали основой для создания крупного хозяйства – там были организованы пошивочные мастерские, работавшие на нужды Красной Армии. Здесь же возникли лазарет, больница и детский приют (10). При этом монастырские кельи были превращены на правах аренды в квартиры для коммунарок, вскоре прозванных местными жителями «коммунистками» (11). На территории бывшего монастырского комплекса располагалась и богадельня, в которой проживало около 30 пожилых женщин, в основном вдовых или престарелых монахинь (12). Формально приходской Вознесенский храм был передан общине, и создавалась иллюзия, будто коммуна и приход разобщены, что полностью соответствовало букве советских законов.

В 1920 г. окрепшая коммуна обратилась в Смоленский губисполком с проектом масштабной модернизации своего хозяйства, для чего она просила вернуть ряд объектов недвижимости, до революции принадлежавших Вознесенскому монастырю (13). Инициативные коммунарки – они же монахини – готовы были взять на себя ответственность за создание больницы, детского сада, аптеки, гостиниц и других объектов социальной инфраструктуры городского значения. Характерно, что в письмах коммуны «во власть» ис-

пользовалась не религиозная, а типичная советская риторика: «Трудовая Коммуна полагает, что она, являясь также государственным установлением, проводящим в жизнь великий, новый закон социалистического строительства, должна быть поставлена в такое положение, при котором не могут быть нарушены ее интерес и планомерность работы» (14). Для укрепления своих позиций авторы подобного обращения публично отрекались от своего монашеского прошлого: «Трудовая Коммуна считает себя обязанною присовокупить, что она является совершенно самостоятельным учреждением, вне всякой связи с монастырем, ибо не все бывшие монахини женского монастыря состоят ею членами, причем сам женский монастырь обращен в приходский храм, и коммунарки пользуются здесь только своими квартирами, не имея никакого влияния на течение приходской жизни» (15).

Однако подобные заявления о лояльности власти и хорошо известная среди местного населения активная общественная позиция их авторов, соответствующая духу времени, причудливым образом сочетались с сохранявшимся миром религиозных ценностей вчерашних православных монахинь.

К 1922–1923 гг. приходская община и коммуна настолько сблизились, что «председательница» коммуны одновременно входила в состав приходского совета. Сообща решались и все важные вопросы. Так, столкнувшись с притязаниями властей на передачу в городской жилой фонд одной из церквей монастырского комплекса – храма Ахтырской Божией Матери – приходской совет пошел на хитрость: пользуясь юридической автономностью дружественной коммуны, он попросил власти передать храм именно ей (16). Однако стремление смоленских монахинь побыстрее «встроиться» в новую жизнь обернулись критикой их позиции со стороны церковных ортодоксов, не признававших компромисса с «богоборцами».

Возникает вопрос, насколько характерным было отсутствие в религиозной среде единой позиции в отношении новой власти в ранний постреволюционный период? Вероятно, многое зависело еще и от конкретной ситуации, а также от поведения самих представителей советской власти. Вот еще один эпизод, произошедший в марте 1918 г. уже среди религиозных женщин – работниц крупнейшей губернской фабрики Прохорова (ст. Ярцево). Возмущенные действиями одного из реквизиционных отрядов, сотни работниц вышли на улицу и заявили, «...что Церковь и духовенство они тронуть не дадут, а раздерут солдат на клочки». Доведя комиссара своим единодушным напором буквально до истерики (сообщалось, что «он рыдал перед бабами»), «женщины пошли в церковь и отслужили благодарственный молебен» (17). Практика защиты православных святынь и духовенства «женским живым щитом» (нередко с грудными детьми на руках) прочно и повсеместно (в том числе и в соответствии с решениями высшей церковной администрации) (18) вошла в практику разрешения конфликтных ситуаций с властями.

Обратимся к специфике поведения женщин в стрессовых условиях судебного преследования по религиозным мотивам в начале 1920-х гг. Источ-

ники свидетельствуют, что женщины-верующие в целом реже, чем мужчины, шли на соглашения с властью; их поведенческие практики более индивидуализированы, они проявляли себя в большей мере как жертвенные фанатичные исповедники своей веры.

Так, в материалах следственного дела «Соборного братства» (о сопротивлении изъятию церковных ценностей в Смоленске 1922 г.) сохранились источники, характеризующие специфику религиозности женщин, их образ мира, социальные ориентации и проч.

У задержанной на пороге канцелярии епископа уже упоминавшейся выше Александры Шмидт – секретаря Вознесенской общины – была изъята подготовленная для печати в советской газете статья, выражающая крайнюю антиепископскую позицию общины (вероятно, в тот период епископ пытался вернуть приход представителям старой монастырской администрации, что и встретило противодействие) (19). На допросе у следователя А. Шмидт охотно припоминала имена, места и обстоятельства встреч. Она не могла не отдавать отчет в том, что вовлекает в судебный процесс широкий круг православных, своих собратьев по вере. Выбор в пользу советских, по сути, практик законопослушания, позволяющий легализовать индивидуальную и общинную православную жизнь, в этих действиях очевиден. Но и при этом не могут не поражать средства борьбы прихожанок с епископом. Механизм назначения новой настоятельницы в статье, изъятой у Шмидт, описан в следующих выражениях: «Епископ постричь не прочь, хотя парикмахер неважный. Без канцелярской волокиты с этой целью состоялась архиерейская служба... только здесь запал прошел зря, ввиду протеста местных прихожан» (20).

Тогда же, в ходе следствия по делу об изъятии церковных ценностей, была выявлена псевдоконтрреволюционная переписка с епископом семьи Авдеевских, глава которой, Гавриил, якобы искал священнического места в Смоленске. Вместе с мужем была арестована жена Мария, допрошены их несовершеннолетние дети. С первых дней заключения Мария, беспокоясь о своей 14-летней дочери, оставшейся без присмотра, просила «ускорить рассмотрение дела» или освободить ее под подписку (21). Но при этом даже страх за ребенка не мог заставить ее отказаться от веры или изворачиваться на допросах. На сей раз власти разобрались: спустя месяц Мария была освобождена, не был осужден и ее муж.

Отметим, что немало православных женщин оказалось на скамье подсудимых в 1922 г. потому, что именно на них были сознательно возложены обязанности по защите церковных ценностей от действий комиссий по их изъятию (22). Самоотверженные действия активисток религиозных общин квалифицировались на суде как следствие их «темноты и невежества», что предполагало снисхождение и минимальные сроки наказания за сопротивление. Так, В. И. Сокольская, работавшая в детском приюте, была осуждена на 3 года условно «с привлечением к обучению неграмотных в домах заключения» (23).

Капитуляция перед властью и полное неприятие ее политики – крайности, которые отнюдь не исчерпывают модели поведения православных женщин, попавших под пресс советской репрессивной системы. Официальная же печать сделала одним из символов процесса «смоленских церковников», проходившего в августе 1922 г., подсудимую Евдокию Васильеву. Она была представлена общественности так: «В процессе церковников совершенно особое место занимала подсудимая Евдокия Васильева, принадлежащая к группе запершихся в соборе женщин. Среди этой серой кучки она по развитию едва ли сколько выделялась. Но, по-видимому, процесс оставил в ней глубокий след» (24). Она выступила перед трибуналом, заявив, что «хоронит свое прошлое». Позднее в ее уста были вложены гораздо более громкие заявления: «Вот заря нового христианства! Представители Советской власти являются правдивыми исполнителями воли Христовой, они ведут нас к самоотверженной жизни» (25).

То, как складывалась судьба женщин из различных слоев православного сообщества российской провинции первых постреволюционных лет, и как менялось их отношение к вере и власти, хорошо характеризуют их письма «во власть», а также в адрес местной и центральной церковной администрации.

Большинство таких писем аккумулировались Смоленским епархиальным советом. Единственными женщинами-корреспондентами этого Совета, так сказать, по долгу службы, были настоятельницы монастырей. Как и православные пастыри, они информировали епархиальную власть о случаях нападения на вверенную в их управление обитель.

Обстановка Гражданской войны оборачивалась для некоторых общин трагедией. Так, по решению администрации г. Вязьмы в одночасье был закрыт крупнейший в городе Аркадиевский женский монастырь. Его настоятельница сообщала: «Мною получено постановление Вяземского исполнительного комитета, которым муниципальному отделу поручается в 4-дневный срок все помещения Аркадиевского монастыря освободить и монахинь выселить... Во исполнение этого постановления сестры вверенного мне монастыря выселяются из монастырских помещений – часть к родным, а часть расселилась в городе по квартирам» (26).

Как видим, эта ситуация далека от «идиллии», сложившейся в это время в Вознесенской обители Смоленска. В большинстве случаев именно такие изгнанные из монастырей монахини и создавали катакомбные (тайные) монастыри (27).

Столь же беззащитны перед действиями властей были и жены священников. Некоторые из таких женщин, потерявших своих мужей, сами были вынуждены искать пути спасения. Так, вдова сельского священника Николая Добромыслова испрашивала у епископа разрешения на перевод родного дяди в приход покойного мужа – это было единственное средство обеспечить традиционно многочисленное священническое потомство (в данном случае детей было шестеро) (28). Ее дело решалось «синодальным порядком» –

долго и не без издержек церковной бюрократии. Исход нам неизвестен, но ясно, что положение других вдов было не лучшим. Напряженные отношения священников с сельским миром практически не оставляли надежд на помощь со стороны приходской общины. При этом в довольно плачевных условиях (из-за репрессий в отношении клириков, от ареста до расстрела, а также военной мобилизации) оказалась примерно пятая часть всех священнических семей. Решать эту проблему эффективно епархиальные власти не могли. Способствовало ли такое положение дел укреплению женской веры? Едва ли.

Обращаясь к проблеме эволюции женской религиозности в постреволюционных условиях, нельзя обойти вниманием проблему внутрицерковного статуса православной женщины той поры. Вопреки широким общественным дискуссиям «церковной весны» 1917 г., выдвижению ряда смелых идей (вплоть до возможности учреждения женского клира), положение женщины оставалось патриархально-приниженным. Как и прежде, женщины были фактически отстранены от епархиального управления (их влияние ограничивалось приходским советом – как в случае Вознесенской общины Смоленска). В составе служащих епархиального совета женщины были представлены весьма скромно – 4 из 17 сотрудников (29). При этом занимали они самые младшие (и низкооплачиваемые) должности переписчиц. Женщина была фактически лишена возможности занять статусную должность церковного старосты, председателя приходского совета.

Безусловно, данный драматичный этап в истории православной церкви сопровождался и явлениями жертвенности, побуждал к единению близких по духу людей. Вслед за процессом лета 1922 г. на Смоленщине возникло «дело епископа Филиппа» – правящего епископа Смоленского и Дорогобужского Филиппа (Ставицкого). В материалах следственного дела содержится личная переписка пастыря с верующими женщинами (30).

Епископу в числе прочих писала его давняя знакомая – настоятельница крупного монастыря в Самарской епархии, поведавшая о своих «страданиях» от наветов регентши монастырского хора. «Хорошо сделала, что не устрашилась ничего, и даже военная власть очень внимательно ко мне отнеслась, – писала настоятельница, – а свои сестры довели до тюрьмы... был спрятан хлеб, а я всю вину приняла одна на себя... думала этим спасти обитель» (31). Примечательно, что и эта женщина пострадала за веру по вине своей же общины.

Таким образом, отход от веры и распространение практик приспособления происходили по разным причинам: как под угрозой насилия, так и под влиянием научно-атеистической пропаганды (особенно действенной среди молодого поколения); как по карьерным соображениям (членство в партии и проч.), так и в связи с разочарованием граждан в церкви и ее постулатах. Кто-то в сложившихся условиях действовал сугубо рационально, так как, к примеру, не желал быть изгоем и упустить возможности социального лифта,

а кто-то прекращал связи с церковью, ассоциирующейся с «проклятым, темным прошлым», в эмоциональном порыве. Не стоит сбрасывать со счетов и тот факт, что коммунизм воспринимался как «новая религия», а многие его постулаты вполне вписывались в религиозное сознание населения. Вместе с тем изученная эпоха явила характерные примеры доминирующей религиозной традиции. Ее наличие определяло как жизнеспособность института церкви, так и сохранение в советской России общих контуров системы православных ценностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См., напр.: *Леонтьева Т.Г.* Женский фактор в жизни православного прихода (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Социальная история. Ежегодник 2001/2002.* – 2004. – С. 208–209; *Кириченко О.В.* Женское православное подвижничество в России (XIX – середина XX в.): Автореф. дисс. ... к.и.н. – М., 2010. – С. 40; *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. – М., 2001. – С. 229–240; *Денисова Л.Н.* Судьба российской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт. – М., 2007. – С. 316–317; *Husband W.B.* «Godless Communists»: Atheism and Society in Soviet Russia, 1917–1932. – Northern Il., 2000. – P. 25–26, 54–59, и др.
- (2) РГИА. – Ф. 796. – Оп. 442. – Д. 2763. – Л. 10.
- (3) Там же. – Л. 10.
- (4) Известия Исполнительного комитета Советов Западной области. – 1918. – 22 августа. – С. 3.
- (5) Там же.
- (6) Там же. – 1918. – 24 августа. – С. 3.
- (7) Там же.
- (8) Подробнее см.: *Каиль М.В.* Православная церковь и верующие Смоленской епархии в годы революций и Гражданской войны, 1917–1922: государственно-церковные отношения и внутриконтрессиональные процессы. – М., 2010. – С. 128–134.
- (9) *Рогозный П.Г.* Церковная революция 1917 года. – СПб., 2008; *Каиль М.В.* «Революция в церкви»: дискуссии о церковной реформе и Смоленский епархиальный съезд духовенства и мирян 1917 г. // *Церковно-исторический вестник.* – 2007. – № 14. – С. 163–172.
- (10) ГАСО. – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 963–964.
- (11) ГАСО. – Ф. 1232. – Оп. 1. – Д. 320. – Л. 47.
- (12) Там же.
- (13) ГАСО. – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 322–322 об., 963–964.
- (14) Там же. – Л. 964.
- (15) Там же.
- (16) ГАСО. – Ф. 161. – Оп. 1. – Д. 1480. – Л. 43, 45.
- (17) Прибавления к церковным ведомостям. – 1918. – № 13–14. – С. 480.
- (18) ГАРФ. – Ф. 3431. – Оп. 1. – Д. 563. – Л. 402.
- (19) Архив Управления Федеральной службы безопасности по Смоленской области (АУФСБСО). – Арх. № 11018-с. – Л. 63–66.
- (20) Там же. – Л. 65.

- (21) Там же. – Л. 161.
(22) Там же. – Л. 57; Рабочий путь. –1922. – 1 августа. – № 169.
(23) *Каржанский Н.С.* Процесс Смоленских церковников. 1–24 августа 1922 г. – Смоленск, 2008. – С. 184.
(24) Там же. – С. 155.
(25) *Каржанский Н.* Процесс Смоленских церковников... – С. 94.
(26) ГАСО. – Ф. 1232. – Оп. 1. – Д. 132. – Л. 2.
(27) *Беглов А.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. – М., 2008. – С. 40–44, 78–90; *Wynot J.J.* Keeping the Faith. Russian Orthodox Monasticism in the Soviet Union, 1917–1939. – Texas, 2004.
(28) ГАСО. – Ф. 1232. – Оп. 1. – Д. 186. – Л. 15–15 об.
(29) Там же. – Д. 168. – Л. 29.
(30) АУФСБ СО. – Арх. № 2646–с. – Л. 58.
(31) Там же. – Л. 61.

**FEMALE RELIGIOUSNESS
IN POST-REVOLUTIONARY RUSSIAN PROVINCE:
BETWEEN BELIEF AND POWER**

M.V. Kail'

Chair of History
Smolensk State University
Przevalskogo Str., 4, Smolensk, Russia, 214000

In article political conditions and the social realities which have affected evolution of forms of female religiousness in a postrevolutionary Russian province (on an example of Smolensk region), concrete experts of confession of belief, specificity of self-identification of orthodox believers are analyzed. Mutual relations with the secular power act as a major factor of influence on evolution of female religiousness, defining its forms and concrete displays.

Key words: Orthodoxy, province, female religiousness, religious practices (experts), repressions.

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

РЕЙТИНГ УНИВЕРСИТЕТОВ: ОТ МЕХАНИЗМА МАРКЕТИНГА К ОБЪЕКТИВНОМУ РАНЖИРОВАНИЮ

И.В. Аржанова

Национальный фонд подготовки кадров Российской Федерации
ул. 1905 года, 7-1, Москва, Россия, 123022

В данной статье показано, что интернационализация за относительно короткий промежуток времени стала неперенным признаком и составляющей деятельности любого вуза и высшей школы в целом. Для отдельных стран и их региональных объединений интернационализация выступает в качестве ключевого элемента образовательной политики. Проведенный в статье анализ новых подходов ЕС к интернационализации высшего образования выявляет, как Европейский Союз использует процесс интернационализации в интересах повышения привлекательности и конкурентоспособности своих вузов.

Ключевые слова: интернационализация образования, академическая мобильность, Европейское пространство высшего образования, ЕС, международное сотрудничество.

В настоящее время тема интернационализации образования постоянно присутствует едва ли не во всех отечественных и зарубежных публикациях, а также в материалах национальных и международных организаций, учреждений и форумов, посвященных проблемам функционирования высшей школы в соответствии с требованиями экономики знаний в условиях возрастающей глобальной открытости и конкуренции.

Термин «интернационализация» применительно к образованию начал использоваться в 1970–190-е гг., когда резко выросли потоки мобильных студентов из развивающихся стран в ведущие мировые центры образования и науки, которыми в то время являлись США и СССР, а также бывшие колониальные метрополии – Великобритания и Франция.

Учебные аудитории и кампусы ведущих университетов этих стран по своему составу и по установившейся в них культурной атмосфере стали действительно интернациональными. Очень скоро к указанной четверке стран –

лидеров по приему на обучение иностранных студентов стали присоединяться другие страны: сначала европейские – Бельгия, Германия, Голландия, Швеция и др.; позже – Канада, Австралия, Япония.

Если вначале потоки академической мобильности разделялись в основном в соответствии с политическими и идеологическими предпочтениями их участников, а также по языковому принципу, то в 1990-е гг. происходит изменение географии мобильности. Определяющими факторами при выборе страны и места обучения для мобильных студентов становятся прагматизм и целесообразность с точки зрения доступности и качества образования в соотношении с совокупными расходами и иными издержками, связанными с его получением.

Постепенно выделяется группа примерно из 20 развитых стран, которые фактически замыкают на себя более 90% от общего потока мобильных студентов в мире.

Именно в границах этих стран сформировалось и развивается относительно новое в социально-экономической сфере явление, которое называют международным рынком образовательных услуг. Произошло разделение и градация стран на экспортеров и импортеров образования, причем если вначале эти обозначения использовались обычно в кавычках, имея ввиду их как бы условный характер, то по прошествии нескольких лет они стали привычными категориями при анализе вопросов международного образовательного сотрудничества.

В связи с появившимся в 1990-е гг. и продолжающимся в настоящее время изменением содержательных и организационных основ образования, обусловленным внедрением в учебный процесс новых информационно-коммуникационных средств и технологий, а также интенсивными процессами региональной и мировой интеграции образования, существенно расширились рамки международного сотрудничества в области высшего образования. Международное сотрудничество не ограничивается более обменами мобильных студентов, преподавателей и исследователей. Оно включает в себя обмены учебными программами, их совместную разработку, экспериментальную апробацию и реализацию; совместные пилотные проекты, имеющие целью совершенствование различных составляющих образования и обеспечение его качества; проведение совместных научных исследований; совместное использование имеющегося лабораторного оборудования, библиотечных фондов и т.д.

Прямо или косвенно при этом все составляющие высшего образования – содержательная, организационная, кадровая, исследовательская, ресурсная, инфраструктурная, – испытывают на себе воздействие интернационализации и находятся в постоянном поиске оптимальных ответов на расширение ее масштабов. Это касается как высших учебных заведений, так и отдельных стран, интересы которых, как и интересы студентов и преподавателей, непосредственно затрагиваются в ходе международного образовательного сотрудничества.

Естественно, что многообразие и быстрая эволюция видов и форм интернационализации образования, а также разнообразие и даже противоречивость интересов ее субъектов делают практически невыполнимой задачу формулирования однозначного и приемлемого для всех определения данного понятия. Из анализа многочисленных авторских публикаций по данной теме и соответствующих официальных материалов можно сделать вывод, что приводимые в них определения интернационализации образования зависят, в первую очередь, от используемого в конкретном тексте подхода его авторов к целевому и функциональному назначению интернационализации (если не рассматривать ее как исключительно стихийное явление).

В соответствии с ним предлагаемые определения имеют характер: экономический, политологический, управленческий, социально-философский, педагогический, исторический и др. Имеет значение также позиция автора по данному вопросу или по всему спектру вопросов, относящихся к проблематике экспорта образовательных услуг.

Рассмотрение особенностей и различий в определении понятия «интернационализация образования» не является предметом настоящей статьи, которая посвящена анализу подхода к проблеме интернационализации, заявленному от имени Европейского Союза – по-видимому, наиболее влиятельного на сегодняшний день инициатора, спонсора и участника глобальных преобразований, осуществляемых в высшем образовании десятков стран. Приведенные выше рассуждения о неоднозначности рассматриваемого понятия и его обусловленности историческим контекстом и избранным подходом имеют целью предостеречь от абсолютизации явления интернационализации. Не умаляя значимости интернационализации, в том числе для российской системы высшего образования, следует выявлять и анализировать все аспекты ее возможного влияния на отечественную систему образования, прогнозировать их последствия и, по возможности, управлять ими, ставя во главу угла долгосрочные интересы сохранения и развития потенциала российской высшей школы, закрепления за ней ведущих позиций в европейском и мировом образовательном пространстве.

Примером такого подхода, в основу которого положены собственные национальные (региональные) интересы, может служить политика ЕС в области интернационализации, основные направления которой анализируются ниже.

В 2010 г. формально завершилось построение единого Европейского пространства высшего образования, и тем самым была реализована основная задача Болонской декларации (1). Фактически можно говорить о завершении первой фазы Болонского процесса. В свою очередь, ее продолжение и дальнейшее развитие уже стало свершившимся фактом (2).

Наряду с выводами и рекомендациями, принятыми на последних официальных встречах министров образования стран – участниц Болонского процесса, свои соображения об основных направлениях дальнейшего разви-

тия международного образовательного сотрудничества в Европе высказали также международные организации и региональные объединения, принимавшие непосредственное участие в инициировании и реализации мероприятий по формированию Европейского пространства высшего образования. Особая роль среди них принадлежит Европейскому Союзу, наиболее крупные члены которого (Великобритания, Германия, Италия, Франция) и были собственно инициаторами Болонского процесса, приняв 25 мая 1998 г. по случаю 800-летия старейшего французского университета Сорбоннскую декларацию, в которой была сформулирована задача «гармонизации архитектуры европейской системы высшего образования».

В этой связи Совет Европейского Союза 11 мая 2010 г. принял официальный документ, озаглавленный «Заключение (Conclusions) Совета об интернационализации образования» (3), представляющий собой обобщенные рекомендации представительного органа ЕС относительно содержательной сущности и направлений интернационализации высшего образования и развития международного образовательного сотрудничества.

Если ранее, как в официальных документах, так и в информационно-аналитических материалах и публикациях, понятия интернационализации и международного образовательного сотрудничества разделялись, хотя использовались обычно для обозначения близких по содержанию и последствиям явлений, то в Заключении Совета ЕС они рассматриваются как практически однозначные. Этот подход недвусмысленно заявлен в начале документа, авторы которого посчитали необходимым к слову «интернационализация», приведенному в заглавии, дать следующую сноску: «Исходя из целей настоящего текста, термин «интернационализация» означает развитие деятельности международного сотрудничества между учреждениями ЕС и учреждениями третьих стран» (4).

Таким образом, руководящий орган Европейского Союза формулирует свое понимание интернационализации высшего образования, определяя ее, во-первых, как процесс, содержание которого составляет «развитие... международного сотрудничества». То есть интернационализация – не просто некий заданный параметр или качественная характеристика, а динамичная составляющая высшего образования. Во-вторых, это процесс, происходящий между учреждениями высшего образования Европейского Союза и соответствующими учреждениями стран, не входящих в ЕС. Тем самым не подпадают под понятие интернационализации те виды международного образовательного сотрудничества, которые имеют место между странами ЕС, если в них не участвуют «третьи» страны. Не принимаются в расчет также международные обмены, осуществляемые на индивидуальной основе, поскольку в приведенном выше определении речь идет только о сотрудничестве между учреждениями.

Подобная трактовка интернационализации высшего образования, приведенная фактически в форме нормативного определения, свидетельствует

об определенной эволюции подходов ЕС к международным аспектам образовательной политики в сторону конкретизации и установления институциональных рамок для самого понятия интернационализации.

Ведь еще недавно, например, в отчетных докладах, подготавливаемых при активном участии Европейской Комиссии к очередным встречам министров образования стран – участниц Болонского процесса, интернационализация представлялась обобщенно как степень вовлеченности вузов или системы высшего образования той или иной страны в международные обмены (студентами, преподавателями, учебными программами и т.д.). При этом в качестве основного критерия интернационализации рассматривалась доля иностранных студентов в общем контингенте студентов, рекомендуемое оптимальное значение которой оценивалось в 10–12% без уточнения стран происхождения и организационных форм мобильности.

Рассматриваемый подход Совета ЕС, ассоциирующий интернационализацию с международным институционализированным сотрудничеством в области высшего образования, задает соответствующий вектор «внешней» образовательной политики, существенным образом определяя ее содержательную направленность и организационные формы. В этой связи можно отметить отличие данного подхода от позиции ОСЭР, согласно которой «интернационализацию высшего образования... принято понимать как процесс, при котором цели, функции и организация предоставления образовательных услуг приобретают международное измерение» (5). Предметом интернационализации здесь является образовательная услуга, что обусловлено преимущественно рыночным подходом, используемым ОЭСР при рассмотрении проблем образования в контексте экономического развития и международных экономических связей. В определении Совета ЕС на первый план поставлено международное сотрудничество, что предполагает более широкий контекст международного взаимодействия, включающий его социальные и политические аспекты, не отрицая и не умаляя при этом значения рыночной составляющей интернационализации образования.

Обоснование выводов и рекомендаций Совета ЕС об интернационализации высшего образования изложено в развернутой преамбуле принятого документа, в которой приводятся ключевые положения европейской образовательной политики за последнее десятилетие, демонстрирующие ее последовательную приверженность идее международного сотрудничества в этой области. Отправным пунктом в этой связи указывается принятие 19 июня 1999 г. Болонской декларации, результатом чего стало создание Европейского пространства высшего образования. Это было констатировано 29 апреля 2009 г. на встрече в Лувэн-ла-Неф (Бельгия) руководителей систем высшего образования 46 стран, которые призвали учреждения высшего образования «продолжать дальнейшую интернационализацию своих действий и участвовать в глобальном сотрудничестве для устойчивого развития».

Как было заявлено, академическая мобильность при этом «усиливает академическую и культурную интернационализацию европейского высшего образования» (6).

Основные направления деятельности по интернационализации высших учебных заведений были обозначены в «Резолюции Совета ЕС от 23 ноября 2007 г. о модернизации университетов в целях содействия европейской конкурентоспособности в мировой экономике, основанной на знаниях». Эта Резолюция призывает государства-члены ЕС содействовать интернационализации своих вузов за счет:

- обеспечения качества образования посредством независимой оценки университетов;
- увеличения мобильности;
- поощрения выдачи совместных и двойных дипломов;
- облегчения признания квалификаций и периодов обучения.

Сотрудничество в области высшего образования традиционно является одним из приоритетных направлений международных отношений Европейского Союза с третьими странами. Это сотрудничество, в котором в качестве партнеров Европейского Союза (или его предшественника – Европейского Сообщества) вначале выступали отдельные страны, пополнилось в дальнейшем многосторонним сотрудничеством в рамках таких региональных объединений, как Средиземноморский Союз (*43 страны европейского региона, а также Лига арабских государств*), «Северное измерение» (*страны Северной Европы, Балтии, а также Россия*) или «Восточное партнерство» (ЕС и бывшие республики СССР: *Беларусь, Украина, Молдова, Грузия, Армения, Азербайджан*) (7).

Международному сотрудничеству и интернационализации по-прежнему отводится значимая роль в принятых в последние годы Европейским Союзом программах развития высшего образования и научных исследований. Так, решением Европарламента и Совета ЕС № 1298/2008/ЕС от 16 декабря 2008 г. была утверждена очередная фаза программы деятельности Эразмус Мундус на 2009–2013 гг., предназначенная повышать качество высшего образования и содействовать межкультурному взаимопониманию посредством сотрудничества с третьими странами (8).

Программа Темпус IV, рассчитанная на 2007–2013 гг., предусматривает поддержку мероприятий по модернизации высшего образования в странах – партнерах Восточной Европы, Центральной Азии, региона Балкан и Средиземноморского региона, в первую очередь, посредством проектов междууниверситетского сотрудничества и партнерства. Ряд программ междууниверситетского сотрудничества задействован для других регионов мира, в том числе программы сотрудничества с индустриальными странами, программы Edulink, Nyerere, Alfa. Международная составляющая присутствует также в мероприятиях раздела «Мари Кюри» Седьмой рамочной программы по активизации научных исследований и технологического развития в ЕС. Эти мероприятия предусмат-

ривают расширение мобильности и иных форм международного сотрудничества, целью которых является достижение высшего мирового уровня в сфере научных исследований, имеющих по своей природе международный характер.

За период 1990–2010 гг. высшее образование в европейских странах более, чем какая-либо иная сфера человеческой деятельности, приобрело «интернациональный масштаб». Это проявляется в постоянно возрастающем количестве европейских вузов, принимающих на обучение все больше студентов из третьих стран, осуществляющих обмены студентами и преподавателями, участвующих в программах международного сотрудничества в области образования и научных исследований.

Благодаря признанному качеству образования, обеспечиваемому высшими учебными заведениями ведущих стран ЕС, и огромному разнообразию предлагаемых ими программ подготовки значительно выросли во всем мире их конкурентоспособность и привлекательность как в отношении выбора места обучения, так и в качестве партнеров совместных образовательных или исследовательских проектов.

Это было достигнуто в результате длительной согласованной работы стран ЕС по разработке и введению в действие совместных механизмов установления соответствия между системами образования и структурами квалификаций отдельных стран. Особое значение имеет создание и принятие Европейской рамки квалификаций (9), а также принятие совместной концепции обеспечения качества и созданного для ее реализации Европейского регистра обеспечения качества в высшем образовании. Все большее число стран, не являющихся членами ЕС, проявляют заинтересованность в сотрудничестве с целью введения у себя аналогичных механизмов.

Особое внимание Совет ЕС уделяет расширению мобильности студентов, преподавателей и научных работников в целях их практической подготовки. Благодаря обмену знаниями и приобретению новых компетенций, в том числе лингвистических и межкультурных, и установлению межличностных связей такая мобильность в наибольшей степени способствует совершенствованию человеческого капитала и увеличению занятости. Возрастающая в этой связи циркуляция знаний способствует также развитию креативного и инновационного потенциала стран-участниц и их высших учебных заведений.

Обосновывая необходимость расширения международного сотрудничества в области высшего образования, являющегося составной частью внешней политики Европейского Союза, Совет ЕС призывает при этом учитывать, что «конкуренция в мировом плане за получение более значительной доли контингента мобильных студентов становится все более жесткой; другие мировые партнеры активно используют стратегию, имеющую целью содействовать открытию своих высших учебных заведений для всего мира и привлекать к себе наиболее одаренных» (10).

В ситуации все возрастающей конкуренции на мировом рынке образовательных услуг, основным объектом которого являются мобильные студен-

ты, Совет ЕС, выступающий от имени объединенной Европы, делает вывод, что «международное сотрудничество в области высшего образования является важной и прибыльной сферой деятельности и заслуживает поддержки как на национальном уровне, так и на уровне ЕС».

Высшее образование, как считает Совет, играет главную роль в совершенствовании личности и общества, поскольку оно усиливает социальное, культурное и экономическое развитие и содействует активной гражданственности и утверждению этических ценностей. Совет ЕС подчеркивает, что «международное сотрудничество в области высшего образования должно стать важной составляющей общей внешней политики ЕС и должно быть адаптировано к конкретным нуждам, интересам и уровням развития стран-партнеров» (11). При этом должен соблюдаться принцип субсидиарной ответственности партнеров по сотрудничеству.

Следует объективно признать, что за прошедший десятилетний период Болонского процесса в системах высшего образования европейских стран произошли изменения, более существенные, чем за какой-нибудь предшествующий исторический период сопоставимой длительности. Благодаря повсеместному введению рекомендованных Декларацией таких механизмов «сближения», как сопоставимая система уровней и квалификаций, зачетные кредиты, двойные и совместные дипломы, единое приложение к диплому и др., а также принятию общей концепции обеспечения качества высшего образования и работе по ее практическому воплощению за чрезвычайно короткий срок произошло реальное сближение структурно-организационных и содержательных параметров высшего образования европейских стран.

Это является несомненным достижением, которое представляет собой прочный фундамент для дальнейшего продвижения и реализации целей и задач, стоящих перед уже фактически сформированным единым Европейским пространством высшего образования. Наряду с продолжением работы по дальнейшему оформлению этого пространства, в первую очередь в том, что касается введения единых механизмов обеспечения качества образования, его большей практической направленности и интеграции учебного процесса с научными исследованиями, в числе одной из главных задач Совет ЕС рассматривает повышение привлекательности и конкурентоспособности европейских высших учебных заведений. Поскольку выполнение всех этих задач должно происходить одновременно и на основе одних и тех же организационных, кадровых и материальных ресурсов, то становится очевидным, что их успешное решение может быть достигнуто только в рамках интенсивного международного сотрудничества с вовлечением в него партнеров из разных регионов мира, даже если они являются конкурентами.

В этой связи Болонский форум, облегчающий политический диалог между Европейским пространством высшего образования и другими частями мира, должен рассматриваться как инструмент обмена мнениями и согласования позиций по конкретным вопросам, представляющим общий интерес.

Поскольку многие преобразования и нововведения, осуществляемые в ходе формирования Европейского пространства высшего образования, изначально были реализованы в рамках пилотных проектов ЕС, как например, система зачетных кредитов ECTS, а Болонский процесс вовлекает в свою орбиту все большее число стран из других регионов, то это объективно создает для европейских университетов известное преимущество в привлечении партнеров из других стран в целях организации междууниверситетского сотрудничества. Соответственно, создаются преимущества и для Европейского Союза в целом и его членов – в целях налаживания политического диалога на мировом уровне по общим вопросам развития образования, обмена опытом и закрепления позиций стран ЕС на мировом рынке образовательных услуг.

В своем Заключении об интернационализации высшего образования Совет Европейского Союза рекомендует государствам-членам, действуя в координации с высшими учебными заведениями и признавая их автономию, принять меры по следующим трем основным направлениям:

- содействие созданию внутри вузов подлинно интернациональной культуры;
- усиление международной привлекательности европейских вузов;
- продвижение общемирового измерения высших учебных заведений и их восприимчивости к выполнению социально-значимых функций (в тексте: «к социальной ответственности») (12).

Совет ЕС приводит развернутые перечни мер, которые рекомендуются предпринять по каждому из указанных направлений интернационализации. Так, по первому направлению в качестве первоочередной вносится рекомендация по созданию на местах «полностью оперативного треугольника знаний», включающего в себя вузы, исследовательские структуры и предпринимательский сектор, между которыми следует развивать на международном уровне сотрудничество, работу в сети и взаимодействие. Предлагается поощрять и поддерживать мобильность всех категорий академического сообщества, обеспечивая студентов, преподавателей и исследователей подготовкой и компетенциями, которые необходимы, чтобы работать в открытой международной среде.

Совет ЕС призывает использовать в этой работе персонал, обладающий международным опытом, способный побуждать местных студентов и преподавателей к восприятию более интернациональных подходов. Рекомендуется обеспечить предоставление высококачественных учебных программ и использование педагогических методов, учитывающих международное измерение. Предлагается сформировать интернациональную среду, которая способствует участию студентов, преподавателей и исследователей в международных программах, ведущих, в частности, к получению совместных и двойных дипломов, к участию в исследовательских проектах. Странам – членам ЕС рекомендуется поощрять свои учебные заведения к разработке и

принятию стратегии интернационализации и к включению этого аспекта деятельности в их планы развития.

Что касается усиления международной привлекательности европейских вузов, то для этого направления интернационализации рекомендуются следующие меры:

- утверждение превосходства европейских университетских кампусов и улучшение их международного имиджа как заслуживающих интереса мест обучения и исследований;

- улучшение качества работы служб, ответственных за прием, пребывание и отъезд международных студентов, преподавателей, исследователей и других категорий персонала;

- участие в сетях и проектах международного сотрудничества, а также в программах, объединяющих обучение и исследования;

- облегчение признания квалификаций и периодов обучения, осуществленных за границей, при учете требований обеспечения качества.

Применительно к третьему направлению интернационализации, предусматривающему придание «общемирового измерения» европейским вузам и их большей ориентации в отношении социальной ответственности, Совет ЕС рекомендует использовать также инновационные формы транснационального сотрудничества. Предлагается совершенствовать способы обеспечения равенства в отношении доступа к высшему образованию и программам международной мобильности, создавая и используя для этого соответствующие механизмы побуждения и поддержки. И наконец, страны – члены ЕС и их высшие учебные заведения призываются осуществлять свою деятельность в области высшего образования таким образом, чтобы общество – на местном, национальном или мировом уровне – извлекало пользу из получаемых знаний, отвечая тем самым на общественные потребности и социальные вызовы.

Сформулированные выше общие пространственные выводы и рекомендации Совета Европейского Союза, адресованные фактически к европейскому академическому сообществу, дополняются рекомендациями главному исполнительному органу ЕС – Европейской Комиссии, имеющими более конкретный и четкий характер.

В первую очередь, Совет ЕС призывает Комиссию разработать, в сотрудничестве с государствами-членами и при полном уважении к автономии высших учебных заведений, такую стратегию ЕС в области международного высшего образования, которая направлена на усиление согласованности и взаимодополняемости инициатив по международному сотрудничеству, осуществляемых как на уровне ЕС, так и на национальном уровне. Эта новая стратегия предназначена усилить привлекательность европейского высшего образования, европейских исследований и инноваций в рамках внешней деятельности ЕС, а также будет содействовать расширению программ и политики сотрудничества ЕС в этой области.

Комиссии предлагается предпринять необходимые действия, в результате которых мобильность между ЕС и внешним миром в целях продолжения образования и участия в исследованиях станет неотъемлемой частью стратегии международного сотрудничества. В этой связи Комиссии следует продолжать поддерживать международных партнеров в области высшего образования, развивать международное университетское сотрудничество и действия по расширению и поощрению политического диалога в области высшего образования с заинтересованными третьими странами. Отдельная рекомендация содержит призыв к Комиссии Европейского Союза содействовать обмену опытом и распространению примеров успешной практики организации международного университетского сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА

- (1) Болонский процесс 2020. Европейское пространство высшего образования в новом десятилетии: Коммюнике Конференции европейских министров, ответственных за высшее образование (Левен–Лувен-ла-Неф, 28–29 апреля 2009 г.) // Высшее образование в России. – 2009. – № 7. – С. 156–162.
- (2) Декларация о Европейском пространстве высшего образования. Заявление Конференции европейских министров, ответственных за высшее образование (Будапешт–Вена, 11–12 марта 2010 г.) // Высшее образование в России. – 2010. – № 5. – С. 59–62.
- (3) Conclusions du Conseil du 11 mai 2010 sur l'internationalisation de l'enseignement supérieur // Journal officiel de l'Union européenne. – 26.05.2010. – FR. – C135/12.
- (4) Там же. – C135/12.
- (5) См.: *Агранович М.Л., Аржанова И.В. и др.* Интернационализация высшего образования: тенденции, стратегии, сценарии будущего. – Национальный фонд подготовки кадров. – М., 2010. – С. 259.
- (6) Болонский процесс 2020. Европейское пространство высшего образования в новом десятилетии: Коммюнике Конференции европейских министров, ответственных за высшее образование (Левен–Лувен-ла-Неф, 28–29 апреля 2009 г.) // Высшее образование в России. – 2009. – № 7. – С. 156–162.
- (7) Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. Eastern Partnership. Commission of the European Communities. – Brussels, 03.12.2008 COM (2008) 823 final // http://www.eas.europa.eu/eastern/docs/com08_823_en.pdf
- (8) Decision № 1298/2008/CE du Parlement Européen et du Conseil du 16 Decembre 2008 // Journal officiel de l'Union Européenne. – 19.12.2008. – FR. – L. 340/83.
- (9) Recommendation of the European Parliament and of the Council of 23 April 2008 // Official Journal of the European Union. – 6.5.2008. – EN. – C. 111/1-7.
- (10) Conclusions du Conseil du 11 mai 2010... – C. 135/13.
- (11) Там же. – С. 135/13.
- (12) Там же. – С. 135/14.

EUROPEAN UNION AND NEW APPROACH TO INTERNATIONALIZATION OF HIGHER EDUCATION

I.V. Arzhanova

National Training Foundation of the Russian Federation
1905 goda Str., 7-1, Moscow, Russia, 123022

The article shows that the internationalization has become an essential attribute and component of the activity of any university and higher education in general for the relatively short period. For some countries and their regional associations the internationalization appears to be the key element of educational policy. The analysis of the new approaches which EU uses to the internationalization of higher education reveals how the European Union uses the process of internationalization in order to enhance the attractiveness and competitiveness of its universities.

Key words: the internationalization of education, academic mobility, the European Higher Education Area, the EU, international cooperation.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

И.М. Гарскова

Кафедра исторической информатики
МГУ им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский пр-т, 27-4, Москва, Россия, 119992

Статья посвящена изучению эволюции теоретических и прикладных аспектов применения информационных технологий в исторических исследованиях. Автор показывает, что разработка теоретических концепций информационного подхода, методических и технологических стандартов работы с информацией исторических источников определяется междисциплинарными связями истории с другими социальными науками и спецификой источниковой базы исследований. На примере международного и отечественного опыта рассматривается влияние технологических и информационных революций на формирование и смену теоретических концепций такой междисциплинарной области, как историческая информатика.

Ключевые слова: информационные технологии, междисциплинарный подход, теории, методы, технологии, источники, историческая информатика.

Известная закономерность развития науки состоит в смене периодов накопления фактического материала, полученного в результате преимущественно эмпирических исследований, и периодов теоретического обобщения: переосмысления категориального аппарата, предмета, методов и моделей. Эти периоды особенно важны при изучении процесса развития междисциплинарных направлений (1).

В истории применения информационных технологий в исторических исследованиях можно выделить несколько периодов, временные границы между которыми определяют масштабные изменения в информационных технологиях. В данной статье ставится задача показать влияние этих изменений на эволюцию теоретических концепций информационных подходов в исторической науке на примере такой междисциплинарной области как историческая информатика.

В статье «History and computing» (2), опубликованной на сайте института исторических исследований Лондонского университета, Я. Андерсон, руководитель британской ветви международной ассоциации «History and computing», характеризуя развитие исторической информатики, описывает две революции в этом развитии и прямо связывает их с важнейшими изменениями второй половины XX в. в области информационных технологий. Первой революцией он называет 1960-е гг., когда историки начали использовать

возможности компьютеров (и новые методы. – *И.Г.*) для анализа информации исторических источников, обеспечивая своим выводам большую точность, открывая новые направления и создавая основу для проверки и сравнения результатов исследований.

Конечно, нельзя согласиться с Я. Андерсоном, что 1960-е гг. можно отнести к истории исторической информатики, которая появилась двумя десятилетиями позже. Здесь он, как и ряд других авторов, расширяет эту историю, включая «доинституциональное» формирование исторической информатики в рамках квантитативной истории, получившей мощный импульс развития в 1960–1970-х гг. на волне междисциплинарного взаимодействия с социальными науками и использования компьютеров (3). Эти годы – период становления новых направлений в исторических (и не только исторических) исследованиях, связанных с применением компьютеров: «новая экономическая история», «новая социальная история», квантитативная история. Компьютеры стали исследовательским инструментом «новой» истории, а «компьютинг» (довольно точный термин, не имеющий аналога в русском языке) с тех пор воспринимается как методика обработки исторической информации с помощью вычислительной техники.

Называя 1960-е гг. первой революцией в истории исторической информатики, Я. Андерсон, скорее, имеет в виду ту информационную революцию (информационный «взрыв»), которую связывают с появлением компьютеров и беспрецедентным ускорением производства информации, в том числе – научной (4). Известно, какие бурные дебаты вели в эти годы сторонники и противники новых методов в исторических исследованиях. «Новая» история обвинялась в превращении историков в статистиков, рабов количественного анализа, ограниченных и оторванных от людей, мест и событий, которые они изучают. Достаточно вспомнить дискуссии вокруг известных работ Р. Фогеля и С. Энгермана по экономической истории, в которых «новую» историю называли «квантитативным хвостом, который вертит исторической собакой» (5).

В центре внимания, безусловно, были новые методы исследования и проблемы теории. Дискуссии «новых» и «традиционных» историков велись в основном не по поводу методов и технологий, но по теоретическим проблемам соотношения теории и метода в историческом познании. Историки-традиционалисты критиковали «новых» историков за эмпиризм, с одной стороны, и заимствование теоретических концепций других наук – с другой стороны, что вело, по мнению критиков, к огрублению и упрощению специфики исторического исследования, дегуманизации истории.

Дискуссии возникали не столько потому, что методический арсенал историков расширился за счет методов различных социально-гуманитарных наук (социологии, экономики, антропологии, демографии, статистики), сколько потому, что эти методы использовали для анализа прошлой социальной реальности теории разного уровня, созданные в других науках. При этом междисципли-

лиментарность выступает в двух формах: «стратегия присвоения» со стороны истории и «обращение к прошлому» со стороны других социальных наук (6).

«Стратегия присвоения» основана на идее, что история, анализируя прошлое, естественным образом может опираться на теоретический аппарат социальных наук, занимающихся современностью. То есть роль истории больше не сводится к сбору эмпирических данных для социальных наук – напротив, теперь эти науки поставляют для истории свои теоретические концепции (7).

Вместе с тем проблема «заимствования» историками и «транспонирования в прошлое» проблем и концепций, которые разрабатывают применительно к современному обществу представители других социальных наук, зачастую рассматривается упрощенно, поскольку различные теории общественной жизни применимы только к определенным историческим периодам. Более того, возможности экстраполяции во времени современных концепций социальных наук ограничиваются периодом не более 150 лет, а более отдаленная во времени историческая реальность требует иных теорий и моделей (8).

Следует признать, что акцент на междисциплинарных количественных методах и компьютерных технологиях исследования, выдвижение на первый план аналитических задач в известной мере отодвигали на второй план изучение специфики исторического источника и ее влияния на выбор адекватных приемов обработки данных (9). Однако в отечественном источниковедении, благодаря наличию сильной школы квантитативной истории, сложившейся вокруг И.Д. Ковальченко (10), изучались информационные аспекты источниковедения, теоретические и прикладные проблемы, связанные со спецификой информации исторических источников и представлением этой информации для обработки на компьютере. К числу известных теоретических достижений отечественного источниковедения этого периода относятся теоретическое осмысление проблем информационного потенциала исторического источника (11), разработка концепции массовых источников.

Этап формирования квантитативной истории сопровождался многочисленными публикациями отечественных и зарубежных авторов, посвященными анализу тенденций и закономерностей развития национальных школ в этой междисциплинарной области (12).

Вторая революция в области информационных технологий – это «микрокомпьютерная революция» конца 1980-х – начала 1990-х гг. (13). Именно с микрокомпьютерной революцией связано оформление исторической информатики в самостоятельное научное направление.

Появление исторической информатики (14) связано в первую очередь с появлением в середине 1980-х гг. доступных персональных компьютеров, новых устройств хранения информации и универсальных, достаточно простых программ для распространенных приложений. Успехи исторической информатики демонстрировали, что компьютер является инструментом, который способен помочь историку не только более эффективно и результа-

тивно решать исследовательские задачи, но и ставить принципиально новые проблемы.

Очевидно, что для понимания феномена исторической информатики было необходимо обсуждение теоретических проблем, связанных с ее спецификой. В 1980–1990-х гг. шли серьезные международные дискуссии по методологии нового направления, которые уже не были сконцентрированы на полемике по вопросу о правомерности теоретических заимствований у социальных наук – специалисты в области исторической информатики обсуждали теоретические основания нового направления, предмет и методы, основные концепции, место в системе исторических дисциплин и связь с информационной наукой (15).

Основные идеи исторической информатики в конце XX – начале XXI в. можно свести к двум главным концепциям (16). Первая отличается высокой оценкой результатов применения «стандартных» (базовых) информационных технологий в исторической науке. Сторонники этой (прагматической) концепции оценивают существующие технологии как вполне пригодные для удовлетворения большинства потребностей исторического исследования, в котором компьютер играет роль стандартного рабочего инструмента. В то же время усложнение технологий и развитие специализированного исторического инструментария, который может быть востребован меньшинством историков, по их мнению, может привести к изоляции исторической информатики от традиционной истории (17).

Вторая концепция, напротив, подчеркивает специфику и особую сложность компьютерного анализа исторических данных по сравнению, например, с компьютерными приложениями в других социально-гуманитарных науках. Сторонники этой концепции уделяют больше внимания не стандартным информационным технологиям, а специализированному программному обеспечению, специальным инструментальным средствам, использованию внеисточникового знания и тонким исследовательским методам и приемам. В противоположность первой концепции, здесь доминирует тезис, что стандартные информационные технологии следует адаптировать к потребностям исторического исследования. Этот подход предлагает развитие исторической информатики как научной дисциплины с собственной теоретической базой (от «*historical computing*» – к «*historical information science*»).

Автором этой концепции является М. Таллер, один из основателей Международной ассоциации «History and Computing» и ее президент в 1991–1994 гг. Он предложил теоретическое обоснование исторической информатики – концептуальный каркас, который должен был обеспечить учет специфики исторических данных (18). Концепция М. Таллера базировалась на утверждении о фундаментальном различии между «обычной» (или стандартной) обработкой данных и обработкой исторических данных и, соответственно, между проблемно-ориентированной и источник-ориентированной методологиями использования компьютера в историческом исследовании.

Термины «проблемно-ориентированная» и «источнико-ориентированная» применительно к методологии или подходу в работе с данными были призваны подчеркнуть роль источника в компьютеризованном историческом исследовании.

Например, квантификаторы периода 1960–1970-х гг. работали в парадигме проблемно-ориентированного подхода, когда исследовательские задачи были ориентированы в основном на проблемы в области социально-экономической истории и, соответственно, на источники статистического характера, обладающие достаточно четкой структурой организации информации.

Когда же исследователи стали применять компьютерные методы и информационные технологии к слабоструктурированным текстовым источникам, возникла потребность в разработке иного, источнико-ориентированного подхода, который учитывал бы специфику исторических источников с их «нерегулярностями» и «размытостью» данных (19). Концепция М. Таллера подчеркивала, в частности, ограниченность статистических методов, которые широко используются многими другими дисциплинами, для обработки исторических данных, содержащих неопределенность в суждениях и оценках, и невысокую эффективность существующих процедур формализации информации источника.

Фактически в этот период, в противоположность междисциплинарному тезису о сходстве и взаимопроникновении концепций, методов и подходов истории и других наук, был сформулирован антитезис о специфике исторических исследований и методов работы с данными, вытекающей из характера информации, заключенной в исторических источниках (20). Углубленное внимание к историческому источнику и специфическим источниковедческим проблемам компьютеризованного исторического исследования ознаменовало 1980–1990-е гг. как источнико-ориентированный этап развития направления.

Очевидно, что источниковедческие приемы работы с источником, его внешняя и внутренняя критика, принципы включения внеисточникового (экспертного) знания при таком подходе выходят на первый план (21). Внимание к источнику, к семантике заключенной в нем (в том числе неявной, структурной) информации, таким образом, способствует разработке теоретических концепций информационного подхода в исторических исследованиях.

Разумеется, кроме этих крайних точек зрения, предлагалось немало промежуточных решений, которые учитывали, с одной стороны, ограничения, а с другой стороны – важность общих стандартов и апробированных информационной наукой методов. Истина, конечно, лежит где-то между этими позициями, или даже в них обоих. Принципиально важной является концепция Л. Мак Кранка, изложенная в ряде статей и фундаментальной монографии (объемом более тысячи страниц с библиографией, которая насчитывает несколько тысяч наименований).

Эпиграфом к этой монографии можно было бы поставить утверждение автора о том, что история является информационной наукой, поскольку ее задача – информировать настоящее время о прошлом (22). Автор определяет историческую информатику (*historical information science*) как синтез предметной области исторического исследования, методов количественного анализа, компьютерных методов и технологий, а также информационных технологий, которые сфокусированы на анализе информации исторических источников, структур и коммуникаций.

Эта книга представляет собой исчерпывающий обзор, в котором подробно рассмотрено развитие информационных технологий, начиная с появления персональных компьютеров, использование их в истории и других социально-гуманитарных дисциплинах. Анализируется процесс сближения исторической и архивной науки, с одной стороны, и информационной науки и технологии, с другой стороны, и формирование новой междисциплинарной области – исторической информационной науки (*historical information science*). Акцент делается на исторической информации, ее представлении в электронном виде, методах и технологиях доступа к ней, хранения и анализа, а также на связи между новыми методами, средствами и технологиями – и направлениями исследований в библиотечном, архивном и музейном деле. Рассматриваются современные тенденции, которые трансформируют традиционные способы исторического исследования в информационном пространстве: масштабная оцифровка документов, создание цифровых библиотек, архивов и музеев, разработкой новых исследовательских инструментов и средств, таких как информационные сети; хранилища данных, средства интеллектуального анализа данных, интеллектуальные поисковые системы и т.п.

Книга Мак Кранка написана в русле информационного подхода с акцентом на специфику обработки и анализа исторических источников и роль информационных технологий в архивной и исторической науке.

В этой связи можно отметить, что в отечественной историографии также имеются работы в русле информационного подхода, в основном в области источниковедения (23). Традиции таких исследований были заданы известной работой И.Д. Ковальченко «Исторический источник в свете учения об информации: к постановке вопроса», опубликованной в 1979 г. Позже появились работы В.И. Бovyкина, который подчеркивал, что задачи изучения информации исторических источников выходят за рамки классического источниковедения, и предлагал термин «информационное источниковедение» для подхода к историческим источникам как к остаткам некогда существовавших информационных систем, выделения в них различных информационных слоев, оценки достоверности выраженной и отраженной в источнике информации (24).

Характеризуя общие черты процесса формирования теоретических концепций информационного подхода в исторической науке, упомянем, что между линиями развития отдельных национальных школ имеются заметные различия. Например, в Германии, Голландии и России, где традиционно

большое внимание уделяется теоретико-методологическим вопросам, специалисты в области исторической информатики более тяготеют к теоретико-информационному подходу. Британские историки, приверженные эмпирической традиции, ориентированной на результат, придерживаются прагматического подхода. Историки в США в основном уделяют внимание разработке и использованию электронных ресурсов и информационных технологий в образовании, а не методологическим и методическим проблемам. Таким образом, национальные ассоциации представляют собой различные точки «методологического континуума»: от использования стандартных методов и технологий (технологий баз данных, статистического анализа и анализа текстов) как инструментов исторического исследования – и до масштабных, методически и технологически сложных проектов в области исторической информационной науки.

В уже упоминавшейся статье Я. Андерсона третья информационная революция рассматривается только гипотетически, в перспективе, в связи с ее возможным влиянием на историческую информатику. С этим трудно согласиться, поскольку широкое внедрение сетевых технологий в исторические исследования и образование во второй половине 1990-х гг. является поистине революционным.

Возможности создания огромных информационных ресурсов, обеспечения онлайн-доступа к ним нашли широкое отражение в исторической науке и образовании. Оцифровка и публикация в сети Интернет архивных документов, музейных коллекций, библиотечных фондов, научной периодики, монографических изданий, появление электронных научных журналов, создание электронных библиотек и тематических научно-образовательных сайтов дает историку такую информационную базу, значение которой невозможно переоценить. Подготовкой подобных ресурсов, сочетающих черты архивов, библиотек и научных форумов, занимаются различные организации, и эта работа никоим образом не ограничивается оцифровкой и публикацией материалов в сети.

Возрастающая доступность оцифрованных исторических источников приводит к заметным изменениям в постановке исследовательских задач и организации исторического исследования.

Соединение информации источников, которые физически хранятся в разбросанных по всему миру архивах, дает такие возможности для сравнительных исследований, которые были немыслимы в прошлом. Экспоненциально возрастает объем материалов современных банков данных, корреспонденции электронной почты и специализированных информационных систем, которые существуют только в цифровой форме.

В будущем историки все шире будут использовать информацию таких документов, которые изначально возникают уже в цифровой форме.

Вопросы, связанные с природой электронных документов, их аутентичностью, архивным хранением и экспертизой ценности, археографическими

принципами электронной публикации исторических источников в сетевом информационном пространстве, были подняты историками уже в публикациях конца 1990-х – начала 2000-х гг. и потребовали разработки источниковедческих, архивоведческих, археографических и других проблем работы с новыми типами и видами исторических источников (25).

Таким образом, информационный феномен в исторической науке на рубеже XX–XXI вв. ассоциируется с электронной публикацией источников и результатов исследований; совершенствованием процедур информационного поиска; с современными методами создания и анализа коллекций исторических источников поливидового состава. Поэтому важнейшей особенностью современного этапа развития исторической информатики является разработка теоретических и прикладных проблем создания и использования общеисторических и специально-исторических (тематических) научно-образовательных ресурсов. Этот этап развития можно назвать ресурсно-ориентированным.

В отечественной исторической информатике методологические и методические аспекты работы с электронными историческими ресурсами находят отражение в программах конференций и целом ряде публикаций этого периода (26). Изучаются источниковедческие вопросы создания ресурсов и разрабатываются технологии представления в сети исторических документов (27).

Здесь необходимо подчеркнуть, что создание исторических информационных ресурсов как нового типа исторических источников – не новая область деятельности исторической информатики. Уже в 1980-е гг. исследования в области квантитативной истории часто включали создание архивов и коллекций машиночитаемых данных, с возникновением исторической информатики происходит перенос акцентов с архивов машиночитаемых данных на базы данных и, что весьма знаменательно, очень быстро появляется такое понятие, как «*electronic information resources*» (информационные ресурсы) (28).

Международная ассоциация АНС и ее национальные «ветви», продолжая традиции, заложенные квантитативной историей и развивая сотрудничество с организациями, работающими в сфере сохранения историко-культурного наследия, в первую очередь с архивами, успешно занимались разработкой стратегий архивирования и вторичного использования электронных исторических источников, создания электронных архивов, коллекций текстов и других видов электронных ресурсов.

Сетевые технологии выдвинули эту работу на первый план. Резкий всплеск интереса к созданию информационных ресурсов усилил «вес» технологической компоненты в структуре исторической информатики, причем не только в преподавании исторических дисциплин (что вполне закономерно), но и в практике научных исследований. При наличии нерешенных методологических проблем и существенной дифференциации в оценке применения информационных технологий в исторических исследованиях (что терминологически выражалось в противопоставлении *historical computing* –

historical information science) в ряде национальных ассоциаций данного профиля были практически свернуты дискуссии по теоретическим основаниям исторической информатики. Их место заняли дискуссии по технологическим вопросам, возникающим в процессе создания и использования электронных ресурсов в самом широком плане (документальных, библиографических, программных, вычислительных) (29).

Такое положение вещей привело в середине 2000-х гг. к определенному кризису исторической информатики на Западе (30). Кризис в первую очередь затронул организационную структуру международной ассоциации, привел к переориентации профильных научных журналов и в конечном итоге существенно изменил «ландшафт» научного направления в поисках выхода на новый виток развития.

Европейские ассоциации видят потенциал развития в дальнейшем развитии междисциплинарности и кооперации исследователей для создания развитой информационной инфраструктуры исторических исследований (иногда для обозначения такой инфраструктуры используется понятие «e-history» (где *e* означает electronic (электронный))). Понятие информационной инфраструктуры не сводится к электронным ресурсам – оно включает возможности и технологии использования распределенных коллекций данных и информационных систем, распределенных вычислительных мощностей, программных средств, методических разработок, web-сервисов, т.е. обеспечение доступа исследователей к информации, размещенной в сети (31).

Позитивным в этом «информационном повороте» является то, что на такой платформе историки получают возможность расширять диапазон исследовательских методов и подходов. Растет интерес к методикам и инструментам, которые разрабатывают лингвисты: анализ текста, аннотирование, автоматизированная семантическая разметка, тезаурусы.

Географические информационные системы (ГИС) также привлекает внимание историков, а в соединении с методами визуализации и интеллектуального анализа данных представляет замечательные возможности. Осваиваются технологии виртуальной 3D-реконструкции исторических объектов и другие новейшие инструментальные средства. По существу, речь идет о создании профессиональной информационной среды для использования компьютерных методов в рамках широкой исторической проблематики на базе междисциплинарного (и международного) сотрудничества.

Развитие деятельности такого рода демонстрируют проекты, связанные с задачами сохранения культурного наследия. Работа над такими проектами включает не только масштабную оцифровку, обеспечивая историкам доступ к широкому спектру электронных данных первичных и вторичных источников, но способствует переходу от использования компьютера для поиска и извлечения информации к ее анализу с помощью самых современных методов, что представляет полезную модель применения e-science и грид-технологий в гуманитарных науках (32).

В итоге можно видеть разные модели развития исторической информатики, ее методологических, методических и технологических составляющих. Это разнообразие позволяет использовать в исторических исследованиях достаточно универсальные междисциплинарные методы и подходы и вместе с тем – разрабатывать методологические принципы и специальные исследовательские методики с учетом специфики информации исторических источников. Критерием результативности информационного подхода в исторических исследованиях является получение нового знания, поэтому стремительное развитие информационных технологий требует от историков поиска теоретических концепций для оценки роли информационного феномена в историческом познании.

Наиболее заметным вкладом в разработку проблем исторического познания в условиях новой информационной среды являются работы О.М. Медушевской, нашедшие наиболее полное отражение в ее последней монографии (33), где последовательно излагаются принципы когнитивного подхода к научному познанию.

Принципиально важным является обозначение той огромной роли, которую в эпоху глобализации и информационной революции играет меж- и метадисциплинарный диалог, взаимодействие естественных и гуманитарных наук, системно-структурный подход. На смену представлению о принципиальном различии эпистемологических подходов (номотетика – идиографика) в науках о природе и о человеке пришло стремление к познанию общих закономерностей и междисциплинарному диалогу. Конечно, существуют разные «точки соприкосновения» в этих междисциплинарных контактах, но наиболее актуальным является акцент на информационной составляющей.

В частности, совершенно по-новому, через понятия информационного ресурса и интеллектуального продукта определяется в монографии исторический источник. О.М. Медушевская пишет, что информационный объем интеллектуального продукта всегда значительно шире, чем намеренно транслируемый запас информации, но он требует извлечения (раскодирования). Понятия «актуальная», зафиксированная в вещественной форме, и «отложенная», требующая «актуализации» информация (34), продолжают идеи, заложенные в понятиях «явная» (выраженная) и «скрытая» (структурная) информация, введенных И.Д. Ковальченко в связи с изучением проблемы информационного потенциала исторического источника (35).

Проблемы когнитивистики, включающей наряду с другими дисциплинами, изучающими человеческое мышление, информационные и компьютерные науки, поставленные в последних работах О.М. Медушевской, представляются весьма актуальными для такой междисциплинарной области, как историческая информатика. Понятие информационного ресурса в исторической информатике XXI в. становится одним из базовых, а системный подход, который так высоко оценивает О.М. Медушевская, является наиболее

адекватным в такой деятельности, которая связана с созданием общеисторических (тематических, национальных, в перспективе – глобальных) информационных ресурсов.

Актуальна для исторической информатики и оценка роли метода в историческом исследовании, данная О.М. Медушевой, и критика нарративизма (в частности, исключающего альтернативность в историческом развитии). Именно структурный источниковедческий метод, по ее мнению, «выводит историческую науку на уровень, сопоставимый с исследовательскими критериями верификации знания других наук» (36), дает возможность точного знания, перспективу логического анализа, верифицируемости результатов исследования. Представляется, что методологические принципы когнитивной истории, которые развивала О.М. Медушевская, окажутся весьма перспективными для развития теоретической составляющей исторической информатики.

Если выделить такие взаимосвязанные компоненты междисциплинарного направления, как теория, методы и технологии, можно сказать, что после первой информационной революции мы наблюдаем наибольший интерес к аналитическим методам (и теориям смежных наук), после второй – интерес к теориям, методам и технологиям, специфическим для данного направления с особым вниманием к источниковедческим аспектам исследования, после третьей – к информационным технологиям и методам создания электронных ресурсов, которые дают импульс более глубокому осмыслению методологических и источниковедческих проблем исторической информатики. Методы и технологии в силу своей универсальности являются основой междисциплинарных подходов, в то время как источники определяют специфику собственной предметной области. Разнообразные теоретические концепции в междисциплинарной области, как правило, представляют собой синтез различных теорий, обусловленный спецификой исследовательской задачи и данных (источников).

Развитие информационно-коммуникационных технологий позволяет прогнозировать дальнейшее расширение возможностей информационного подхода в исторических исследованиях и образовании. Рост информационных ресурсов, совершенствование аналитических и информационных методов работы с источниками в расширяющемся информационном пространстве будут ставить перед исторической наукой новые задачи, связанные с оценкой влияния информационного феномена на исторические исследования и историческое познание, и в решении этих задач большая роль должна принадлежать исторической информатике.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Репина Л.П.* Междисциплинарность и история // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. – М., 2004. – Вып. 11. – С. 5–6.

- (2) *Anderson I.* History and Computing // Making History. Institute of Historical Research. – L., 2008 // http://www.history.ac.uk/makinghistory/resources/articles/history_and_computing.html
- (3) *Гарскова И.М.* Квантитативная история и историческая информатика: эволюция взаимодействия // Новая и новейшая история. – 2011. – № 1.
- (4) Авторы первого учебника по исторической информатике более корректно называют этот период первой *компьютерной* революцией, а эпоху больших ЭВМ, перфокарт и т.п. – «героической эпохой». См.: *Mawdsley E., Munck Th.* Computing for Historians: an Introductory Guide. – Manchester, 1993. – P. XI.
- (5) *Anderson I.* History and Computing...
- (6) *Савельева И.М., Полемаев А.В.* История и социальные науки. Препринт WP6/2005/04 // Гуманитарные исследования ИГИТИ. – М., 2005.
- (7) Там же. – С. 23–24. Авторы не ставят под сомнение возможность использования историками методов других социальных наук, показывая, что их различия (критерии времени, практики, непосредственного наблюдения) не столь кардинальны.
- (8) Там же. – С. 13.
- (9) *Гарскова И.М.* Источник в цифровом формате: концепции исторической информатики // Идеи академика И.Д. Ковальченко в XXI веке: Мат-лы IV Науч. чтений памяти академика И.Д. Ковальченко (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 10 декабря 2008 г.) / Отв. ред. С.П. Карпов. – М., 2009.
- (10) *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. – М., 1987.
- (11) *Ковальченко И.Д.* Исторический источник в свете учения об информации: (К постановке вопроса) // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах: Тезисы докладов III Всесоюзной конференции. – М., 1979.
- (12) Наиболее глубоко эти вопросы проанализированы в монографии И.Д. Ковальченко «Методы исторического исследования». См. также: *Ковальченко И.Д., Тишков В.А.* Итоги и перспективы применения количественных методов в советской и американской историографии // Количественные методы в советской и американской историографии. – М., 1983. *Рабб Т.К.* Развитие квантификации в историческом исследовании // Там же; *Jarausch K.H.* The International Dimension of Quantitative History: Some Introductory Reflections // Social Science History. – 1984. – Vol. 8; *Jarausch K.H.* (Inter)national Styles of Quantitative History // Historical Methods. – 1985. – Vol. 18. – № 1; *Rowney D.K.* Soviet Quantitative History // Soviet Quantitative History. – Beverly Hills; London; New Delhi. – 1984; *Best H., Schroeder W.* Quantitative Historical Research: The German Experience // Historical Social Research. – 1987. – Vol. 21.
- (13) Историческая информатика: Учеб. пособ. – М., 1996. – С. 23–24; *Anderson I.* History and Computing... См. также: *Mawdsley E, Munck T.* Computing for Historians: an Introductory Guide...
- (14) В англоязычной литературе – «исторического компьютеринга» (historical computing).
- (15) *Бородкин Л.И.* Историческая информатика в СССР–России: ретроспектива, состояние, перспективы // История и компьютер: новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании. – Goettingen, 1993; *Он же.* Историческая информатика: этапы развития // Новая и новейшая история. – 1997. – № 1; *Breure L.* Defining Historical Computing // Towards an International Curriculum for history and computing. S. Katharinen. – 1992; *Denley P.* Historical Computing as a New Language for History? // The Art of Communication. Proceedings of the VIII International Conference of the AHC. – Graz, 1995; *Harvey C.* The Nature and Future of Historical Computing // History and Computing III. Historians, Computers and Data. Applications in Research and Teaching. – Manchester; N.Y., 1990; *Speck W.A.* History and

- Computing: Some Reflections on the Past Decade // *History and Computing*. – 1994. – Vol. 6. – № 1; *Thaller M.* The Need of a Theory of Historical Computing // *History and Computing II*. – Manchester; N.Y., 1989; *Thaller M.* Historical Information Science: Is There such a Thing? New Comments on an old Idea // *Seminario Discipline Umanistiche e Informatica. Il Problema dell' Integrazione*. – Roma, 1993; *Woollard M.* What is History and Computing? An Introduction to a Problem // *History and Computing*. – 1999. – Vol. 11. – № 1–2.
- (16) См.: *Boonstra O., Breure L., Doorn P.* Past, Present and Future of Historical Information Science. – Amsterdam, 2004.
- (17) *Borodkin L., Doorn P.* Preface // *Data modeling, modeling history / L. Borodkin, P. Doorn*, eds. Proceedings of the XI International Conference of the Association for History and Computing. – M., 2000. – P. XI.
- (18) *Thaller M.* The Need of a Theory of Historical Computing // *History and Computing II / P. Denley, S. Fogelvik, C. Harvey*. – Manchester, N.Y., 1989.
- (19) *Гарскова И.М.* Историческая информатика и квантитативная история: преемственность и взаимодействие // *Анализ и моделирование социально-исторических процессов*. – М., 2006. – С. 63–64.
- (20) *Гарскова И.М.* Источниковедческие проблемы исторической информатики // *Российская история*. – 2010. – № 3. – С. 153–154.
- (21) Там же.
- (22) *McCrank L.* Historical Information Science. An Emerging Discipline. – Medford, N. J., 2002.
- (23) *Владимиров В.Н., Цыб С.В.* Источниковедение в век компьютера (вместо предисловия) // *Источник, метод, компьютер*. – Барнаул, 1996; *Владимиров В.Н.* Историческая информатика: пути развития // *Вестник ТГПУ*. – 2006. – Вып. 1 (52); *Подгаецкий В.В.* «Историческая информатика» как источниковедение XX и/или XXI века? (Pro et contra: Ad nomen) // *Круг идей: историческая информатика в информационном обществе*. – М., 2001; *Тяжельникова В.С.* Компьютерное источниковедение: к постановке проблемы // *Круг идей: развитие исторической информатики*. – М., 1995. Более подробно о вопросах «компьютерного источниковедения» см.: *Гарскова И.М.* Источниковедческие проблемы исторической информатики. – С. 155–156.
- (24) *Бовыкин В.И.* Проблемы изучения исторической информации (К вопросу об информационном источниковедении) // *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»*. – 1998. – № 23; *Он же.* К вопросу о закономерностях фиксации исторической информации в письменных источниках // *Круг идей: историческая информатика на пороге XXI века*. – Москва; Чебоксары, 1999.
- (25) См., напр.: *Гельман-Виноградов К.Б.* Глобальная трансформация документальных источников на рубеже тысячелетий // *Источниковедение XX столетия: тезисы докладов и сообщений научной конференции*. – М., 1993; *Киселев И.Н.* Электронные документы: основные направления исследований // *Вестник архивиста*. – 2000. – № 3–4; *Тихонов В.И.* Когда наступит время «компьютерной палеографии»? // *Круг идей: Историческая информатика в информационном обществе*. – М., 2001; *Тихонов В.И.* Аутентичность и целостность электронных документов при долговременном хранении // *Вестник архивиста*. – 2002. – № 4–5; *Юшин И.Ф.* Электронные документы как исторический источник // *Круг идей: Электронные ресурсы исторической информатики*. – М., 2003. – С. 37–51; *Грум-Гржимайло Ю.В., Сабенникова И.В.* Некоторые проблемы публикации архивных документов в электронных изданиях // *Вестник архивиста*. – 2006. – № 2–3; *Грум-Гржимайло Ю.В., Поляков М.Н.* Виртуальный архив как перспективная система

- поддержки и сопровождения исторических исследований // Отечественная история. – 2008. – № 2.
- (26) *Бородкин Л.И., Владимиров В.Н., Гарскова И.М.* Новые тенденции развития исторической информатики. По мат-лам XV Международной конференции «История и компьютер» // Новая и новейшая история. – 2003. – № 1; *Бородкин Л.И.* Историческая информатика в точке бифуркации: движение к Historical Information Science // Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики. – М.: Барнаул, 2005; *Гарскова И.М.* Основные направления развития исторической информатики в конце XX – начале XXI вв. // Вестник Московского университета. Сер. 8 «История». – 2010. – № 3.
- (27) *Гарскова И.М.* Некоторые источниковедческие проблемы создания тематических электронных ресурсов // Проблемы методологии и источниковедения: Мат-лы III Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. – М., 2006; *Бородкин Л.И.* Историко-ориентированные тематические сайты: источниковедческие аспекты разработки контента // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». – 2006. – № 34; *Гарскова И.М.* Использование тезауруса предметной области для поиска информации на тематическом сайте // Там же; *Варфоломеев А.Г., Иванов А.С.* Технология XML: современная реализация ориентированного подхода в работе с комплексами исторических документов // Там же; *Иванов А.С.* Работа с XML-документом как воспроизведение основных этапов источниковедческой критики: новые технологии и возможность коррекции традиционных подходов // Там же.
- (28) В 1993 г. в Лондоне состоялся международный семинар «Электронные информационные ресурсы и историки» (см.: *Electronic information resources and historians: European perspectives.* – Goettingen, 1993).
- (29) В 2000-х гг. появляется и становится весьма популярным, особенно в среде американских историков, понятие «цифровая история» (digital history), которое находится под мощным влиянием быстро развивающихся технологий. Это понятие в основном отражает прагматический, прикладной аспект исследований в русле исторической информатики, теснейшим образом связанный с цифровыми (электронными) информационными ресурсами для исторических исследований и образования. См., напр.: *Ayers E.* The Pasts and Futures of Digital History. – L., 1999 // <http://www.vcdh.virginia.edu/PastsFutures.html>; *Cohen D.J., Rosenzweig R.* Digital History: A Guide to Gathering, Preserving, and Presenting the Past on the Web. – Philadelphia, 2005; *Cohen D.* Digital history: the raw and the cooked // *Rethinking History.* – Jun., 2004. – Vol. 8. – Issue 2; *Cohen D., etc.* Interchange: The Promise of Digital History // *Journal of American History.* – Sep., 2008. – Vol. 95. – № 2.
- (30) Следует отметить, что кризис коснулся не всех национальных ветвей АНС – американская ассоциация и ассоциация «История и компьютер» практически не были им затронуты, хотя по разным причинам: американская изначально была ориентирована в основном на использование информационных технологий в историческом образовании, а «История и компьютер» развивала ресурсное направление деятельности, не прекращая разрабатывать теоретико-методологические и источниковедческие проблемы исторической информатики.
- (31) Подробнее см.: *Бородкин Л.И.* Приоритеты современной исторической информатики: технологии e-Science // Круг идей: междисциплинарные подходы в исторической информатике. – М., 2008.
- (32) *Alkhoven P., Doorn P.* New Research Perspectives for the Humanities // *International Journal of Humanities and Arts Computing.* – 2007. – Vol. 1. – № 1.
- (33) *Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. – М., 2008.
- (34) Там же. – С. 131–132.

(35) *Ковальченко И.Д.* Исторический источник в свете учения об информации...

(36) Там же. – С. 228.

INFORMATION TECHNOLOGY AND INFORMATION APPROACH IN HISTORICAL RESEARCH

I.M. Garskova

Department of Historical Information Science
Moscow State University
Lomonosovsky Ave., 27-4, Moscow, Russia, 119992

The article is devoted to the evolution of theoretical and applied aspects of information technology in historical research. The author shows that the development of theoretical concepts of an information approach, methodological and technological standards of the analysis of the information contained in historical sources is determined by the interdisciplinary relationship between history and other social sciences and by specificity of the historical sources. The impact of technological and information revolutions on the development and change of theoretical concepts is studied on the example of international and Russian experience in the interdisciplinary field of historical information science.

Key words: information technology, information approach, theory, methodology, technology, historical sources, historical information science.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ИСТОРИЯ НАРОДОВ РОССИИ. К ИТОГАМ ВСЕСОЮЗНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В РУДН (МОСКВА, 19–20 МАЯ 2011 Г.)

19–20 мая 2011 г. в Российском университете дружбы народов прошла 15-я Всероссийская научно-практическая конференция «История народов России» (1) (далее ссылки на это издание).

В условиях нарастания культурного разнообразия и стремления к социокультурной идентичности, т.е. разворачивания процесса глокализации как специфического тренда глобализации начала XXI в., научная значимость обращения к истории народов России, тем более в формате всероссийской конференции, не вызывает сомнений. Российское общество многонациональное и, соответственно, «проблема соотношения истории страны и истории ее народов всегда актуальна». Организаторы конференции связывают новый этап в исследовании данной проблематики с «рядом важнейших факторов социально-политического, экономического, психологического и нравственно-духовного развития современного российского общества, потребностью укрепления общей государственности» и акцентируют внимание на процессе «закономерного перехода этнических проблем из национально-территориального в культурно-просветительное и культурно-образовательное русло» (с. 3).

Целью конференции было выявление современного уровня разработки заявленной проблематики и формирование новых подходов к исследованию проблемы, а также «изучение вопроса о формировании целостной истории народов России» (с. 3).

В конференции участвовали ученые, представляющие ведущие научные и учебные центры России и ближнего зарубежья: Иркутский, Петрозаводский, Поморский (Архангельск), Тюменский, Ярославский государственные и Сибирский (Красноярск) федеральные университеты; Российский университет дружбы народов, Российский государственный гуманитарный университет, педагогические вузы Башкирии и Оренбурга; Институты РАН – Российской истории, Социологии, Истории и археологии Уральского отделения, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, а также Белорусский государственный университет (Минск).

В большинстве докладов рассмотрены различные аспекты истории народов России. Н.Я. Лактионова поставила общую проблему сохранения народов и культур как свойства русской цивилизации. Доклады, посвященные различным аспектам политики государства в отношении национальных меньшинств, отчасти подтверждают сделанные автором наблюдения. И.В. Ружицкая проанализировала российское законодательство для Царства Польского, Н.Л. Семенова – политику военных губернаторов Оренбургского края по отношению к башкирам в конце XVIII – первой половине XIX в. М.Б. Балова – политику в отношении ненцев (самоедов) и организацию управления ими в Мезенском уезде Архангельской губернии по уставу 1835 г. Отдельные составляющие политики по отношению к национальным меньшинствам – башкирам, марийцам, мордве – в XIX–XX вв. рассмотрены в докладах А.В. Ахметшиной, Г.А. Коваленко, Ю.О. Куренковой, Л.Г. Сахаровой, И.В. Чемоданова, Н.В. Шалаевой. Г.Г. Корноухова исследовала вопрос мусульманского земледелия на рубеже XIX–XX вв. «Крымский проект» решения еврейского вопроса в СССР и коллизия «великофинского» и советского проектов на Северо-Западе бывшей Российской Империи в 1920-х гг. рассмотрены в докладах М.Г. Агапова и А.И. Бутвило.

Следующая проблема – идентичность и социокультурная динамика различных этнических групп. Процессы обрусения и сохранения идентичности вогулов-манси исследованы С.В. Голиковой, О.В. Чуракова рассмотрела этногендерную идентичность в традиционной культуре народов Севера, И.В. Курышова показала традиции природопользования коренного населения Прибайкалья на рубеже XIX–XX вв. Формирование этнической идентичности белорусов в Российской Империи во второй половине XIX – начале XX в. описал А.Ю. Бендин. Доклад Б.В. Гартвиг посвящен немецким колонистам в Поволжье в первой половине XX в.

Д.А. Аманжолова поставила проблему этнополитической организации и социокультурной динамики применительно к 1920–1930-м гг. Этому же периоду были посвящены доклады Д.Ж. Галсановой о демографических процессах в Бурят-Монгольской АССР; Е.Ю. Дубровской, С.Н. Филимончик и Е.В. Диановой о различных аспектах истории Карелии, А.Ю. Тюрина о подготовке промышленных кадров в Нижневолжском регионе. И.Ю. Трушкова исследовала реакцию традиционной культуры на условия войны применительно к середине XX в.

В связи с вопросами идентичности была рассмотрена проблема формирования национальной государственности. С.Н. Брежнева проанализировала трансформации административно-территориальной организации «русского Туркестана», В.Г. Чеботарева – борьбу Грузии за государственный суверенитет в начале 1920-х гг., Л.Г. Олейник – условия формирования демократических государств в Молдове и на Украине в 1990-е гг.

В докладах О.В. Коваль и Е.С. Сыздыковой затронута история диаспор как специфическая составляющая национальной истории.

На конференции уделено внимание проблеме взаимоотношений в полинациональных/поликонфессиональных социумах и межнационального/межконфессионального общения. В докладах Е.В. Банниковой С.Г. Басыровой, Я.В. Осиповой, Е.Ю. Рукосуева эта проблема изучена применительно к Уральскому региону; калмыцкий и казахский варианты инкорпорации традиционных структур кочевых народов в российскую систему проанализировала Е.В. Дорджиева; взаимоотношения эвакуированных в Башкирскую АССР представителей интеллигенции с местным населением в годы Великой Отечественной войны рассмотрел Р.З. Алмаев. Соотношение тенденций развития и взаимодействие России и Казахстана в 1990–2010 гг. исследовали Н.Е. Бекмаханова и Н.Б. Нарбаев.

В докладах Р.А. Арсланова, Л.В. Белгородской, Е.Н. Ищенко О.А. Кирьяш, Е.В. Линьковой рассмотрены проблемы историографии и методологии изучения истории народов. Актуальный историографический процесс исследован в работах С.Б. Калининко Е.В. Кряжевой-Карцевой, Г.Н. Ланского, М.Б. Ямалова. Опыт преподавания истории народов России раскрыт в докладах Е.С. Косых и В.М. Кузнецова.

В целом конференция продемонстрировала рост интереса к истории народов, а также к мультикультурным процессам в разных регионах.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Материалы конференции опубликованы: История народов России // Мат-лы XV Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, РУДН, 19–20 мая 2011 г.) / Под ред. В.М. Козьменко, В.В. Керова. – М.: Изд-во РУДН, 2011. – 428 с.

М.Ф. Румянцева

Кафедра теории и истории гуманитарного знания
Институт филологии и истории
Российский государственный гуманитарный университет
Никольская ул., 15, Москва, Россия, 109012

**HISTORY OF PEOPLES OF RUSSIA.
THE RESULTS OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC
AND PRACTICAL CONFERENCE IN PFUR
(MOSCOW, MAY 19–20, 2011)**

**ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ Д 212.203.03
В РОССИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 2011 Г.**

Диссертационный совет Д.212.203.03 утвержден при ГОУ ВПО Российский университет дружбы народов (г. Москва) приказом ВАК Минобразования России от 29 декабря 2000 г. № 1328-В. После переаттестации Совет начал работать с 30 мая 2008 г. (Приказ Рособнадзора № 937-823).

Председателем диссертационного совета является д.и.н., проф., зав. кафедрой истории России РУДН В.М. Козьменко. Ученый секретарь диссертационного совета – к.и.н., доц. Е.В. Кряжева-Карцева.

Диссертационному совету разрешено принимать к защите диссертации по специальностям:

- 07.00.02 «Отечественная история» (по историческим наукам);
- 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» (по историческим наукам);
- 07.00.15 «История международных отношений и внешней политики» (по историческим наукам).

В Совете работают не только ученые-историки из Российского университета дружбы народов, но и из Института российской истории РАН, Академии управления при Президенте Российской Федерации, Финансовой академии при Правительстве Российской Федерации и др.

За первую половину 2011 г. в диссертационном совете защищено 14 диссертаций:

– 8 диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 «Отечественная история», подготовленные диссертантами – гражданами Российской Федерации;

– 3 диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.15 «История международных отношений и внешней политики», подготовленные диссертантами – гражданами Российской Федерации;

– 3 диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.15 «История международных отношений и внешней политики», подготовленные диссертантами – гражданами Ливанской Республики, Республики Грузия, Республика Кения.

Большинство диссертаций подготовлено на кафедре истории России и кафедре теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук РУДН.

Тематика рассмотренных диссертационных работ посвящена актуальным проблемам, которые связаны с основными направлениями исторической науки. Результаты этих работ имеют большое теоретическое и практическое значение, могут использоваться в учебном процессе.

**Диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук
по специальности 07.00.02 «Отечественная история»**

Диссертация *Моники-Наталии Лауренсовны Вагнер* «Сотрудничество Российской Федерации и Республики Казахстан в области образовательной и научной деятельности в 1991–2010 гг.» (научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В.Н. Чистохвалов, профессор кафедры сравнительной и образовательной политики Российского университета дружбы народов) выполнена на кафедре истории России Российского университета дружбы народов.

Диссертация *Вячеслава Николаевича Левчика* «Исторический опыт культурного сотрудничества Российской Федерации и стран Содружества Независимых Государств в 1991–2005 гг.» (научный руководитель – доктор исторических наук, профессор С.Ф. Гребениченко, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов) выполнена на кафедре истории России Российского университета дружбы народов и научно-образовательном Центре по изучению СНГ при Российском университете дружбы народов.

Диссертация *Вячеслава Петровича Литвинова* «История деятельности царской власти по применению административной ссылки в русском Туркестане в 1865 – феврале 1917 г.» (научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Р.А. Арсланов, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов) выполнена в Елецком государственном университете им. И.А. Бунина.

Диссертация *Александры Викторовны Мироновой* «Становление и развитие муниципальной политики Москвы в 1991–2005 гг. (исторический аспект)» (научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Р.А. Арсланов, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов) выполнена на кафедре истории России Российского университета дружбы народов.

Диссертация *Кирилла Сергеевича Орлова* «История становления и деятельности политических партий и организаций социал-демократической направленности в России (1991–2010 гг.)» (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент М.Н. Мосейкина, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов) выполнена на кафедре истории России Российского университета дружбы народов.

Диссертация *Дмитрия Валерьевича Палаткина* «Сотрудничество СССР и Российской Федерации с корпорацией «Де Бирс» в 1921–2001 гг.:

исторический аспект» (научный руководитель: кандидат исторических наук О.П. Вечерина, заместитель руководителя аналитического управления АК «АЛРОСА») выполнена в отделе Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

Диссертация *Игоря Ивановича Пименова* «**Особенности становления и развития московского местного самоуправления в 1991–2005 гг.**» (научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Е.А. Котеленец, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов) выполнена на кафедре истории России Российского университета дружбы народов.

Диссертация *Арсена Симоновича Симонына* «**Интеграция Восточной Армении в Российскую империю в последней четверти XVIII в. – первой половине XIX в.**» (научный руководитель – доктор исторических наук, профессор С.Ф. Гребениченко, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов) выполнена на кафедре истории России Российского университета дружбы народов.

**Диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук по специальности 07.00.15
«История международных отношений и внешней политики»**

Диссертация *Александра Александровича Габиева* «**Роль Германии в обеспечении энергетической безопасности в Европе (1998–2010 гг.)**» (научный руководитель – доктор исторических наук, профессор А.С. Протопопов, заслуженный профессор Российского университета дружбы народов, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов) выполнена на кафедре теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

Диссертация *Александра Владимировича Кувшинова* «**Международное сотрудничество РФ и ЕС в области предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций (1990–2011 гг.)**» (научный руководитель – доктор исторических наук, профессор М.А. Шпаковская, профессор кафедры истории международных отношений Российского университета дружбы народов) выполнена на кафедре истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

Диссертация *Хассана Ахмада Мекдаше (Ливанская Республика)* «**Ливано-французские отношения в контексте ситуации на Ближнем Востоке (1975–2010 гг.)**» (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент Е.М. Савичева, доцент кафедры теории и истории международных

отношений Российского университета дружбы народов) выполнена на кафедре теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

Диссертация *Дмитрия Олеговича Панкова (Республика Грузия) «Приоритеты внешней политики Республики Грузия (1991–2010 гг.)»* (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент Е.М. Савичева, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов) выполнена на кафедре теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

Диссертация *Гладис Чепкируй Ротич (Республика Кения) «Кения в системе региональных международных отношений в Восточной Африке (1960–2010 гг.)»* (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент К.П. Курылев, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов) выполнена на кафедре теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

Диссертация *Ренаты Сергеевны Фаизовой «Роль Республики Казахстан в интеграционных процессах на постсоветском пространстве (1991–2010 гг.)»* (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент Е.М. Савичева, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов) выполнена на кафедре теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

Председатель диссертационного Совета,
доктор исторических наук, профессор

В.М. Козьменко

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

Е.В. Кряжева-Карцева

НАША БИБЛИОГРАФИЯ

ПОЛИТИКАМ НАДО ЧАЩЕ ОГЛЯДЫВАТЬСЯ НА СВОЮ ИСТОРИЮ.
Рец. на кн.: *Баркова О.Н. История разработки и принятия Конституции РСФСР 1925 г. – М., 2008. – 268 с.*

М.В. Столяров

В общем потоке монографий, изданных в последние годы по проблемам истории государственного строительства в России, нельзя не заметить впечатляющую работу О.Н. Барковой «История разработки и принятия Конституции РСФСР 1925 г.».

«Ситуация, сложившаяся сегодня в национально-государственном строительстве Российской Федерации, может быть всесторонне осмыслена только в контексте преемственности исторического процесса», – пишет автор (с. 3) (здесь и далее ссылки на это издание).

Данная авторская мысль является своего рода ключом к пониманию всей сложности рассматриваемых в монографии проблем. Ведь речь идет об истории многонационального государства, которое уже с первых лет своего существования законодательно закрепило федерализм и федеративные отношения как основу государственности. Таким образом, предложенный автором экскурс в историю российского конституционализма позволяет широкому читателю и исследователям исторических документов понять взаимосвязь Конституции РСФСР 1925 г. и соотнести ее с Основным законом страны, принятым 12 декабря 1993 г.

О.Н. Баркова, исследовав архивные данные по Конституции РСФСР 1925 г., обращает наше внимание на то, что Конституция, по которой страна жила во второй половине двадцатых – первой половине тридцатых годов, *«как бы выпала на время из поля зрения исследователей»* и, прежде всего, историков (с. 3).

Автор, оценив проблему с высоты сегодняшнего дня, делает вывод о том, что РСФСР, юридически считавшаяся суверенной республикой, была фактически низведена до положения автономной и утратила свою самостоятельность. РСФСР, став в начале 1920-х гг. одной из союзных республик в составе образованного СССР, автоматически меняла не только свой правовой статус, но и существенное содержание. Динамика федерализма внутри самой Россий-

ской Федерации предопределялась соответствующим состоянием и уровнем развития национальных отношений в ней: вступившие в Российскую Федерацию автономные республики оказались на положении скорее области, чем самостоятельного образования в составе РСФСР.

История, как говорят, повторяется. Вот и в данном случае вопреки положениям Конституции 1993 г. республики – субъекты РФ оказались в странном статусе «равенства» с областями, краями и другими субъектами РФ. В стране идет широкая дискуссия о «республиканизации» областей и «губернизации» республик.

О.Н. Баркова классифицирует важнейшие функции Конституции: учредительная, организаторская, внешнеполитическая, идеологическая и юридическая. Организаторская функция, по мнению автора, заключалась в том, что Конституция 1925 г. не только оформляла все достигнутое республикой с 1919 до 1925 г., ставя новые задачи перед российским обществом, но и стимулировала его политическую активность. Юридическая функция заключалась в том, что Конституция становилась основой нового этапа развития российской государственности, сама регулировала общественные отношения и давала импульс для развития местного законодательства.

Внимательное рассмотрение истории двадцатых годов в компаративном измерении с историей 1990-х гг. позволяет сделать вывод о том, что правовые **коллизии**, возникающие между различными уровнями публичной власти, порождены не федерализмом как формой государственного устройства, а **вытекают из несовершенства федеративных отношений**, прежде всего в **сфере разграничения полномочий**. Наведение конституционного порядка в стране, переживающей трудности переходного периода, меры, направленные на укрепление социально-экономической стабильности, встречают поддержку широких слоев населения.

Автор монографии уделяет много внимания историческому процессу, связанному с внесением поправок в Конституцию 1925 г. В частности, в работе отмечается, что *«тенденции и идеи углубления централизации хозяйственной жизни республики, прописанные в проекте Госплана, объяснялись желанием поднять и повысить роль планирования в РСФСР, учитывая социально-экономическое положение и условия проведения экономической политики того периода»* (с. 141–142).

Сегодня только «ленивый» не говорит о недостатках и противоречиях Конституции 1993 г., на основе которой осуществляется федеративное государственное строительство. Но оказывается, что в девяностые годы мы вновь столкнулись с нарушениями принципов федерализма современной политической элитой. Это означает, что политики пока не знают нашей истории и не усваивают ее уроков. Это делает монографию О.Н. Барковой еще более актуальной и востребованной в условиях современной России.

В Конституции РФ заложены базовые принципы федерализма. Вокруг них и происходит непрекращающаяся дискуссия политиков, государствен-

ных деятелей, ученых-политологов и широкой общественности. Собственно именно этот процесс в деталях представлен в монографии. О.Н. Баркова как бы приоткрыла читателю страницу истории и убедительно показала, что полемика о принципах федерализма в России имела место не только в 1990-е гг. Она была актуальной уже девяносто лет назад.

Из монографии следует, что российскую государственность с первых ее шагов подстерегали сложности и проблемы, являющиеся следствием несоответствий и коллизий между автономиями, претендующими на суверенитет, и федерацией.

Автор монографии справедливо отмечает, что на X Всероссийском съезде Советов, принявшем решение об образовании СССР, РСФСР, входя в состав СССР, передает Союзу полномочия, отнесенные, в соответствии со ст. 1 Конституции СССР, к ведению органов СССР. С целью расширения сферы компетенции центральной власти были приняты ряд поправок. Автор упоминает одну из них, отмечая, что *«Всероссийский съезд Советов и ВЦИК теперь должны были вести не только внутренней политикой РСФСР, но и внешней, ведение которой отошло к Союзу СССР»* (с. 150).

В 1990-е гг. проблема усугублялась отсутствием законодательных актов об общих принципах организации государственной власти в субъектах Федерации, о принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов Федерации. Правовой статус автономных округов не был законодательно закреплен, а механизм ответственности высших должностных лиц в регионах за несоблюдение Конституции РФ и федерального законодательства отсутствовал.

Вопрос о единстве и целостности – ключевой вопрос любого государства. Но любая федерация имеет свои конституционные особенности, отличающие ее от государства унитарного. Иногда, руководствуясь стремлением сохранить целостность России, некоторые федеральные политики забывают о том, что **конституционно-уставное и законодательное разнообразие обогащает российскую государственность, позволяет учесть особенности многонационального населения России**. Основной Закон Российской Федерации не наделяет федеральные органы правом отменять или приостанавливать те или иные положения конституций, уставов, других нормативно-правовых актов субъектов РФ, не соответствующие федеральной Конституции.

Но к концу 1990-х гг. количество законов и нормативных актов субъектов, противоречащих Конституции РФ и федеральному законодательству, значительно возросло.

Неверно делать из этого далеко идущие выводы – в сфере законов и правовых норм различных уровней все еще слишком много противоречий. Очевидным является то, что не всякое несоответствие законодательства субъектов РФ должно рассматриваться как нарушение федеральной Конституции.

О.Н. Баркова утверждает: *«процесс активной автономизации начался в РСФСР еще в 1919 г. и проходил сразу на двух уровнях: республиканском и областном. Но помимо закрепления уже сложившейся практики национально-государственного строительства, Конституция 1925 г. внесла в нее определенные коррективы. Конституция РСФСР, подтверждая право автономных республик иметь свои конституции, все же предъявляла требования: представлять текст Конституции АССР на утверждение ВЦИК, а затем и Всероссийского съезда Советов»* (с. 167). Тема взаимодействия между уровнями власти и передачи полномочий от одного уровня к другому является весьма важным элементом конституционного законодательства. Поэтому упоминание автором этого вопроса носит исключительно значимый характер и составляет основу федеративных отношений в стране.

Важно отметить, что в Конституции 1993 г. имеются положения, касающиеся делегирования полномочий как от Федерации к субъекту РФ, так и от субъекта РФ к Федерации (с. 78).

Исследование О.Н. Барковой было бы еще более актуальным, если бы автор провела сравнение Конституции РСФСР 1925 г. с Конституциями Украинской социалистической советской республики 1929 г. и Белорусской социалистической советской республики 1927 г. (возможно, и других республик СССР). Такое сравнение позволило бы выявить степень унификации Основного закона в республиках СССР второй половины 1920-х гг., специфику федеративного устройства РСФСР, зафиксированного в ее Конституции.

Новый российский федерализм имел трудное детство, которое к середине 1990-х гг. сменилось нелегким и иногда непредсказуемым *подростковым* возрастом. Действующая Конституция Российской Федерации в силу своего «компромиссного» несовершенства, по мнению некоторых политиков, не могла и не может гарантировать в полной мере успеха в развитии российского федерализма, поскольку не проясняет его окончательную модель. Но сегодня Основной закон страны работает, и работает весьма успешно. Конституция 1993 г. не могла состояться без опыта конституционного нормотворчества в 1925 г. Поэтому политикам надо чаще оглядываться на свою историю и на исторический опыт в реализации принципов Конституции 1925 г.

В этом отношении работа О.Н. Барковой дает нужные ориентиры в правовом пространстве федеративного государства. Монография может быть рекомендована в качестве учебного пособия не только для историков, но и для многих специалистов иного профиля.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ФИЛОСОФ, ИСТОРИК, ОРГАНИЗАТОР НАУКИ. НУРУ СЕРИКОВИЧУ КИРАБАЕВУ – 60 ЛЕТ!

Дорогой Нур Серикович!

Коллектив кафедры истории России РУДН в ваш юбилей, пришедшийся на пятнадцатилетие основанного вами Факультета гуманитарных и социальных наук, не может не вспомнить недавнее прошлое и не остановиться на том, что Вы сделали для развития исторической специальности, да и всей науки в университете.

Вы выступили с инициативой создания нового гуманитарного факультета в переломную для всего университета, да и нашей страны эпоху, когда высшая школа в результате реформ начала 1990-х гг. оказалась на грани выживания. В это время многие вузы, брошенные в пучину стихийного рынка, встали на путь коммерциализации, открывая лишь те дисциплины, которые могли обеспечить поступление контрактных студентов.

Вы же, как подлинный ученый и талантливый организатор, известный специалист в области истории философии и философской компаративистики, прекрасно понимающий роль гуманитарных наук, их взаимодействия в культурном развитии общества, предложили на базе историко-филологического создать качественно новый факультет. Однако отвлеченное понимание далеко не у всех воплощается на практике. Вы же, благодаря врожденной энергии и целеустремленности, сумели, преодолевая различные трудности, объединить гуманитарные кафедры в рамках одного факультета, который вскоре стал крупным и общепризнанным в профессиональной среде научным центром страны, престижным и притягательным для молодежи России местом обучения. При этом, усилив научный и творческий потенциал созданного вами факультета за счет интеграции гуманитарных кафедр, Вы сумели не только сохранить лучшие традиции ранее существовавшего историко-филологического факультета, но и, укрепив профессорско-преподавательские кадры, стимулировать создание новых перспективных учебных и научных направлений, обновить и расширить материальную базу факультета. В его стенах, благодаря активному применению междисциплинарного

подхода и различного рода инноваций, вашей непосредственной поддержке новый импульс для своего развития получили и исторические кафедры.

Ваши успехи на посту декана не раз были отмечены руководством университета, став, помимо прочего, основанием для назначения на высокий пост проректора по науке. Однако поставленные вами цели, а главное – созданная на факультете нравственно-академическая атмосфера продолжают оказывать благотворное влияние на его развитие.

Будучи проректором, Вы продолжали уделять огромное внимание укреплению международного сотрудничества университета. Так, именно при вашем непосредственном участии кафедра истории России сумела разработать и реализовать совместную с Гренобльским университетом им. Пьера Мендеса Франса магистерскую программу «История и диалог культур». Сегодня уже семь студентов получили двойной диплом магистров.

За последние годы во многом благодаря вашим усилиям заметно активизировалась научная деятельность как всего Университета, так и ФГСН. Резко возрос авторитет самой науки, что благотворно сказалось на учебном процессе, а главное – профессиональной самооценке, да и материальном положении многих преподавателей.

Благодаря вашей непосредственной поддержке кафедра истории России в 2008 г. сумела получить два гранта РГНФ: «Эволюция деловой культуры в России в XIX – начале XX в.: подходы, методы, исследовательские модели» – научный руководитель проф. В.В. Керов, а также «Эволюция реформаторской демократической мысли России во второй половине XIX – начале XX в.: модели развития, историография и методы исследования» – научный руководитель проф. Р.А. Арсланов. Их реализация способствовала не только значительному росту числа публикаций, подготовленных преподавателями кафедры, но и укреплению разносторонних связей с крупнейшими научными центрами страны.

Ваши личные и профессиональные качества, проявляющиеся, например, в таланте ученого-философа, в умении раскрыть потенциал сотрудников и создать вокруг себя творческую атмосферу, в организаторских способностях и требовательности, свидетельствуют о Вас как о настоящем лидере. Эти качества, наряду с огромной работоспособностью, вашей энергией и даже стремительностью, которая проявляется во всем, и, в первую очередь в движении мысли, помогают нашей кафедре, да и всему университету успешно развиваться, сохраняя при этом свой особый статус международно-ориентированного центра, с одной стороны, отстаивающего ценности дружбы и культурного взаимодействия различных народов, а с другой – формирующего национальное самосознание и патриотические убеждения.

Одним из залогов вашей успешной работы на научном и административном поприще является гармоничное сочетание присущего вам традиционного академизма и склонности, даже предрасположенности к различного рода инновациям. Вас отличает как подлинная щедрость настоящего учено-

го, способного бескорыстно делиться идеями, из которых вырастают перспективные темы научных изысканий, так и чуткость к чужой мысли, умение ее «услышать» и поддержать.

Сумев в период потрясений создать инновационный факультет, обеспечить сочетание академической свободы с четкой организацией его работы Вы, Нур Серикович, заслужили глубочайшее уважение всего коллектива университета, да и научного сообщества. От всей души желаем Вам успехов на вашем нелегком и крайне ответственном поприще, а также крепкого здоровья.

НАШИ АВТОРЫ

АРЖАНОВА Ирина Вадимовна – кандидат технических наук, доцент, генеральный директор Национального фонда подготовки кадров.

E-mail: panevina@ntf.ru

БАРИНОВ Игорь Игоревич – аспирант кафедры отечественной истории XX–XXI в. исторического факультета Московского университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: barinovnoble@gmail.com

ГАРСКОВА Ирина Марковна – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторической информатики исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: garskova@hist.msu.ru

ДУТЧАК Елена Ерофеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории дооктябрьского периода Томского государственного университета.

E-mail: dee010@mail.ru

ИВАНОВ Виталий Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России исторического факультета Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского.

E-mail: madivasv@rambler.ru

КАИЛЬ Максим Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Смоленского государственного университета, помощник ректора – руководитель информационно-аналитического центра, координатор научных программ научно-образовательного центра «История советской и постсоветской России».

E-mail: mvkail@mail.ru

ЛИНЬКОВА Елена Валентиновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

E-mail: e.v.linkova@rambler.ru

МИЧУРИН Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Санкт-Петербургского политехнического университета.

E-mail: michurinspb@mail.ru

РЕНЁВ Евгений Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Ижевского государственного технического университета.

E-mail: egr@idz.ru

РУМЯНЦЕВА Марина Федоровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета.

E-mail: mf-r@yandex.ru

САКОН Юкимура – магистр, научный сотрудник Центра славянских исследований Университета Хоккайдо, Япония.

E-mail: sak-yukimura@yandex.ru

СОЛОВЬЕВ Кирилл Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России нового времени Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

E-mail: kirillsol22@yandex.ru

СТОЛЯРОВ Михаил Венедиктович – доктор политических наук, первый заместитель Полномочного Представителя Республики Татарстан при Президенте Российской Федерации.

E-mail: info@souzpolitolog.ru

ЮРКЕВИЧ Александр Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры цивилизационного развития Востока отделения востоковедения факультета философии Высшей школы экономики.

E-mail: urkevich_a@rambler.ru

ТРЕБОВАНИЯ

к рукописям, представляемым в редакционную коллегию
периодического издания (научного журнала)
«ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
Серия «История России»»

Рукописи принимаются:

- в *электронной форме* на дискете, диске, в виде послания по электронной почте;
- в *формате* MS Word 14-м кеглем через 1,5 интервала;
- *тип файла* – DOC.

Объем – от 25 000 до 40 000 знаков, включая **сноски** и **межсловные интервалы** (пробелы).

Оформление дат: 1917 г., 1920-е гг., 1930–1940-е гг., XIX в., XVIII–XX в., 19th century, 1930s.

Сокращения: 1500 чел., 2 млн руб., 3000 тыс. долл.

Сноски автоматические концевые:

- в верхней строчке окна MS Word 1997–2000: Вставка ⇒ Сноска ⇒ Концевую ⇒ Автоматическая ⇒ Параметры ⇒ Концевые сноски ⇒ Формат номера ⇒ 1, 2, 3...;
- или в Word XP: Вставка ⇒ Ссылки ⇒ Сноска ⇒ Концевые сноски ⇒ Формат номера – 1, 2, 3.

Сноски оформляются по ГОСТ 7.1-84, при повторном упоминании не повторяются выходные данные, возможно сокращение названия.

Таблицы – в файлах MS Word в составе основного текста.

Название статьи – на русском и английском языках.

Аннотация – на русском и английском языках от **300** до **500 знаков** на каждом языке.

Ключевые слова – до 10 слов и словосочетаний на русском и английском языках.

Об авторе – фамилия, имя, отчество автора полностью; ученая степень, ученое звание, должность, адрес электронной почты.

Место работы – официальное название, название подразделения (кафедры, отдела, центра), где работает автор; почтовый адрес с индексом (на русском и английском языках), адрес электронной почты для связи с автором (в одном файле с текстом статьи).

Все данные – в **одном файле с текстом статьи**.

Образец оформления рукописи и электронные адреса редколлегии см. на сайте: www.rudn.ru ⇒ наука ⇒ научные журналы ⇒ Вестник РУДН ⇒ сер. «История России».

Плата за публикации статей не взимается.

ВЕСТНИК
Российского университета
дружбы народов

Научный журнал

Серия
ИСТОРИЯ РОССИИ

2011, № 4

Зав. редакцией *Т.О. Сергеева*
Редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Н.В. Малаховская*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: 955-07-16

Адрес редакционной коллегии
серии «История России»:
ул. Миклухо-Маклая, 10-2, к. 506, Москва, Россия, 117198
Тел.: (495) 434-23-12
E-mail: v.kozmenko@gmail.com

Подписано в печать 05.12.2011. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 16,74. Тираж 500 экз. Заказ № 1501

Типография ИПК РУДН
ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: 952-04-41

BULLETIN
of Peoples' Friendship
University of Russia

Scientific journal

Series
RUSSIAN HISTORY

2011, № 4

Managing editor *T.O. Sergeeva*
Editor *K.V. Zenkin*
Computer design *N.V. Malachovskaya*

Address of the editorial board:
Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze Str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph.: +7 (495) 955-07-16

Address of the editorial board
Series «Russian History»:
Miklukho-Makhlaya Str., 10-2, Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 434-23-12
E-mail: v.kozmenko@gmail.com

Printing run 500 copies
Address of PFUR publishing house
Ordzhonikidze Str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph.: +7 (495) 952-04-41

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

18232

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «История
России»

Количество
комплектов:

на 2011 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

18232

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «История России»

Стои- мость	подписки	руб. ___ коп.	Количество комплектов:
	переадресовки	руб. ___ коп.	

на 2011 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)